АЛЬБЕРТ МАТЬЕ

КАК ПОБЕЖДАЛА ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

АЛЬБЕРТ МАТЬЕ

КАК ПОБЕЖДАЛА ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ *Ц. ФРИДЛЯНДА*

М.: ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК. 1928

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

От автора

Часть первая. РЕКРУТИРОВАНИЕ
- Глава I. Национальная гвардия
- II. Королевская армия. Ее организация
- III. Королевская армия. Ее дух
- IV. Оборона революционная и оборона национальная
- V. Призывы добровольцев
- VI. Организация добровольцев
- VII. "Отечество в опасности"
- VIII. Доброволец Габриэль Ноэль
- IX. Мобилизация 300.000 человек
- X. Всеобщая мобилизация и реквизиция
- XI. Освобожденные и "окопавшиеся"

Часть вторая. ОРГАНИЗАЦИЯ
- Глава I. Слияние линейных войск с добровольческими батальонами
- II. Материальное снабжение. Вооружение
- III. Материальное снабжение. Боевые припасы
- IV. Обмундирование. Поставщики
- V. Помощь семьям воинов

Часть третья. ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ и АРМИЯ
- Глава I. Конвент и верховное командование
- II. Диктатура Комитета Общественного Спасения
- III. Комитет Общественного Спасения и генералы
- IV. Тактика Карно
- V. Дух армии революции
- VI. Террор и национальная оборона
- VII. Депутаты в армии
- VIII. Женщины в армии
- IX. Мобилизация ученых во II году

Заключение. ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

А.Матье, ныне член-корреспондент Академии наук СССР, — глава новой школы по изучению великой революции XVIII в., так называемого «Общества по изучению жизни и деятельности Робеспьера (Societe des etudes Robespierristes) и редактор журнала «Annales de la Revol. Francaise» («Анналы Фр.Революции»), А.Матье — не марксист и не коммунист; Матье — французский ученый, в наши дни наиболее крупный и наиболее близкий к нам историк революции. Он заслонил Олара, чьи ученики особенно усердно превозносят умеренных деятелей революции конца XVIII века, чтобы осудить «крайности большевизма». А.Матье логикой событий, защищая якобинцев, должен был поближе познакомиться с пролетарской революцией в России. Буржуазия толкает его к нам. Будет ли он достоин прямолинейннх якобинцев великой революции?

Еще недавно на страницах крупного капиталистического органа, газеты «Temps», Матье прозвали террористом («Террорист за работой»). И это только потому, что в своей последней работе «La vie chere» (выходит на русском языке в изд. Инст. Маркса и Энгельса — «Борьба с дороговизной») он реабилитировал крайне левое крыло якобинцев и впервые поставил во весь рост вопрос о «бешеных». Профессора А.Матье преследуют, реакция ему угрожает. С тем большим интересом мы предлагаем читателю его небольшую книжку «О победе II года».

Наша революция — не национальное явление, а мировое событие. Таким была и французская революция XVIII в. Якобинцы объявили «войну дворцам и мир хижинам» не только во Франции, но и во всей

Европе. Революционная армия несла с собою свободу и создавала условия для строительства нового общественного порядка во всех завоеванных ею областях. Ленин отметил в свое время («О революционной фразе», 1918 г.) то, что сближает (и отличает) нашу революцию с революцией XVIII в. Франция была тогда на континенте передовой страной капитализма; она была окружена феодально-отсталыми государствами; классовой борьбой руководила национально-ограниченная буржуазия; войну революция смогла начать и вести благодаря тому, что внешняя политика страны была подчинена интересам внутренней политики, гражданской войне. Борьба с коалицией необходима была не для «защиты отечества», а для защиты завоеваний революции. Победоносная война стала возможной лишь тогда, когда народ получил то, что ему теперь стоило и необходимо было защищать. Все это часто забывает А. Матье, чей простой, научно-обоснованный очерк о том, «Как побеждала революция», мы предлагаем вниманию читателей.

Прежде всего отметим, что книга Матье вышла в разгар войны 1914—1918 г.г. Автор попытался использовать традиции революции для того, чтобы крепче приковать свой народ к колеснице патриотизма. Воспоминания о революционном прошлом буржуазия часто эксплоатирует для того, чтобы обезоружить пролетариат в настоящем. Не в этом ли опасность замечаний А. Матье о роли рабочих в «национальной» войне и добровольческой армии 1792 года? В XX в., однако, пролетариат служит своим классовым целям,—это забывает Матье. Но все же он многому научился за последние десять лет. Его «La vie chère» в 1927 г. трактует уже о «бешеных», т.-е. о попытке трудящихся XVIII в. вырваться из орбиты буржуазии.

Революционная война 1792—94 г.г. изображена автором, как национальная война, но это значит преуменьшать значение революционных войн. Мы, коммунисты, восстанавливаем их славу против воли буржуазии. Революционная армия преодолевала национальную ограниченность. 16 декабря 1792 г. Конвент объявил всем народам:

«Братья и друзья, мы завоевали свободу, и мы удержим ее: в этом залог нашего единства и нашей мощи. Мы предлагаем вам разделить с нами благо этого неоценимого сокровища, которое искони было и вашим и которого могли лишить вас ваши угнетатели только путем преступления. Мы пришли, чтобы изгнать ваших тиранов; они бежали; покажите себя достойными свободы, и мы охраним вас от их возвращения, мести и происков.

«С этого момента Французская республика провозглашает низложение всех ваших гражданских и военных должностных лиц, всех представителей власти, управлявших вами; она объявляет отмену в вашей стране всех налогов, обременяющих вас, под каким бы видом они ни существовали,—феодальных прав, пошлин на соль, дорожных пошлин, пошлин на съестные припасы, на въезд и выезд, десятины, исключительных прав охоты и рыбной ловли, барщины, дворянства и всех вообще податей и повинностей всякого рода, наложенных на вас вашими угнетателями.

«Она уничтожает также все дворянские, духовные и прочие корпорации, все преимущества и привилегии, противные равенству. С этой минуты, братья и друзья, вы все—граждане, все равные в правах, все одинаково призваны защищать вашу родину, управлять ею и служить ей».

Это было революционной программой классовой войны.

Да и сам Матье в ряде своих работ «об иностранцах в революции» показал, что Франция конца XVIII в. не была в плену у шовинизма. Не Конвент ли в конце 1927 г. избрал более 20 граждан—«гражданами Французской республики»? Среди них были англичане, немцы, американцы и итальянцы; поэты (Шиллер), ученые (Пристлей) публицисты (Г. Пэн), борцы за свободу народов (Буонаротти, друг Гракха

Бабефа) и др. Революционная война, французская армия имели на своей стороне заговорщиков всех стран; армию и революцию ненавидели реакционеры всех государств. Врагом революции была Англия. С XVIII и вплоть до XX века, до наших дней, консервативная Англия снабжает контр-революцию «деньгами и энергией», возглавляет мировую реакцию.

В Англии революционеры XVIII в. («Корреспондентские общества») объявляли: «Вся угнетенная часть человечества разделяет с вами, французы, ваши страдания и живет лишь ими, забывая свои собственные; наблюдая с тревогой происходящее, она возносит к божеству вселенной самые горячие молитвы о том, чтобы оно помогло вам в вашем деле, с которым так тесно связано благо человечества».

Так думали не одни только англичане. И белый террор был во всех странах ответом имущих классов.

Но не только в этом смысле революционная война не была национальной войной. Она не была ею и по своим целям. Как мы видели, она имела в виду повсюду ликвидировать феодальные порядки. «Санкюлоты,—пишет Матье,—дрались за политический и социальный идеал». Но что это значит? Это значит, что им были чужды не только завоевательные цели буржуазных войн, но и мысль о примирении с имущими классами Европы. Во II г. не было солдат,—были граждане-революционеры. «Борьба шла тогда,—остроумно замечает Матье,—не за завоевание гроба какого-то бога (как это было во время крестовых походов), а за то, чтобы не дать уложить в гроб человечество». Однако Матье не вскрывает связи между внутренней и внешней политикой. Кажется странным и противоречащим работам самого Матье, что даже диктатура Комитета Общественного Спасения изображается им только как диктатура военного штаба. Вот почему автор дает лишь частичное объяснение факту подчинения армии и ее генералов политическому штабу революции.

Могла ли мечтать и желала ли тогда какая-либо подлинно революционная часть армии играть самостоятельную роль, не подчиниться политическому руководству страны—Конвенту и Комитету Общественного Спасения? В августе 1793 г. генерал Гош писал Кутону, члену Комитета: «Пусть дадут мне возможность работать с картами в камере, с цепями на ногах, пока враг не будет изгнан из Франции». Когда Гош был арестован весною 1794 г., он писал из тюрьмы: причина ареста—«мой отказ советоваться с представителями народа, когда я считал, что надо действовать быстро». Подчинение генералов и армии Конвенту и Комитетам через комиссаров было полное и беспрекословное. Но это не было просто военным подчинением, а революционным подчинением армии политическому штабу.

А. Матье недостаточно отчетливо подчеркивает и ту мысль, что изменение военной организации было результатом изменения хода классовой борьбы в стране; ход классовой борьбы и определил собою ход и исход революции. Добровольческая армия 1791 года и частично добровольцы 1792 года вербовались среди зажиточных классов. 1793 год принес с собою амальгаму и всеобщую мобилизацию. Но это было возможно реализировать лишь после изгнания Жиронды, после издания декретов июня—сентября 1793 г.,—об отмене феодальных повинностей, установления максимума и т. д., и т. п. Декреты эти изданы были с установлением мелкобуржуазной диктатуры, в разгаре гражданской войны против объединенного блока дворян, попов, короля и его клики—фейянов—крупных буржуа и их интеллигенции, т.-е. с победою «плебса, т.-е. после 2 июня 1793 г., а не тотчас же после 10 августа 1792 г., как пишет Матье. «Национальная оборона означала гражданскую войну в тылу, и в этом была ее сила. Этого не видит Матье, об этом он не упоминает в этой книжке.

А. Матье знает, что тактика и стратегия революционной армии, «тактика Карно»—плод революции. Еще в 1793 г. подлинный отец новой военной тактики ген. Гош писал: «Единственная тактика боя для французов, это—удар». «Никаких маневров,—читаем мы в его донесении Комитету Общественного Спасения,—никакого стратегического искусства: железо, огонь и патриотизм. Если на нас во время переезда нападут, то мы прибегнем к раскаленным ядрам. Какие там правила войны с варварами, которые против нас пускают в ход яд, убийство из-за угла, поджог!». В письме военному министру в декабре 1793 г. Гош пишет: «...Если шпага коротка, то нужно подвинуться на шаг». Эта тактика родилась из восстания, и в этом была ее сила.

Наконец, успехи военной организации, изгнание из армии паразитов-спекулянтов, борьба с «окопавшимися» и т. д.,—все это имело место потому, что это было выполнением революционной программы борьбы с помещиками и крупными буржуа. Матье оставляет все эти вопросы в тени,—он говорит лишь о «национальной войне» и «национальном единстве». Но войны революции могут быть и должны быть лишь революционными войнами.

Характерно, что Матье выбрал для подтверждения своих положений, для защиты своей социал-патриотической позиции письма добровольца Ноэля. Ноэль—зажиточный крестьянин-буржуа Лотарингии, шовинист и умеренный революционер. Для него «революционеры Парижа» («мятежники») опаснее «солдат Леопольда» (австрийского). Его идеал—крестьянин, мечтающий о возврате в деревню и об округлении своего состояния. Ноэль—враг революции 10 августа 1792 г.«После всего случившегося,—пишет он домой с фронта 13 августа,—стоит ли думать о передвижении в неприятельскую страну? К чему нести иностранцам яд, который нам самим принесет смерть?». Это уже граничит с изменой отечеству. В конце концов гнев Ноэля вызван

тем, что «при выборах (в Конвент) дается возможность участвовать классу наименее просвещенных...». Он верит теперь только в объединение всех собственнических элементов Франции и после первых побед революционной армии просит свое начальство об отпуске. Неудивительно, что Матье для подтверждения своих патриотических взглядов избрал этот образец.

Но наряду с Ноэлем боролись сотни тысяч солдат-бедняков, крестьян и ремесленников Франции, для которых отечество не прекращалось там и тогда, где и когда объявлялась «война дворцам». Те же документы, письма солдат с фронтов, дают нам для этого прекрасные иллюстрации. Вот сборник этих писем «Au service de la Nation» (русский читатель найдет интересные письма солдат в книге Г. Ландауэра: «Письма о французской революции», т. II, изд. 1925 г.). Здесь мы найдем письма крестьян и рабочих в защиту революционной войны. Санкюлот Сульбо пишет своему отцу-крестьянину: «Я вошел в ряды добровольцев в Париже и готов к выступлению против врагов отечества. Я—по рождению француз, с французами хочу я делить опасность и славу, и беспрестанно я буду помнить о том, что людей и собственность надо уважать или умереть за защиту их. Мы, мои товарищи и я, единодушны в таком убеждении. Одним словом, сердце и силы свои я посвящаю защите отечества, и мой лозунг: жить свободным или умереть!..». Сын токаря в Риоме (Овернь) описывает своим родителями ужасы войны, но не колеблется: «У нас почти ежедневно стычки с врагом; эти рабы трепещут при приближении наших славных республиканцев». Славные республиканцы, подобно лучшим своим генералам, знают тайну революционных побед. Сержант Бро в письме к своим родным в июле 1794 г. заявляет: Гордые англичане, ганноверцы, эти пруссаки, кичащиеся тем, что они—лучшие солдаты в Европе, которых еще в прошлом году как будто боялись, теперь беспорядочно бегут от тех, кого они называют «карманьолами».

Они ссылаются на то, что у нас нет военной тактики, и что так, якобы, нельзя вести войну. Они, вероятно, хотят нас упрекнуть, что мы должны быть более предупредительными, когда занимаем их города; они хотят нам сказать, что мы слишком горячи в преследовании и не даем им передышки; так мы будто бы не должны действовать. При честной войне нельзя ничего щадить и всегда надо стремиться превзойти самого себя; с помощью такой республиканской тактики мы завоевали Бельгию, Пфальц, Пьемонт, освободили Ландреси, и при таком методе возвращаются Конде и Валансьен Франции, а гарнизоны понесут наказание за свое сопротивление».

«Когда комендант крепости Конде,—читаем мы дальше,—после предложения гарнизону сдаться в течение двадцати четырех часов,—в противном случае угрожало поголовное истребление,—немедленно сдался, он не мог удержаться от слов: «Я действительно не могу понять, как можно так вести войну». Это очень жестоко, что такие высокомерные люди должны подчиниться первому же предложению республиканцев; пусть они говорят, что угодно, это—наш республиканский способ добиться победы. Свободные люди, поклявшиеся победить или умереть, не знают иных методов.

При оценке книги Матье должен быть отмечен еще один момент, о котором автор говорит несколько туманно. Речь идет о причинах объявления войны Европе в апреле 1792 г. Была ли эта война вызвана необходимостью или она была спровоцирована жирондистами? Матье—последователь Жореса; Жорес во многом—учитель Кунова и даже некоторых коммунистов-историков, и все они настаивают на том, что война с Европой была вызвана жирондистской политикой, что демократия была против войны, что ее можно было даже избежать. Они утверждают, что осенью 1791 г. и «в первые годы революции» Франции не угрожала никакая опасность со стороны монархической Европы». Где доказательства этому? Ж. Жорес объясняет нам, почему он настаивает на этом: «Может-быть, именно потому, что мир, международное согласие представляется нам совершенно необходимым условием торжества пролетариата и социальной революции, мы вносим и в прошлое, уже и в демократически-буржуазную революцию, эту миролюбивую революцию». Этот пацифизм противоречит социал-шовинизму Матье 1914 г., но он же служит ему объяснением причин войны. Ж. Жорес противоречит самому себе, когда несколькими строками выше спрашивает себя: «Кто знает, не образовалась ли бы, в конце-концов, коалиция королей, как бы ни были благоразумны и осторожны революционные партии?... Не благоразумно ли было начать фактическое наступление, броситься против мира с революционным мечом?». Не здесь место разбирать этот вопрос по существу, но приходится сожалеть, что мы находимся в плену у жоресизма и не можем в этом вопросе порвать с пацифистской традицией. Война с коалицией в 1792 г. была неизбежной, как неизбежна была гражданская война внутри Франции. И не потому, что жирондисты были ультра-революционерами, как думал старый Зибель, или умеренными, как пишет Жорес (и Кунов), но потому, что против демократической революции во Франции выступила вся реакционная и консервативная Европа. Гражданской войны не хотел Робеспьер, не верил в ее успех и Марат; они боялись войны, которая без революционного восстания отдала бы власть в руки Жиронды; они не организовывали борцов, не готовились к восстанию. Война поэтому была наилучшим выходом для революции в 1792 г. Член Конвента Рюль был прав, заявляя: «Не обманывайтесь, господа, кажущимся сном окружающих вас деспотов: это—сон льва, подстерегающего свою жертву и устремляющегося на нее, как только ему покажется, что она уже не может избежать его когтей и плотояд-

ных зубов. Этот Леопольд, которого вам изобразили столь миролюбивым и явные распоряжения которого столь противоречат аплодисментам наших эмигрантов, но тайные распоряжения которого вам неизвестны,— этот Леопольд никогда вам не простит того, что вы дали практическое применение принципу, гласящему, что короли созданы для народов и что народы не являются собственностью королей». Необходимо было перейти в наступление. Наступление было лучшей обороной революции.

Когда глава английских контр-революционеров Эд. Борк в своих «Размышлениях» говорил о неизбежности столкновения с Францией, он указывал не на силу ее армий, не на рост ее экономического могущества, а исключительно на то, что Франция несет собою новые принципы общественной организации: демократия выступает против монархии. Во имя интересов последней Эд. Борк требовал объявления крестового похода против революции. Война с революцией продолжалась более двух десятилетий. Англия была ее штабом, феодальные правительства континента—ее руками. Между консервативной Англией и революцией не было и нет примирения.

В заключение, нельзя обойти молчанием главу книги Матье, посвященную вопросу о роли ученых в организации победы II года. Молодой класс, в отличие от вчерашних властителей, любит и ценит науку. В годы революции научная мысль—острое оружие в руках борцов. Но наука, в-также ученые, подобно революционерам, служат интересам того или другого класса: они могут быть по той и другой стороне баррикады. В классовом, буржуазном обществе наука—достояние касты. Революция уничтожает кастовую замкнутость науки, и только благодаря этому ей удается привлечь часть ученых на свою сторону. Такова история деятельности ученых в революции XVIII и XX в.в. Можно ли отрицать это? Вспомним статьи Марата об «академиках», о «современных шарлатанах», вспомним роль ученых в 1789—1793 г.г. (Бальи, Кондорсе), вспомним откупщика Лавуазье... Нет, и в конце XVIII в. наука была классовой, и ее помощь революции возможна была лишь постольку, поскольку в огне гражданской войны было уничтожено привилегированное положение этой касты. Прав был Прудон: «Академии, в общем, являются центрами интеллектуального гнета, глупости и низких интриг»... Велика заслуга ученых перед революцией, но только тогда и в той мере, в какой они переходят на сторону нового класса.

Книга Матье—интересный, богатый фактическим материалом очерк организации революционной армии. Отбрасывая социал-патриотические фразы, мелкобуржуазные афоризмы, наш читатель с пользою для себя познакомится с книгой. Она поможет ему понять революционные войны прошлого, чтобы активно и сознательно строить революционную Красную армию.

Ц. Фридлянд.

Нет более верного средства борьбы с сомнениями и упадком духа, как чтение героических страниц нашей истории, наиболее прекрасной со времен Рима. Франции, как наследнице античной мудрости, выпала честь в течение веков носить факел цивилизации. Неоднократно против нее объединялись ненависть, злоба и зависть. Она переживала тяжелые времена; она знала ужасы неприятельских вторжений, испытывала горечь поражений. Бывали моменты, когда она могла задать себе вопрос: не пробил ли час заката?

К концу столетней войны неприятель занял весь север и запад страны; он властвовал в Париже, занимал Орлеан. Король был признан лишь одной третью страны. Государственные и военные деятели были в отчаянии, потеряли всякую надежду на спасение. Но народ, не потерявший веры в свои силы, несмотря на ужасающую нужду,—оказался смелее своих вождей. Он с энтузиазмом последовал за лотарингской крестьянкой, звавшей его на борьбу, и победитель, захваченный врасплох новой, не предвиденной им войной—войной народной,—был отброшен к границам.

И еще раз, 125 лет тому назад, Франция сама спасла себя. Она только что первая в мире освободилась—от двойного гнета,—клерикального и дворянского. Она бросила миру свои яркие принципы 1789 года,—принципы, которые впоследствии стали мало-по-малу приниматься всеми народами. С наивной верой она думала, что и ее король признает революцию, что он согласится остаться лишь в звании первого гражданина страны, что он удовольствуется званием «реставратора свободы», данным ему было народом. Но Людовик XVI присягнул конституции, скрепя сердце, неискренно. Толкаемый к сопротивлению жёной, австрийской принцессой Марией-Антуанеттой, римским папой и, всеми теми, кто терял свои привилегии при новом режиме, он подкапывался под законы, которые он же должен был проводить. Он тайком вызвал иностранное вмешательство, в надежде вернуть себе абсолютную власть. Разоблаченный после бегства в Варенн, он все-таки не образумился. Он продолжал добиваться от своего шурина, австрийского императора Леопольда, военного вмешательства, надеясь таким путем обезоружить и раздавить якобинцев. Он только делал вид, что разделяет вместе с французским народом возмущение против эмигрантов и против немецких принцев. Он вызывал войну в уверенности, что его подданные будут в этой войне побеждены и тем самым наказаны.

Австрийский император и прусский король охотно шли навстречу лицемерным расчетам Людовика XVI, надеясь, что Франция, дезорганизованная революцией, не в состоянии будет оказать серьезное сопротивление. Оба они объявили себя защитниками монархической идеи, но лелеяли надежду, что победа принесет им более осязательные результаты. Австрия надеялась захватить Фландрию, Пруссия домогалась Эльзаса. И та и другая были уверены, что разгром Франции послужит вступлением к окончательному разделу Польши.

Римский папа Пий VI, горя ненавистью против «Декларации прав человека», которую он считал оскорблением бога, одержимый злобой за отнятые у него земли, посылал свои благословения и ободрял коалицию, возбуждая против революции невежественные реакционные силы. Король Сардинии, Виктор-Амедей III, тесть графа д'Артуа, счел делом чести присоединиться к коалиции. Немного позже, когда Людовик XVI поплатился жизнью за свое вероломство и измену, к этой коалиции примкнули Испания, Англия

и Голландия. Испания—потому, что ее король-бурбон и ее фанатический народ искренно ненавидели цареубийц; Англия и Голландия —страны меркантильные — потому, что победы санкюлотов в Бельгии, повлекшие за собой установление свободного судоходства на Эско, создавали страшную угрозу благополучию и безопасности Лондона и Амстердама. Франция имела против себя почти всех европейских королей. Она сохраняла дипломатические сношения лишь со швейцарскими кантонами, республикой Соединенных Штатов, скандинавскими государствами и Турцией.

Два раза, под страшным натиском врагов, фронт дрогнул: первый раз—после 10 августа, на следующий день после падения королевской власти; второй раз—после смерти короля.

Летом 1792 года сильная австро-прусская армия, под командой герцога Брауншвейгского, пробила броню крепостей, построенных Вобаном, захватила Лонгви, Монмеди, Верден, проникла через Аргонны в Шампань и очутилась у ворот Реймса и Шалона. В это же время другая австрийская армия, под командой князя Саксен-Тешенского, вторглась во Францию с севера и окружила Лилль, подвергнув его страшной бомбардировке.

Но неприятель был вскоре отброшен. Канонада Вальми остановила герцога Брауншвейгского, поспешившего перейти обратно границу, дабы избежать разгрома. Это отступление вынудило князя Саксен-Тешенского снять осаду Лилля. Республиканцы, в свою очередь перешли в наступление. В то время как Дюмурье, победитель при Жемаппе, входил в Брюссель, Кюстин во главе рейнской арми был встречен как освободитель левого берега Рейна; занимая почти без боя Шпейер, Вормс, Манц, Франкфурт, Монтескью совершал триумфальную прогулку по Савойе Ансельм занял княжество Ниццу. Только три месяца понадобилось молодой республике, чтобы добиться возможности посадить «дерево свободы» на границах Альп и Рейна.

Эфемерная победа! Весной 1793 года коалиция, усиленная одним английским и одним голландским корпусом, перешла в наступление. Австриец Кобург снова занял Бельгию. Потерпевший поражение Дюмурье перешел на сторону неприятеля, сделав неудачную попытку увлечь за собой свою армию против республики. Кюстин вынужден был отступить на линию Виссембурга, оставив в осажденном Майнце гарнизон, оказавший героическое сопротивление. Испанцы вошли в Пиренеи.

Это поражение, вместо того чтобы толкнуть французов к единению, еще более обострило внутреннюю борьбу, страсти еще больше разгорелись, и на глазах неприятеля началась взаимоистребительная борьба. Вандейские крестьяне, под влиянием священников, восстали в марте 1793 года, как-раз в момент потери Бельгии и измены Дюмурье. Два месяца спустя вожди жирондистов, которым монтаньяры приписывали ответственность за поражение, были изгнаны народом из Конвента. Они бежали из Парижа и вооружили департаменты против правительства. Федералистское восстание слилось с восстанием роялистским. Весь запад, почти весь юг, часть центра и востока отказались признавать власть Конвента. Марсельские повстанцы грозили объединиться с повстанцами Лиона. Тулон и Корсика были заняты англичанами. Казалось, что Франция, раздираемая собственными руками, обречена на гибель и потонет в анархии. Конде и Валансьен были во власти неприятеля, Дюнкерк был осажден, фронт на линии Виссембурга был прорван, Эльзас был занят.

В момент этой страшной опасности Конвент объявил диктатуру, которую он стал осуществлять через Комитет Общественного Спасения. И в несколько месяцев восстания были подавлены, а страна очищена от неприятеля. Победа при Гондшоте освободила Дюнкерк, успех под Ватиньи освободил Мобеж, разгром неприятеля под Флерюсом предшествовал освобождению

Бельгии. Генерал Гош разбил австро-пруссаков под Шейзбергом, Вертоном и Рейсгофеном, очистил Ландау и снова двинулся на левый берег Рейна. За этим последовало завоевание Пишегрю Голландии и блестящий поход армии Самбры и Мезы под командой Журдана. И, как венец всего этого,—знаменитый Базельский договор, признавший за Францией линию Рейна, границу древней Галлии.

Как и почему Первая республика умела побеждать? Какие материальные и моральные средства дали ей возможность преодолеть страшные препятствия? Как она разрешила жизненные проблемы мобилизации, снабжения, создания кадров командного состава, проблему увязки тыла и фронта, проблемы экономические и проблемы политические? Вот о чем мне хочется вкратце рассказать в настоящей книге.

Несомненно, история в точности не повторяется. Современные условия сильно разнятся от условий тех эпических времен. История, это—не дилетантская игра, не легкая забава любопытства. Я убежден, что внимательное изучение ее дает если не уроки, то, во всяком случае, указания, не совсем бесполезные для того, кто умеет понимать. Вывод предоставляю самому читателю. Я же ограничусь лишь изложением фактов и цитированием подлинников.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕКРУТИРОВАНИЕ

I

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ

В настоящее время во всех европейских странах установлена система всеобщей воинской повинности. Исключение составляет одна лишь Англия. Защищенная своим островным положением, она осталась верна старой системе добровольчества и вербовки, существовавшей до 1789 года в других странах. При этой старой системе содержание армии обходилось очень дорого, и смена людского состава представляла большие затруднения, армии поэтому не могли быть многочисленными. Они поглощали лишь очень незначительную часть мужского населения,—часть, наиболее бедную и почти всегда наиболее презираемую. Широкие массы населения затрагивались войной лишь косвенно, главным образом, ее экономическими последствиями.

Одной из главных причин, по которым французская революция победила европейских королей, явилось то обстоятельство, что революция первая отказалась от системы профессиональной армии и постепенно—под давлением необходимости—перешла к системе армии национальной. Благодаря этому, последняя не только увеличилась количественно, но и улучшилась качественно.

Перемена эта произведена была без предварительного, точно разработанного плана. Она произошла не

по инициативе вождей, стоявших во главе революции. Идея эта, как и многие другие великие идеи той эпохи, вышла из «низов», из широких масс населения.

Когда конфликт между Учредительным Собранием и двором в июле 1789 года принял острые формы, когда король под влиянием своих советников отставил от должности министра-патриота Неккера и сосредоточил вокруг Парижа многочисленные линейные полки, состоявшие главным образом из иностранных наемников,—парижские «выборщики» (так назывались делегаты кварталов, избиравшие депутатов в Генеральные Штаты) 13 июня собрались в городской думе без официального приглашения, образовали «постоянный комитет», т.-е. революционное самоуправление, и тут же решили организовать гражданскую милицию численностью в 48.000 человек, по расчету 800 человек на каждый из 60 городских участков.

День прошел в вербовке, в составлении отрядов и в вооружении их. В эти отряды были зачислены преимущественно бывшие солдаты; особое внимание было уделено тому, чтобы в милицию не проникли подозрительные элементы, бродяги и т. п. Граждане-милиционеры были собраны в церквах, где под председательством священников приступили к выборам своих офицеров. Чтобы достать оружие, были реквизированы или просто разграблены оружейные лавки, милиционеры силой ворвались в Дом Инвалидов и захватили тридцать тысяч ружей и несколько пушек, которые там хранились. На следующий день—14 июня—только что родившаяся национальная гвардия уже показала себя, захватив Бастилию и заставив войска принца Ламбека, сконцентрированные в Тюильри, отступать к Марсову полю.

Эта победа спасла революцию. Людовик XVI капитулировал. Он вернул Неккера, утвердил в звании мэра Парижа Бальи, избранного революционным путем, утвердил избрание Лафайета на пост командующего национальной гвардией и признал трехцветный флаг, ставший отныне знаменем армии конституции.

Примеру Парижа последовала вся Франция. Города и деревни организовали, в свою очередь, перманентные комитеты и отряды национальной гвардии. В течение нескольких недель революция создала свою гражданскую армию, одетую в синее, которую она противопоставила королевской профессиональной армии, одетой в белое.

Учредительное Собрание узаконило совершившийся акт. Национальная гвардия была предназначена для защиты порядка и конституции; на обязанности регулярной армии осталась только защита границ территории.

В момент «великого страха», когда крестьяне жгли помещичьи замки, дабы уничтожить хранившиеся там хартии владычества феодалов, отряды национальной гвардии подавляли грабежи и разбои. Вскоре эти отряды начали сближаться, согласовывать свои действия и во время местных и областных праздников Федерации торжественно поклялись во взаимной поддержке.

14 июля 1790 г., в день праздника Национальной Федерации, в Париже, на Марсовом поле, знамена национальной гвардии восьмидесяти трех департаментов прошли перед королем и Учредительным Собранием. Революция произвела смотр своим силам.

Уже начиная с 7 января 1790 г. национальная гвардия находилась в исключительном ведении административных управлений, ею же избранных и чуждых, таким образом, влиянию короля и его агентов. Она могла быть двинута только по гребованию муниципалитетов или участковых и областных управлений. После праздника Федерации Учредительное Собрание установило для нее единую для всего государства форму: синяя шинель, белая подкладка, отвороты рукавов и обшлага красные, белый кант, воротник белый с красным кантом, желтые эполеты, мундир и шаровары белые, на красных отворотах вышивка желтым;

на одном—«Конституция», на другом—«Свобода» (декрет 19 июля 1790 г.). Солдаты национальной гвардии должны были одеваться и экипироваться за свой счет.

Это последнее обстоятельство лишало возможности бедных людей вступать в ряды этой гвардии. Учредительное Собрание, которое представляло идеи и интересы буржуазии, формально декретировало в мае 1790 г., что только активные граждане, т.-е. те, которые платят прямой налог в размере трехдневной заработной платы и которые пользуются политическими правами, могут состоять в гражданской армии. Эти граждане были очень горды своей привилегией носить оружие. Они очень серьезно относились к своей роли граждан-солдат, несли караулы, патрулировали по улицам, участвовали в экспедициях в провинцию против смутьянов-попов, защищали рынки от грабителей, подавляли беспорядки, вызываемые городскими ремесленниками, которые добивались установления твердых цен на продовольственные припасы. Случалось даже, что они помогали регулярной армии. Так, в Нанси они помогли войскам Бурье водворить порядок в полку, состоявшем из наемных швейцарцев и взбунтовавшемся против своих офицеров.

Еще не было мысли об использовании национальной гвардии наравне с регулярной армией, для защиты территории страны. Члены Учредительного Собрания, как и все деятели XVIII столетия, проникнутые идеями энциклопедистов, были пацифистами. В торжественной декларации они отвергли всякие завоевательные замыслы и искренно хотели бы уничтожить всякую войну.

Но в начале 1791 г., когда папа осудил их религиозное законодательство, когда контр-революционные попы внесли разлад в семьи,—возбудили французов друг против друга и подготовили гражданскую войну; когда эмигранты, все более и более многочисленные, группирующиеся за пределами Франции вокруг герцога д'Артуа, хвастая поддержкой королей, стали угрожать образованием армии для вторжения в страну,—тогда члены Учредительного Собрания поняли, что им придется, быть-может, защищать свободу с оружием в руках. Они думали о применении старой системы добровольчества для пополнения регулярной армии, но в то же время стали смотреть на национальную гвардию как на возможный резерв, из которого они в случае необходимости смогут черпать силы для поддержки регулярной армии.

28 января 1791 года депутат Мену, который позже последовал за Наполеоном в Египет, в докладе Учредительному Собранию вскрыл угрожающие приготовления держав.

«Самое верное средство рассеять беспокойство, которое может быть вызвано соседними державами,—говорится в докладе,—это внушить французам такую веру в них самих и в их собственные силы, чтобы они были крепко убеждены в том, что никто не посмеет напасть на них, или что если найдется страна, достаточно безумная, чтобы это предпринять, то она очень скоро почувствует, с какой отвагой и с какой энергией свободный народ защищает свои очаги. Пусть все страны Европы знают, что если они когда-нибудь заставят нас воевать, мы возьмемся за оружие во имя нашей защиты, как это диктуют нам торжественно провозглашенные принципы; пусть они знают,—говорю я,—что это будет война на смерть, что мы будем сражаться не для того, чтобы заключать договоры, в такой же мере предательские, в какой предшествовавшие им войны были несправедливы, но для того, чтобы раздавить и уничтожить всех тех, которые нападут на нас».

Пророческие слова, к которым короли отнеслись равнодушно и которые они приняли с изящным презрением.

Тем временем Учредительное Собрание усиленно занялось внутренней организацией национальной гвардии. Гвардия была разделена на роты и батальоны.

Роты избирали своих офицеров, ротные офицеры, в свою очередь, избирали штаб батальона. Батальоны получили трехцветные знамена с надписями: на одной стороне—«Французский народ», на другой—«Свобода или смерть».

Каждое воскресенье, летом, гвардейцы должны были собираться для упражнения в главном городе кантона. Первое воскресенье каждого месяца посвящалось упражнениям в стрельбе. Лучший стрелок получал почетную награду. Старики, перевалившие за шестьдесят лет, могли организовывать свои роты ветеранов. Молодые люди, не достигшие 18-летнего возраста, составляли батальоны, которым дано было название «ученики родины».

После внезапного бегства короля в Варенн Франция была уже убеждена в неизбежности войны. 21 июня 1791 года Учредительное Собрание немедленно издало декрет о приведении в боевую готовность всех отрядов национальной гвардии в местностях, прилегающих к границам. Внутренние департаменты должны были держать готовыми к отправке отряды в 2—3 тысячи человек.

Началось нечто в роде общей мобилизации гражданской армии. Каждый мобилизованный или, как тогда говорили, «приведенный в готовность» национальный гвардеец получал по 15 су в день.

К тому времени национальная гвардия насчитывала в своих рядах не менее двух миллионов человек. Такую массу мобилизованных невозможно было сразу вооружить и разбить по кадрам. Но это был хороший резервуар, из которого можно было черпать силы для пополнения кадров регулярной армии. В самый момент варенской истории Учредительное Собрание издало декрет о привлечении в армию ста тысяч добровольцев, которые должны были быть взяты из рядов национальной гвардии.

Эти-то добровольцы и составили ядро будущей новой армии.

II

КОРОЛЕВСКАЯ АРМИЯ. ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЯ

К началу революции французская армия количественно считалась первой в мире.

Она состояла иниз трех различных элементов: королевской гвардии, помпезной и дорого стоившей декорации вокруг персоны короля, линейных войск, рекрутировавшихся во Франции путем вербовки, а за границей—путем специальных контрактов, и, наконец, провинциальных войск, куда церковные приходы посылали по жребию беднейших крестьян.

Королевская гвардия, значительно сокращенная последовательными реформами дореволюционных военных министров (главным образом, Сен-Жермена и Бриена), состояла из личного королевского конвоя «Ста швейцарцев», одного полка французской гвардии и полка швейцарской гвардии.

Личный королевский конвой, в котором служили только сливки высшей знати, состоял из четырех рот, общей численностью в 1.288 человек при 844 лошадях. Ротами командовали капитаны, принадлежавшие к знатным дворянским семьям. Самой почетной и наиболее старинной считалась шотландская рота, которой командовал герцог Эйенский, имевший чин дивизионного генерала. Три другие роты находились под командой герцога Вилеруа, тоже дивизионного генерала, и бригадных генералов принцев Пуа и Люксембурга. Рядовые личного королевского конвоя были чином не ниже лейтенанта. Эти четыре роты по очереди несли почетный караул во внутренних королевских аппартаментах Версальского дворца.

Полк французской гвардии был самым многочисленным во всей армии. В то время как обыкновенные полки состояли из двух батальонов, гвардейский полк состоял из шести, общей численностью в 3.642 человека, не считая офицеров. Последние принадлежали к высшей знати. Одиннадцать из них были в чине бри-

гадных генералов. Все эти офицеры, занятые, главным образом, светскими удовольствиями, очень редко бывали в казармах, и солдаты почти не знали их. Вся внутренняя служба проходила под наблюдением унтер-офицеров, среди которых были Гош, Лефевр (будущий маршал и герцог Данцигский) и Фриан (будущий генерал наполеоновской гвардии).

Швейцарская гвардия,—не столь многочисленная, как французская (2.248 человек),—несла наружную охрану дворца. Оба этих гвардейских полка—швейцарский и французский—составляли одну бригаду.

Общее число войск королевской гвардии составляло 7.278 человек.

Линейные войска, составлявшие, собственно говоря, настоящую армию, включали в себя большое количество пехоты: 102 полка, из которых 79 было французских и 23 иностранных (11 швейцарских, 8 немецких, 3 ирландских и 1 льежский). К этому следует прибавить 12 батальонов легкой пехоты или стрелков (егерей), несших разведочную службу. Каждый полк имел свое название, чаще всего по провинциям (Пикардия, Пьемонт, Прованс, Навара, Арманьяк, Шампань и т. п.). Иностранные полки в этом отношении не составляли исключения из общего правила. Швейцарские полки назывались Анспахским, Куртеновским и т. п., ирландские—Бервикским, Дилионским и т. д. Все эти полки занимали более или менее почетное положение, в зависимости от срока их формирования. Самые старые были и самые почетными. Швейцарские полки пользовались особыми правами, оговоренными в контрактах, заключенных швейцарскими кантонами.

Каждый французский полк состоял из двух батальонов. Один только королевский полк имел четыре батальона. Батальонный состав мирного времени имел 578 человек, разделенных на девять рот, из которых одна была гренадерская и восемь стрелковых. Швейцарские полки насчитывали всего 973 человека. К первому января 1789 г. общая численность пехоты,

включая и войска королевской гвардии, доходила до 121.185 человек, не считая офицеров.

Кавалерия состояла из 2 четырехэскадронных конно-гренадерских полков, 24 полков линейной кавалерии, 18 трехэскадронных драгунских полков и 18 четырехэскадронных полков легкой кавалерии (6 гусарских и 12 стрелковых). Средний состав эскадрона колебался между 120—160 людьми. На бумаге численность кавалерии была указана в 32.920 человек без офицеров.

Королевский артиллерийский корпус состоял из семи полков, носивших имена городов (Лафер, Мец, Безансон, Гренобль, Страсбург, Туль). Каждый полк состоял из двух батальонов канониров и саперов и четырех рот бомбардиров. Батальон делился на две бригады. Бомбардиры составляли пятую бригаду полка. Во всех семи артиллерийских полках было 7.574 человека. Сверх того, было еще шесть рот минеров (372 чел.) и девять рот рабочих (639 чел.), не считая многочисленных управлений и канцелярий, работавших при арсеналах, кузнецах, литейных и оружейных заводах. Наконец—королевский инженерный корпус («ученый корпус»), который состоял исключительно из офицеров, количество коих в 1789 г. доходило до 385 чел.

Сложив все эти цифры, мы увидим, что в 1789 г. регулярная армия состояла приблизительно из 170.000 чел., не считая офицеров.

Существовал еще в провинциальных войсках резерв («милиция», как его называли в народе), рекрутировавшийся среди неженатых крестьян, в возрасте от 18 до 40 лет. Богатые крестьяне, имевшие несчастье при жеребьевке вытянуть черный билет, «покупали» какого-нибудь несчастного бедняка, который отбывал за них милиционную повинность. Полками милиции командовали отставные офицеры или старые дворяне, ушедшие на покой в свои поместья и получавшие удовольствие от игры в солдатики. В мирное время эти полки собирались нерегулярно, каждый

раз на пятнадцать дней. Регулярная армия относилась с презрением к этой милиции, одежда, экипировка и вооружение которой оставляли желать многого. В военное время милиционные полки несли охранную службу при складах, на пристанях и в крепостях или составляли рабочие роты под командой саперных офицеров. В 1789 г. эти провинциальные войска были разбиты на 13 полков королевских гренадер, 12 провинциальных полков и 80 гарнизонных батальонов. Численность их была 75.260 чел. при 380 офицерах.

Если прибавить к этим цифрам жандармов (350 офицеров и 3.660 солдат) и отряды береговой стражи (около 20.000 чел.), то получится общая численность французской армии 270.000 чел. Цифра—очень слабая, если сравнить ее с численностью современных армий, насчитывающих миллионы людей. Но для той эпохи это была огромная цифра.

Самыми сильными державами после Франции были Австрия и Пруссия. Австрия с населением, почти равным французскому (26.000.000 чел.), «теоретически» содержала в мирное время армию в 230.000 чел., из которых только 150.000 человек было в активе и проходило военное обучение. Пруссия же, с населением в 10.000.000 человек имела «теоретически» армию в 200.000 человек, из которых 140.000 находилось под знаменами.

Французская армия казалась достаточно сильной, чтобы отстоять страну от всяких нападений извне. Без сомнения, поражения семилетней войны немного повредили ее престижу. Но последующие победы ее в Америке заслонили собой эти тяжелые воспоминания. Верные своим миролюбивым намерениям, члены Учредительного Собрания очень долго не думали и не предполагали, что Франция может подвергаться нападению. Вопросу о защите страны они поэтому уделяли мало внимания. Главным образом занимал их вопрос не об изменении организации армии, а об улучшении и изменении духа ее.

III

КОРОЛЕВСКАЯ АРМИЯ. ЕЕ ДУХ

Если бы королевская армия была проникнута прежним духом пассивного послушания и слепой преданности своим начальникам, революция была бы невозможна. Она ограничилась бы рядом местных восстаний, которые были бы быстро подавлены. Бастилия не была бы взята парижскими гражданами, формирующимися в национальную гвардию. Имея крепкую опору в верных штыках, аристократы были бы непобедимы.

Но армия так же, как и народ, была проникнута духом недовольства. Несмотря на почти поголовную безграмотность, бесконечную муштровку, которая, казалось, должна была превратить людей в слепых автоматов, несмотря на телесные наказания, солдаты в конце-концов начали задумываться над своей жизнью. Унтер-офицеры, все грамотные, все принадлежавшие к зажиточным, но не дворянским семьям, ушедшие в армию большею частью из-за неудачно сложившейся личной жизни, были проникнуты тем же духом недовольства. Они задавали себе вопрос: по какому праву чины доставались только дворянам, получавшим и пенсию и оклады, в то время как вся тяжесть работы по обучению солдат падала всецело на унтер-офицеров? Инстинкт направлял их симпатии к реформаторам. Они называли себя патриотами и страстно жаждали революции, в которой они могли очень много выиграть и ничего не могли потерять.

Если попытка двора подавить революцию в июле 1789 г. не удалась, то причину этого нужно искать не только в решимости и энергии парижских граждан. Большую роль сыграла здесь армия, даже иностранные полки. 28 июня 1789 г. Сальмур, саксонский посол в Версале, писал своему правительству, что французская гвардия взбунтовалась и вышла на улицу с криками: «Да здравствует третье сословие!». Он пишет

далее: «Рейнакский полк (швейцарцы) и Лозенский (гусары) прибыли. Но верность иностранных полков тоже находится под сомнением. Они всецело находятся под влиянием гражданского населения, и швейцарцы из Салис-Самад, квартирующие в Исси и Вожираре, дали гражданам этих городов обещание испортить ружья в случае, если их заставят выступить против мирного населения». Известно, что большую роль во взятии Бастилии сыграли солдаты французской гвардии, которые под командой Эли и Улэна направили свои пушки на крепость. Если 5—6 октября парижанам удалось привезти короля в Париж, то это произошло благодаря охранявшему Версаль Фландрскому полку, который отказался стрелять в толпу и стал брататься с ней.

Нетрудно представить себе, каковы были настроения офицеров по отношению к солдатам. Большинство их пыталось брать солдат лаской, хитростью и запугиваниями. Они старались возбудить чувство кастовой гордости, некогда столь сильное, и делали все возможное для того, чтобы вызвать рознь и настроить регулярных солдат против национальной гвардии. «В Лотарингии, — говорит Анри Пулэ, — офицеры проявляют изумительную настойчивость в своих стремлениях к возбуждению страстей... Их выходки производят отвратительное впечатление. В Понт-а-Муссоне несколько офицеров драгунского полка устроили маскарад Учредительного Собрания, в котором депутаты-патриоты были изображены со свиными головами. В Меце офицеры местного гарнизона демонстративно аплодируют известной арии из оперы «Ричард Львиное Сердце» и заставляют патриотов молчать. В Бельфоре офицеры нападают на жителей с криками: «Да здравствует король! К чорту народ!» В Фальсбурге происходят постоянные стычки между офицерами и населением. Молодые лейтенанты приходят на площадь, где происходят военные упражнения национальной гвардии, и открыто насмехаются над последней».

Такие же сцены происходили во всей стране. В Марселе в марте 1790 г. полковник королевского флота маркиз д'Амберт пытался вызвать конфликт с национальной гвардией. Если бы не унтер-офицер Бернадот, удержавший солдат, полк пошел бы против граждан. В Безансоне и Грэ офицеры образовали в своих полках, под видом увеселительных кружков, тайные общества, членами которых состояли преданные им солдаты. Цель этих тайных обществ—всячески бороться с национальной гвардией.

Само собой понятно, что солдатам-патриотам приходилось претерпевать со стороны начальства всяческие издевательства. Наказания сыпались на них, как из рога изобилия. Солдаты же аристократы, члены тайных обществ, пользовались всевозможными привилегиями и льготами. В Марселе, например, они могли безнаказанно жечь парики своих товарищей, даже резать им уши. Начальство только аплодировало этому «молодечеству».

Если же случалось солдатам-патриотам открыто возмущаться или выказать непокорность, то офицеры-аристократы быстро освобождались от них, отсылая их в бессрочный отпуск. Это была мера подлая, ибо отпускному солдату выдавался волчий билет, благодаря которому он был лишен всякой возможности найти какую-либо работу. Все двери перед ним закрывались. Эта фатальная отпускная грамота была лишь патентом на нищенство. Вот текст такого волчьего билета, выданного солдату королевского флота: «Мы, нижеподписавшиеся . . . удостоверяем, что уволенный нами гренадер королевского флота Леонард Лежен признан недостойным служить в войсках его величества, как заговорщик, смутьян, непокорный и мошенник. Выдан в Эксе, 19 мая 1790 г.».

Обладателю такого атестата оставалось одно средство к существованию—ходить с протянутой рукой.

В одном только полку в Эсдене в течение нескольких недель выдано было шестьдесят таких волчьих би-

летов, и когда Даву, бывший тогда в чине лейтенанта, запротестовал против такого бесцеремонного обращения с людьми, он был посажен под арест на шестьдесят дней по распоряжению своего полковника.

Злоупотребления в этой области получили такое широкое распространение, что Учредительное Собрание, по докладу Дюбуа-Крансэ 11 декабря 1790 г., объявило о недействительности всех волчьих билетов, выданных солдатам и унтер-офицерам одного из полков.

Чувствуя поддержку в среде национальной гвардии и в клубах, солдаты-патриоты стали давать отпор своим офицерам. Они, в свою очередь, перешли в наступление и потребовали отчета в расходовании их личных денег, находившихся в бесконтрольном распоряжении офицеров. Очень часто солдатские деньги расходовались без всякого отчета. Подотчетные лица загребали вверенные им суммы полными пригоршнями и тратили их на свои личные надобности. На первые же просьбы о проверке состояния солдатских сумм начальство ответило не только отказом, но и наказаниями. В некоторых местах солдаты возмутились. Страшное солдатское восстание в Шатовье и в Нанси было также следствием отказа офицеров дать отчет о состоянии солдатских сумм.

Королевская армия расстраивалась и разлагалась с каждым днем. Лейтенант Виала, автор книги о революционном Марселе, рассказывает: «В Лилле солдаты расквартированных там трех полков вооружаются друг против друга. В Бретани, в Пентьевре, солдаты хотят убить своих офицеров. В другом месте драгуны массами дезертируют. Даже верные войска маркиза Буйе в Меце восстают, и—характерный факт—солдаты-пикардийцы, арестованные за непокорность, отказываются от данного им помилования и сами остаются в тюрьме в продолжение восьми дней».

Волчьи билеты, дезертирство, эмиграция—все это расшатывало армию, уменьшало ее численность и все больше усиливало дух общего недовольства. После

неудачного побега короля и поимки его в Варенне офицеры начали массами дезертировать и бежать за границу, где они вступали в ряды армии принцев. «В Лотарингии,—говорит Пулэ,—полки теряли иногда до трех четвертей своего офицерского состава, при чем офицеры часто пытались увлечь за собой и солдат. 12 июля 1791 г. в Понт-а-Муссоне узнали, что командир 4-го гусарского полка исчез с двумя своими офицерами, одним унтер-офицером и тремя рядовыми; в августе начали дезертировать офицеры шотландских полков; 5 октября в Сиерке задержали группу офицеров, собиравшихся перейти границу. Очень часто офицеры уносили с собой полковую кассу и знамя, с которыми бежали в Кобленц.

Армии угрожала не только дезорганизация, но и развал. В начале 1791 года численность ее по спискам доходила еще до 180.000 человек; в июле того же года цифра эта упала до 133.000 человек.

Это было как-раз в тот момент, когда угрожающие заявления Пильница и бешеные манифесты эмигрировавших принцев заставляли революционеров опасаться войны.

IV

ОБОРОНА РЕВОЛЮЦИОННАЯ И ОБОРОНА НАЦИОНАЛЬНАЯ

Задачи, которые стали перед первыми революционными собраниями, были исключительно трудные. Нужно было изъять регулярную армию из-под влияния аристократов и помешать ей стать орудием в руках реакции, но нужно было реформировать ее, не ослабляя, а сохраняя в целости это орудие национальной обороны. Отсюда—ряд мер, на первый взгляд противоречивых, в действительности же преследующих эту двойную цель: одни из этих мер направлены были к очистке и революционизированию армии, другие—к перестройке и укреплению ее. Революционная оборона—с одной стороны, оборона национальная—с другой.

Когда Учредительное Собрание, положив конец продаже чинов, провозгласило право всех французов занимать все гражданские и военные должности; когда оно уволило в отставку большое количество совершенно бесполезных генералов и других высших военных чинов; когда оно уменьшило количество маршалов Франции до шести, генерал-лейтенантов—до 30, генералов—до 94, оно вызвало этим недовольство только в среде тех, кому были на-руку прежние злоупотребления, но эти мероприятия вполне соответствовали интересам страны и самой армии. Когда Учредительное Собрание удовлетворило справедливые требования «низших офицеров», просивших о замене их звания менее унизительным званием «младшего» офицера; когда оно уничтожило систему волчьих паспортов; когда оно заменило прежние названия полков номерами, чтобы вытравить в армии прежний кастовый дух,—оно делало это уже по соображениям политическим. Те же соображения руководили Учредительным Собранием, когда оно улучшило быт армии, повысив жалование солдатам, и когда оно предоставило всем военным, прослужившим 16 лет, права активных граждан.

Те же цели имело в виду правительство и тогда, когда оно открыло военным доступ в клубы. Это решение оно приняло не сразу. Декретом от 19 сентября 1790 г. оно даже запретило «всем обществам и корпорациям поддерживать, под каким бы то ни было предлогом, переписку с полками французскими и иностранными, составляющими французскую армию... и этим полкам начинать и поддерживать такую же переписку». Но 6 месяцев спустя оно отменило свое первое решение. 29 апр. 1791 г. Александр Богарне, первый муж Жозефины, писал в одном из своих докладов о военной дисциплине: «В свободном государстве, где армия состоит не из автоматов, солдаты должны знать военные законы и могут без всякой опасности изучать все, что имеет отношение к конституции, в которой они занимают видное место, ибо это—общественная

сила, которая может водворить спокойствие или уничтожить свободу. Ваши комитеты считают, что участие солдат в обществах друзей конституции не только не повредит дисциплине, но, наоборот, укрепит последнюю; они считают крайне важным поднятие уровня сознательности солдат по отношению к своему долгу. Прошли времена, когда узурпаторские правительства держали власть только благодаря темноте народной». Богарне добавлял, что «лучше, если солдаты вместо кабаков и публичных домов будут ходить в клуб». Учредительное Собрание согласилось с его доводами и отменило запрещение. С тех пор солдаты стали самыми ревностными слушателями якобинских ораторов. Они сами поднимались на трибуну, произносили речи, жаловались на своих начальников. Новый режим этим укреплялся, но дисциплина падала.

Для того, чтобы восстановить порядок и прекратить столь частые вспышки недовольства, было одно радикальное средство—удалить из армии аристократический элемент. Многие серьезно об этом подумывали. Робеспьер и Мирабо предлагали распустить армию, чтобы потом, после чистки, реформировать ее. Учредительное Собрание не решалось итти так далеко. Оно заставило линейные войска дать клятву верности конституции, устраивало празднества братанья этих войск с национальной гвардией и всячески старалось привязать и приучить их к новым, свободным условиям. Когда оно убедилось, что офицеры продолжают сеять смуту в войсках, оно предписало им под угрозой немедленной отставки подписать следующее обязательство: «Честью своей обещаю быть верным народу, закону и королю, не участвовать ни прямо, ни косвенно, а, наоборот, сопротивляться всеми силами всяким заговорам, которые станут мне известны... соглашаясь в случае невыполнения мною этого обязательства быть рассматриваемым как человек бесчестный, недостойный носить оружие и считаться французским гражданином».

Из 9.500 офицеров, находившихся тогда в армии, 2.000 не подписали этого обязательства и эмигрировали. Их уход ослабил аристократический элемент в армии, но это сокращение офицерских кадров ослабило также и самую армию.

Королевская гвардия и иностранные полки были цитаделью аристократии. Первой была упразднена королевская гвардия. На следующий же день после 14 июля полк французской гвардии перешел на службу к городу Парижу и был включен в состав национальной гвардии. Четыре роты личного королевского конвоя после Варенна были распущены (декрет 25 июня 1791 г.) и заменены конституционной охраной в 1.200 пехотинцев и 600 всадников, набранных в 83 департаментах и оплачиваемых из цивильного листа.

Через месяц после объявления войны, 29 мая 1792 г., и эта охрана, начавшая подозрительно вести себя, была, в свою очередь, распущена, а начальник ее, герцог Коссэ-Бриссак, был привлечен к суду. К 10 августа для защиты своего дворца король располагал только своими наемными швейцарцами, которые дорого поплатились за свое сопротивление. Многие из них были убиты толпой уже после боя. События этого дня отозвались и на судьбе швейцарских полков вообще. В октябре и сентябре 1792 г. и они были распущены. Регулярная армия, таким образом, уменьшилась почти на 20.000 хорошо обученных солдат. Королевская армия разваливалась, но революции нужна была армия, которая могла бы сопротивляться хорошо организованным и обученным войскам коалиции.

Человек смелого ума, Дюбуа-Крансэ, предвосхищая будущее, предложил 12 декабря 1789 г. ввести всеобщую воинскую повинность. С большой силой и последовательностью он доказывал, что армия, построенная на системе вербовки, несовместима с принципами демократии. «Каждый гражданин должен быть солдатом, и каждый солдат—гражданином. Налог крови должен быть личным, каждый должен платить его без

права и возможности откупаться, ибо возможность заместительства неизбежно приведет к тому, что армия снова станет профессиональной. Одним лишь бедным придется нести тяготы военной службы. Свобода будет скомпрометирована».

Только несколько демократов из крайнего левого лагеря поняли и поддерживали Дюбуа-Крансэ. Буржуазия, игравшая руководящую роль в Учредительном Собрании, не хотела посылать своих сыновей в казармы, и система вербовки была сохранена. Считали возможным за премию в 80 франков с головы получить пушечное мясо в достаточном количестве. Контракт подписывался на восьмилетний срок; при возобновлении его на такой же срок, премия увеличивалась до 100 франков, а при подписании контракта на третьи 8 лет—до 130 франков.

Систему набора по жребию, установленную было старым режимом в деревнях, не только не укрепили, но, в погоне за популярностью, 4 марта 1791 г. упразднили и провинциальную милицию. Одним росчерком пера у армии отняты были ее резервы (75.000 чел.).

29 июля 1790 г. военный министр Латур-дю-Пен в своем докладе заявил, что в случае войны Франции понадобится армия, по крайней мере, в 250.000 человек (80.000—на линии от Базеля до моря, от 30 до 40 тысяч—в Альпах, 18.000—во флоте, 18.000—в колониях и резерв в 34.000 чел.). Как достигнуть этой цифры? Военный министр предложил следующую меру, которая на деле оказалась неосуществимой: в мирное время должен быть создан резерв из добровольцев в 100.000 человек, каждый из которых будет получать небольшую плату в три су в день. Так же, как раньше милиционеры, эти добровольцы будут оставаться дома в ожидании призыва и будут только время от времени отбывать учебный сбор.

Предложение это было принято, и 28 января 1791 г. оно было уже декретировано. Через несколько дней после объявления этого декрета король бежал в Варенн.

Но, и помимо этого события, члены Учредительного Собрания отдавали себе отчет в том, что Франция не сможет защищаться с помощью одной лишь регулярной армии. 9 февраля 1790 г. Александр Ламет заявил, что система вербовки в военное время недостаточна. Даже и в мирное время с трудом удавалось пополнять ряды регулярной армии, редевшие из-за бессрочных отпусков и дезертирства. Декрет 2 января 1790 г. определил батальонный состав в 750 человек для 30 пехотных полков и эскадронный состав в 170 человек—для 20 кавалерийских полков. Последующий декрет от 27 апреля 1791 г. распространил эти нормы комплектования и на все пограничные полки. Но оба эти декрета не могли быть проведены в жизнь, ибо неоткуда было брать пополнение.

Национальная гвардия, откуда впоследствии вышел батальон добровольцев, силой вещей становилась важнейшим орудием национальной обороны.

Неизбежно должен был наступить момент, когда батальоны добровольцев поглотят и растворят в себе старую регулярную армию. С этих пор, благодаря этому слиянию, оборона национальная и оборона революционная также сливаются в одну задачу, становятся единым целым.

V

ПРИЗЫВЫ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Нынешние огромные армии являются армиями национальными. Граждане, одетые в военную форму, составляют в них не только большинство, но и весь почти состав армии. Профессиональные армии отжили свой век,—только редкие окостеневшие реакционеры безрезультатно оплакивают прошлое.

Армия, созданная американской революцией, армия Вашингтона, которая храбро сражалась и победила английских и ганноверских наемников, и армия французской революции, пронесшая свое трехцветное знамя

по всей Европе,—это были две армии, построенные на новых началах, по новому типу.

Когда Законодательное Собрание в апреле 1792 г. объявило войну Австрии, французская регулярная армия насчитывала в своих рядах 135.000 человек, но она опиралась уже на гражданскую армию в 105.000 человек добровольцев. И количество этих добровольцев росло по мере того, как война принимала все более затяжной характер. В сентябре 1793 г., в самый острый момент наступления коалиции, после приказа Комитета Общественного Спасения о мобилизации 300.000 человек, число добровольцев относилось к числу старых солдат как 7:1. Четырнадцать армий республики насчитывали на бумаге свыше миллиона солдат, из которых лишь одна восьмая часть прошла долгую и тщательную подготовку на полях маневров.

Велика честь французской революции и ее армии, сумевшей при слабой, почти ничтожной, подготовке не только остановить, но и далеко отбросить хорошо обученные и вооруженные профессиональные армии. Мы попытаемся дальше определить военные качества добровольцев и установить, в какой степени численность армии и другие факторы способствовали победе. Пока же ограничимся изложением того, как был произведен набор тех санкюлотов, которые удивили мир и вызвали восторг среди самых требовательных военных специалистов.

В настоящее время набор, экипировка и вооружение граждан из запаса и территориальных войск производится только военными органами. При старом режиме и при революции это было не так. В рекрутировании и экипировке армии большое участие принимали и органы гражданского управления. Если работа по вербовке для регулярной армии возлагалась на сержантов-вербовщиков, работавших по приказанию и за счет полков, то работа по набору милиционеров для провинциальных войск возлагалась на интендантов и их помощников. Они, эти интенданты,

распределяли контингенты по приходам, следили за жеребьевкой, формированием полков, за их экипировкой,—вплоть до комплектования командного состава. «Король берет на свой счет вооружение, главную экипировку, содержание офицеров, штабов, расходы по содержанию армии, когда она находится у него на службе. На долю приходов падают все расходы по малой экипировке,—шляпы, блузы, рубашки, сапоги, так же как и все расходы по набору».

При революции национальная гвардия являлась организацией чисто гражданской. Она зависела всецело от выборных учреждений (муниципалитетов, окружных и областных управлений). Военная администрация никакой власти над ней не имела. Добровольцы, которые в сущности были национальными гвардейцами, получавшими жалованье, были набраны, организованы, экипированы исключительно органами гражданского управления.

Может явиться вопрос: почему сержанты-вербовщики, несмотря на увеличенную премию, не могли найти людей для регулярной армии, в то время как платные национальные гвардейцы так быстро и в таком огромном количестве откликнулись на призыв Учредительного и Законодательного Собраний? 169 батальонов добровольцев, формирование которых начато было сейчас же после бегства короля, через два месяца были готовы к выступлению к границам. А в это время не хватало 50.000 человек для укомплектования регулярной армии и не было никакой возможности собрать под знамена 100.000 человек для территориальных, вспомогательных войск.

Без сомнения, революционный энтузиазм был велик; без сомнения, добровольцы 1791 года в большинстве своем были искренними и горячими патриотами. Но наивно было бы думать, что причиной успеха первого набора был только революционный энтузиазм. Природа человека такова, что даже в момент большого подъема он с трудом забывает свои личные интересы.

В департаменте Марны, как и в департаменте Мерты, как и в других местах, лишь только был объявлен набор добровольцев, молодые люди, записавшиеся было раньше в территориальные войска, поспешили расторгнуть подписанные уже контракты и устремились в добровольческие формирования. «Будет гораздо легче,—писали члены управления департамента Марны 20 января 1792 г.,—набрать два новых батальона добровольцев, нежели сто территориалов, потому что добровольцы связаны контрактом только на один год, потому что у них есть надежда стать офицерами, потому что они служат вместе со своими земляками, потому что они получают больший оклад и потому что они находят в своих товарищах поддержку, которую они не могут надеяться найти в регулярной армии. Эти соображения не могут быть побеждены чувством патриотизма; они естественно встают перед городскими и сельскими жителями». И те же члены управления департамента Марны писали далее: «Отвращение, которое они (жители) питают к регулярной армии, почти непобедимо».

И действительно, в регулярной армии контракты были долгосрочные, дисциплина строгая, надежды на повышение весьма ограниченные, оклад слабый. Единственным реальным и обязательным преимуществом была премия при поступлении в полк. Но этой премии хватало обычно лишь на пирушки первых нескольких дней.

В добровольческих же батальонах, напротив, оклад составлял 15 су в день с самого начала службы, контракт заключался только на один год. Достаточно было предупредить за два месяца до 1 декабря, чтобы получить право вернуться домой. Отпуски давались очень легко. Нужно было только сообщить об этом в свой муниципалитет или окружное управление, которые посылали заместителя. Дисциплина была та же, что и в национальной гвардии, т.-е. очень слабая, вернее, ее почти не было. Чем рисковал

доброволец в случае побега или самовольной отлучки? Декрет от 28 декабря 1791 г. отвечал следующим образом на этот вопрос: «Всякий национальный гвардеец, который оставит свой батальон без надлежащего разрешения, будет лишен в продолжение десяти лет прав активного гражданина и чести служить в рядах национальной гвардии и регулярной армии в течение этого же срока; кроме того, властью прокурора коммуны он будет присужден вернуть стране издержки, которые она сделала для его экипировки. Исполнение настоящей статьи будет возложено на прокурора коммуны».

Эти перспективы не заключали в себе ничего страшного, и можно было всегда надеяться как-нибудь сговориться с прокурором коммуны, который один только и должен был следить за применением этого чисто гражданского, чисто морального наказания.

При наличии кое-каких моральных качеств и кое-какого образования доброволец мог всегда надеяться быть избранным своими товарищами по батальону на какой-нибудь более или менее видный пост или получить повышение в чине. Сколько их было, глубоко веривших, что каждый из них носит в ранце маршальский жезл! И далеко не всех постигло разочарование.

Всего этого было достаточно, чтобы придать вес и притягательную силу призывам органов гражданского управления, звавших добровольцев на защиту родины и свободы.

В восточных департаментах первый набор добровольцев происходил в атмосфере всеобщего волнения, вызванного бегством короля. «В Лотарингии,—пишет Пулэ,— представители муниципалитетов приказали бить в набат, со всех сторон стали сходиться национальные гвардейцы, на всех дорогах были расставлены жандармы и воинские пикеты. Все здоровые мужчины, оставшиеся в деревнях, в спешном порядке стали приводить свои деревни в состояние боевой обороны. Можно было подумать, что австрийцы,

наступлением которых грозили монархические газеты в течение нескольких месяцев, ворвались в страну. Целые семьи, в которых живы были еще воспоминания о тридцатилетней войне, в страхе бежали в леса. По приказу администрации во всех мериях были учреждены специальные столы для записи «имени, фамилии, возраста, рода занятий и местожительства тех, которые захотят записаться на защиту родины».

В Нанси запись началась 24 июня. В деревнях добровольцы собрались в воскресенье 26 июня после обедни. Запись началась в присутствии и под председательством мера. Генерал Пуже в своих воспоминаниях рассказывает о том, как он записался: «25 июня 1791 года был праздник в Кране; мэр, опоясанный своим шарфом, предшествуемый барабанщиками и сопровождаемый своим секретарем, несшим книгу для записи, перо и чернила, пришел на площадь, где в это время танцовали, прочел декрет от 11—13 июня и обратился к молодежи с призывом записаться на службу родине; мэр произнес речь, полную патриотизма, и звал всех окружающих его поддержать Учредительное Собрание. Я находился в это время на площади; после речи мэра молодые люди заявили: «Если Пуже запишется, запишемся и мы». Я немедленно взял перо и подписался. Все мои земляки последовали моему примеру».

В некоторых коммунах пришлось отказывать добровольцам в приеме «в виду слишком большого их количества». В других коммунах, наоборот, набор происходил с запозданием из-за уборки полей.

В списках добровольцев были представлены все классы общества. «Много бывших солдат, дворяне, духовные лица, рантье, судейские чиновники, торговцы и студенты, рабочие и ремесленники, виноделы, но мало земледельцев; последние вообще питали отвращение к военной службе. Если составить статистику записавшихся, то видно будет, что главную часть добровольцев составляла мелкая буржуазия;

земледельческий же элемент был представлен главным образом сыновьями тех крестьян, которые купили реквизированные правительством дворянские земли; больше чем кто-либо другой они были заинтересованы в защите своих поместий, ибо последние в случае победы коалиции могли быть у них отняты бывшими владельцами, перешедшими в неприятельские ряды».

Так же, как и в департаментах Мерты и Марны, набор добровольцев происходил и в остальной Франции.

VI

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Ныне запасные и территориальные полки формируются в мирное время, и план их мобилизации разработан до мельчайших деталей. В 1791 году все нужно было создавать заново и, главное, нужно было действовать быстро. Учредительное Собрание в своих поспешных декретах наметило только общие линии. Администрации департаментов часто приходилось действовать по своему усмотрению; нужно сказать, что с задачей своей она справлялась блестяще. Отсутствие точных законов департаментская администрация возмещала быстротой, находчивостью и решительностью. «Для осмотра и установления способности или неспособности каждого национального гвардейца к несению военной службы»; для распределения принятых добровольцев по ротам и батальонам, для председательствования на собраниях при выборах офицеров, установления контроля и т. д. назначены были комиссары, облеченные широкими полномочиями. Обычно комиссарами назначались офицеры в отставке, прекрасно справлявшиеся с возложенными на них задачами.

Эти комиссары разъезжали по своим округам и совместно с муниципалитетами определяли окончательные списки добровольцев. Они устанавливали возраст

призываемых и решали вопрос о физической пригодности последних. Вместе с ним разъезжал и врач. В департаменте Мерты принимались даже подростки от 15 лет и 65-летние старики. В Сен-Никола-дю-Пор из 27 добровольцев было 12 человек, не достигших 20-летнего возраста. «Барабанщику национальной гвардии в Абрешвилер, Антуану Бути, представленному своим отцом, пожелавшим итти в поход рядом с своим сыном, было 12 лет». Этот случай—не единственный. Все барабанщики были подростками, почти детьми. В департаменте Марны к вопросу о возрасте относились более строго. Из 1.766 добровольцев только 108 человек было старше 30 лет. Добровольцев моложе 18 лет было очень мало.

Допускались в добровольцы и женатые люди. Таковых в департаменте Мерты было довольно много. Но в департаменте Марны разрешено было «добровольцам, имеющим жену и детей, оставаться дома».

Согласно закону, добровольцы должны были рекрутироваться из рядов национальной гвардии, а национальная гвардия состояла из активных граждан, т.-е. из людей с достатком, имевших возможность экипироваться на свой счет. Никакие кредиты на экипировку добровольцев не были предусмотрены. В действительности же большинство добровольцев рекрутировалось вне рядов национальной гвардии, среди «пассивных», граждан, не имевших еще гражданских прав. Первый набор добровольцев в Марселе состоял почти исключительно из рабочих: из 579 добровольцев 550 были рабочие, в составе остальных 29 человек были два промышленника, восемь купцов, два хирурга, двенадцать рантье и пять бывших солдат. В департаменте Марны большинство волонтеров принадлежало к беднейшим классам населения. В департаменте Мерты, где богатый класс представлен в более значительном числе, комиссары принимают, например, Николая Буке из Нанси, «отец и мать которого находятся в большой нужде», Антуана Стиллера, «который оста-

вил свою мать и своих сестер в нищете». Как одеть и экипировать этих добровольцев, которые записывались, несомненно, для того, чтобы найти постоянное занятие, ибо плата в 15 су в день приблизительно соответствовала заработной плате рабочего? Часто это делалось за счет щедрости буржуа—национальных гвардейцев. Буржуа-патриоты, не желавшие сами нести военную службу, но боявшиеся восстановления старого режима, посылали в армию вместо себя своих слуг или рабочих, как это они делали и раньше, нанимая за деньги людей, несших вместо них патрульную службу. Мировые судьи из округа Шато-Сален решили отдавать часть своего жалованья на содержание одного добровольца и обещались во время войны содержать двух. Но частная благотворительность была недостаточна и не могла удовлетворить всех потребностей. Одежда и экипировка добровольца стоили 140 ливров,—сумму, по тем временам очень значительную. Муниципалитет Нанси решил прибегнуть к распродаже вещей, оставшихся после ликвидации провинциальной милиции. В департаменте Марны значительная часть добровольцев не в состоянии была экипироваться. Они отправились к границам в штатском платье, многие в деревянных башмаках. Учредительное Собрание должно было, наконец, вмешаться. Декрет от 4 сентября 1791 г. разрешил местным властям снабжать бедных добровольцев всем необходимым, удерживая на покрытие расходов по экипировке часть их жалованья. Год спустя местные власти были освобождены от этой обязанности,—экипировку добровольцев взяло на себя государство, удерживая из них жалованья по три су в день.

По окончании составления списков комиссары назначали принятым на службу добровольцам сборные пункты, где их распределяли по ротам и батальонам. В департаменте Марны комиссарам было разрешено «по возможности оставлять в одной роте близких родственников, формировать роты по округам и кантонам,

обращая тем не менее внимание на то, чтобы в одной и той же роте не было больше 12 человек из одной деревни, в случае, если эта деревня даст 24 добровольца, и придерживаться той же пропорции для тех деревень, которые дадут и большее количество добровольцев». Власти боялись, как бы при широком применении системы местного формирования «какое-нибудь несчастное обстоятельство не уничтожило целой роты и этим самым не обезлюдило всю деревню». Но тем не менее батальоны состояли из людей, знавших друг друга, живших одной и той же жизнью. Дух землячества заменил собой прежний кастовый дух.

По сформировании рот комиссары устраивали смотр, после чего начинались выборы офицеров. В большинстве случаев добровольцы выбирали своих полковников из среды комиссаров, производивших набор. Четвертый батальон в департаменте Мерты выбрал себе командира в лице некоего Пуанкаре, капитана в отставке, служившего раньше в конно-стрелковом полку в Вогезах, командовавшего затем национальной гвардией в Нанси и назначенного потом департаментскими властями комиссаром по набору добровольцев. Этот Пуанкаре—предок недавнего президента республики и нынешнего премьера.

Голосование не всегда было закрытым. Будущий генерал Пуже, выбранный капитаном в том же батальоне, что и Пуанкаре, рассказывает о своем назначении следующее: «Лишь только мы прибыли в Нанси, нас направили в казарму. Там мы собрались в большой зале, где королевский комиссар объявил нам, что мы будем выбирать себе офицеров и что каждый напишет в закрытом бюллетене имя своего кандидата. В ответ на это заявление вся молодежь стала кричать: «Зачем? Мы все хотим Пуже!». Несмотря на то, что я был мало известен молодежи из Невилера, никто не потребовал закрытого голосования, и я был избран капитаном единогласно. Королевский комиссар меня поздравил и поцеловал. Этот день был

для меня самым прекрасным во всей моей жизни. Мне не было еще 24 лет, и я вступал в армию капитаном»

В департаменте Мерты избранными полковниками оказались все бывшие военные, имевшие в своем активе по нескольку походов. Капитаны наполовину состояли из бывших военных и наполовину из молодых людей, нигде, кроме национальной гвардии, раньше не служивших. Деятельные, образованные, горячие, эти молодые люди впоследствии достигли самых высоких чинов. Квартирмейстеры и казначеи выбирались обычно из среды чиновников или секретарей мэрии.

В Марселе много офицеров было избрано из рабочей среды. Среди офицеров одного батальона имелись два носильщика, один каменщик, один слесарь, столяр, плотник, сапожник, бондарь, портной, чулочник, машинист и дрогист. Среди тринадцати других офицеров был один трактирщик, содержатель постоялого двора, ювелир, приказчик, заведующий складом, табачный торговец, писатель, два купца, двое бывших военных и один фабрикант. Все эти люди из народа показали себя столь же храбрыми, столь же опытными, как и столбовые дворяне.

Сформированным батальонам муниципальные власти вручали при торжественной церемонии знамена. После этого батальоны переходили в распоряжение военных комиссаров. Гражданские власти передавали их военным властям. Многие отправлялись на границы плохо вооруженными. Не хватало ружей. На занятиях вместо ружей упражнялись палками.

Отправление в поход во многих местах принимало характер праздника. Муниципалитет города Эперне устроил угощение добровольцам в залах мэрии, после чего весь муниципалитет в полном составе, под бой барабанов, проводил их на ту сторону Марны. Муниципалитет города Дормана провожал свой батальон за десять километров до города Порт-Бизон, «где им

было дано для поднятия духа угощение за счет коммуны».

Война еще не была объявлена. Не было еще уверенности в неизбежности ее. Тревога, которая впоследствии была вызвана неудачами, не сжимала еще сердец.

Люди были бодры, веселы и верили в успех.

«Другие походы последуют. Отныне, почти ежегодно на протяжении четверти века, добровольцы и рекруты будут шагать по той же дороге, ведущей в главный город округа. И на лицах их будет сменяться поочереди самые разнообразные чувства: революционный экстаз, энтузиазм, стремление к славе, наполеоновское рвение; а затем—в тяжелые часы—усталость и покорность, близкая к возмущению, и, наконец, когда неприятель перейдет границу и ворвется в страну,—трепещущий гнев и мрачную решимость бороться до смерти во имя защиты своего домашнего очага».

Эти добровольцы, это—новая Франция, Франция героическая, которая бросит миру евангелие «прав человека»—евангелие, которое всегда обеспечивало победу, победу тех, кто никогда не переставал верить в него и проводить его в жизнь.

VII

«ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ»

Король изменял. Он жаждал поражения, ибо надеялся, что поражение даст ему возможность снова восстановить потерянную им неограниченную власть. Мария-Антуанетта сообщала неприятелю военные планы и предупреждала его о передвижениях войск. Генералы интриговали. Лафайет, командовавший армией центра, тайком вел переговоры с представителями Австрии.

В яростных прокламациях он угрожал якобинцам и, покинув свою армию перед лицом неприятеля,

он на следующий же день после 20 июня пришел диктовать Законодательному Собранию свою волю. Последнее не решалось применять к нему репрессивные меры из опасения нанести этим вред военным операциям. После 10 августа Лафайет перешел к неприятелю, после безуспешной попытки увлечь свои войска для усмирения парижского восстания.

Сторонники старого режима волновались. Попы, покровительствуемые королевским запретом (veto), мутили умы и будоражили совесть. В воздухе пахло гражданской войной.

Линейные войска, главным образом кавалерия, под влиянием не успевших эмигрировать офицеров-дворян, выказывали сомнительную верность революции. В самом начале похода, под Киевреном, недалеко от Монса, 29 апреля 1792 г. 5-й и 6-й драгунские полки бежали в панике, увлекая за собой и другие войска. «В этот печальный день 2-й батальон парижских добровольцев покрыл себя славой; несмотря на многочисленные препятствия, он захватил у неприятеля и дотащил на руках большое орудие». Опыт показывал, что для защиты от внешнего и внутреннего врагов революция может рассчитывать только на армию, ею же созданную, на гражданскую армию.

Кавалерия Теобальда Диллона, в свою очередь, была охвачена паникой под Турнэ при виде нескольких уланов и с криками: «измена!» убила своего генерала. Несколько дней спустя, 6 мая, полк королевской кавалерии в полном порядке перешел границу и весь целиком передался на сторону неприятеля. Так же поступил гусарский полк около Страсбурга и другой полк под Тионвилем 12 мая. Австрийская и прусская армия, продвигавшиеся при помощи своих проводников—отрядов эмигрантов, думали, что совершают военную прогулку. Мария-Антуанетта, убаюканная теми же иллюзиями, что и коалиция, сама продиктовала знаменитый Брауншвейгский манифест, который, по ее мнению, должен был привести в раскаянии к подножию ее

трона самых пламенных якобинцев. Орудия 10 августа и Тампльская башня были ответом парижан на этот манифест.

Революционная буржуазия показала себя на высоте своего призвания. Она поняла двойную опасность—внутреннюю и внешнюю, и разрушила трон, чтобы спасти родину. Так же, как и год тому назад, в момент бегства короля, она немедленно решила объявить новый призыв добровольцев, и для того, чтобы мобилизовать все силы революции, она провозгласила 11 июля, что «отечество в опасности». Окружные и городские советы должны были заседать без перерыва. Ни один чиновник не имел права удаляться с своего поста. Все граждане, способные носить оружие, были объявлены в «состоянии постоянной боевой готовности» (перманентной активности). Обладатели оружия и военной амуниции должны были подавать об этом соответствующие заявления. Во всех главных городах кантонов шла запись добровольцев.

Законодательное Собрание отдавало себе отчет в том, что во многих районах призыв добровольцев встретит больше затруднений, нежели в прошлом году. Усилились противоречия и столкновения между партиями. Война начиналась плохо. Были даже элементы населения, сочувствовавшие неприятелю. Необходимо было обеспечить успех призыва принятием соответствующих мер. Отменены были ограничения, требовавшие определенного роста добровольцев (декрет 10 февраля 1792 г.), понижен был призывной возраст с 18 до 16 лет (декрет 24 июля 1792 г.). Уничтожен был барьер, деливший граждан на активных и пассивных. Последние были зачислены в национальную гвардию на все время продолжения войны. Они были освобождены от расходов по приобретению формы. Наспех их вооружили пиками, сделанными из решеток дворцов и церквей. После 10 августа им были предоставлены избирательные права. У них, наконец, появилась родина, которую они должны были защищать. В то

же время, с целью привлечения крестьян, были уничтожены существовавшие еще последние феодальные привилегии без вознаграждения их владельцев.

Трудящаяся Франция, таким образом, была подготовлена к тому, чтобы услышать призыв родины, находившейся в опасности.

Парижский муниципалитет организовал грандиозный по своей простоте церемониал. В воскресенье 22 июля отряды шести легионов национальной гвардии собрались со своими знаменами на Гревской площади. Набатная пушка, установленная на Новом мосту, ежечасно давала выстрелы,—орудия арсенала отвечали ей. Во всех кварталах барабаны били сбор. Кортежи муниципальных офицеров на конях, отряды кавалерии и артиллерии с огромными трехцветными знаменами, на которых было написано: «*Граждане, отечество в опасности*», проходили по всем улицам и останавливались на площадях, где читались призывы к населению. На главных площадях были устроены амфитеатры, разбиты палатки, разукрашенные плакатами и дубовыми венками. Впереди палатки на двух барабанах стоял стол, за которым производилась запись граждан в армию. Записавшиеся добровольцы образовывали перед палатками круг, в середине которого стояли две пушки и играл оркестр музыки. «Это—античная картина,—говорит Жорес,—где голос орудий приобретает новую мощь, где свобода, ставшая, наконец, достоянием всех людей, становится особо величественной. Революция взяла у Греции и Рима великое искусство придавать опасности строгое спокойствие и внушать к смерти, добровольно принятой за свободу и за родину, такой энтузиазм, что она была как бы высшей экзальтацией жизни».

В течение нескольких дней 15.000 добровольцев записались и продефилировали группами перед Законодательным Собранием. Многие из них были очень молоды. «Если бы я обращал внимание на внешний вид,—сказал при представлении их офицер секции Четырех

Наций,—рост многих из них был бы недостаточен для приема. Но я клал руку на сердца их, а не на их головы, а сердца горели патриотизмом». Во время этой-то лихорадки вошел в столицу, под звуки «марсельезы», знаменитый Марсельский батальон, который 10 августа начал наступление на Тюильри.

В провинции, во многих департаментах, порыв был так же велик. Генералы Рейнской армии, опасавшиеся невозможности защитить границы слабыми наличными силами, взяли в конце июля 1792 г. для пополнения из департаментов Верхнего и Нижнего Рейна, Дуба, Верхней Соны и Юры 40.000 человек из состава национальной гвардии. И в четыре дня департамент Верхней Соны произвол и экипировал восемь батальонов, заслужив этим похвалы Законодательного Собрания.

Во многих случаях пришлось питать энтузиазм не только патриотическими речами, барабанным боем и античными декорациями.

В департаменте устьев Роны властями решено было выдать всем записывающимся добровольцам, сверх их обычного жалованья, единовременное пособие в размере 50 ливров, «половина которых выдается при отправке, а другая половина—в течение первых трех месяцев». Жены добровольцев получали пособие в размере 10 су в день за время отсутствия мужа, дети—по 5 су в день. Хозяева, купцы и фабриканты обязаны были сохранять места своих служащих и рабочих, ушедших в армию.

Была открыта подписка в пользу раненых и семей убитых.

В Марсели добровольцев набралось много, но в земледельческих общинах, главным образом в районе Арля, запись не достигла цифры, предусмотренной законом.

Законодательное Собрание предвидело возможность подобных случаев и приняло соответствующие постановления. Национальные гвардейцы, собранные в глав-

ном городе кантона, должны были выбирать из своей среды, голосованием или по жребию, людей и восполнить таким образом недостающее количество (§ 7 закона от 8 июля).

После 10 августа якобинцы, победившие королевство, взялись с новой силой за набор добровольцев. В департаменте Вар и устьев Роны бывший актер Дорфей проявлял исключительную энергию. «В деревне Бар,—писал он,—нельзя было заполучить ни одного добровольца. В прошлое воскресенье я приехал туда для посадки дерева свободы. И не прошло двух часов, как я записал 45 человек. Мэр деревни имеет четырех сыновей; все четверо стали под знамя свободы. Тот же успех в деревне Орибо. Деревня должна была дать пять добровольцев, а их не было. Нужно было прибегнуть к жеребьевке... Я поднялся на кафедру, просил муниципалитет аннулировать эту запись по жребию, которую я считаю оскорбительной и вынужденной. И через час у нас было 12 человек добровольцев».

Тысячи таких Дорфеев работали по всей Франции. В департаменте Мены и Луары в их распоряжении находились суммы для выдачи пособий добровольцам. Сопровождали их барабаны и флейты. Почти повсюду конституционные священники читали призывы с церковных амвонов и способствовали набору. И почти повсюду добровольцы были из народа. Призыв 1792 г. дал очень мало буржуазии. Последняя предпочитала находить себе заместителей. Это был властвовавший и управлявший класс. Народ пошел за ним, так как он сумел слить в одно целое свои классовые интересы с национальными.

Сопротивление, которое добровольцы оказали под Вальми старой прусской армии, вынужденной отступить, удивило весь мир. Их изумительная отвага при атаке австрийских позиций перед Монсом, в Жемаппе, явилась блестящим доказательством превосходства национальной армии над армией наемников.

VIII

ДОБРОВОЛЕЦ ГАБРИЕЛЬ НОЭЛЬ

Всем нам хотелось бы немного лучше знать героев-санкюлотов, которые так высоко держали знамя республики. В настоящее время нам больше не приходится давать волю воображению, чтобы представить себе их чувства и мысли. Письма,—теперь уже пожелтевшие,—которые они писали своим родным и друзьям в редкие минуты бивачного отдыха, мало-по-малу начинают становиться достоянием гласности, публиковаться их потомками. Письма эти очаровательны по своей искренности; в них герои рассказывают о себе без позы, без всяких прикрас, вне всяких стеснительных рамок цензуры.

Мы будем перелистывать время от времени эти «письма с фронта», писанные 125 лет тому назад. Мы найдем в них стремление к идеалу, уравновешивающее солидность здравого смысла; спокойствие, неизменную жизнерадостность, храбрость и готовность на жертву, хладнокровие и уравновешенность.

Вот Габриель Ноэль, лотарингец, родившийся в Нанси 27 мая 1770 г. в семье зажиточных крестьян. Он был воспитан своей крестной матерью, мадам Дюриваль, женщиной состоятельной, образованной, изучавшей философию и увлекавшейся музыкой и литературой. Все это свидетельствует о том, что Ноэль получил прекрасное воспитание. Это сказывается и в его письмах. В декабре 1791 г. он вступил добровольцем во 2-й батальон департамента Мерты, экипировался на свой счет и в качестве рядового солдата отправился на фронт. Оттуда он стал писать свои первые письма к крестной, которую он любил, как родную мать.

Три раза в неделю он пишет ей длинные письма и ждет с нетерпением ответа. Какая радость, когда с полевой почты ему приносят письмо: «При получении

ваших писем я испытываю такое удовольствие, что не могу выразить его словами. При первом чтении я проглатываю их с жадностью. Затем я перечитываю их много раз, и каждый раз все с большим удовольствием, потому что голод мешает мне насладиться ими как следует при первом чтении. Если кто-нибудь приходит и хочет нарушить мой праздник,—я не слушаю его. Я—как зверь над своей добычей».

Отсутствие писем безгранично печалит его: «Ничего! Бедный солдатик забыт! Не могу поверить этому». И он начинает обвинять аристократов из почтового ведомства: «Последнее письмо, которое я получил, отмечено девятым номером, а прошлое письмо было отмечено номером седьмым. Значит, одно письмо пропало. Я думаю, что мы имеем основания не доверять почте. По моему мнению, нужно жаловаться. Эти письма, регулярно адресуемые с каждой почтой одному и тому же лицу, могли возбудить любопытство аристократов, управляющих почтовыми конторами, главным образом в Нанси. Письмо, должно быть, было вскрыто и оставлено, иначе объяснить это нельзя. Нужно разоблачить этих негодяев» (27 января 1792 г.).

Письма из дому представляют для него клад. Он ревниво бережет их под подушкой, носит на груди, как талисман.

Это не потому, что он сантиментален. Ноэль—скорее человек, который много думает и рассуждает. Он мало мечтает, но чувствителен к красивому пейзажу. Он подробно останавливается на описании живописных мест, по которым ему случается проходить. Он любит природу: «Сегодня утром я с большим наслаждением наблюдал первые признаки весны. Зеленый крыжовник, бузина, на которой показались почки, первые лепестки на розах...». Он наслаждается «очарованием возрождающегося леса». Это одновременно и чистая и сильная душа.

Страстно увлеченный идеей равенства, он резко протестует против необоснованного неравенства: «Мне

кажется, что поступили неправильно, сформировав специальные гренадерские роты в добровольческих батальонах. Мы больше не живем при режиме, когда отличительным признаком людей служил их рост. Гренадеры считают себя выше других солдат, им уделяют больше внимания; им предоставляют посты, которые считаются более почетными, хотя мне кажется более почетным нести караул у орудия на передовых позициях, нежели стоять часовым у дверей коменданта. Благодаря всему этому, гренадеры ведут себя вызывающе и вечно ищут ссор. А между тем, мы все равны, все—солдаты родины. Между нами не должно быть различия» (14 января, в IV год Свободы).

Поборник равенства, Ноэль не допускает, чтобы его действия расходились с его принципами. Он исполняет беспрекословно все возлагаемые на него работы: «Я сегодня работал на кухне. Сварил суп и овощи на славу». Он мог бы за шесть су в день найти себе заместителя «для грязной и скучной работы повара», но считает, что не имеет права так поступать, дабы не подавать дурного примера и не быть исключением. «Без хвастовства скажу, что мне никогда не удается поесть супу, оторый был бы так вкусен, как сваренный мной самим».

Он не хочет жить в отдельной комнате, несмотря на разрешение начальства. Он хочет жить, как все.

Храбрый, без рисовки, он тяготится гарнизонной жизнью. Ему хотелось бы уже выступить в поход. «Все наши добровольцы убеждены, что через восемь дней мы выступим. Несмотря на наступившие холода, это будет для нас большой радостью». Он не хочет вызвать жалости к своей судьбе: «Не жалейте вашего солдата, вынужденного переносить холод. Он его не чувствует и не хочет чувствовать. Он—крепкий солдат». Он очень охотно несет всевозможные караулы. «Ваш солдат готов заступить на пост. Сегодня его очередь. Очередь эта бывает каждые восемь дней. Но не только караул приходится нести. Бывают еще

ежедневные наряды и патрульная служба. Я с грустью наблюдаю, как некоторые молодые люди жалуются, считая патрульную службу самой тяжелой. Это недостаток усердия. Мне кажется, что, чем больше приходится нести службу для пользы родины, тем больше нужно быть довольным.

Будьте уверены, что ваш солдат никогда не будет жаловаться на это. Мы находимся здесь не для удовольствия, а как-раз наоборот. Одно лишь меня утешает, это—сознание, что, когда представится настоящая опасность, никто, я уверен, не будет жаловаться» (17 января 1792 г.).

Ноэль дружит со старыми солдатами. Особенно он дорожит дружбой своего капрала, старика Жималя, «который служит давно и участвовал в восьми сражениях во время ганноверской войны». Он заставляет старого солдата рассказывать о его службе и восхищается им, как героем. Он проникается глубокой жалостью к старому инвалиду, участвовавшему в боях под Фонтенуа: «Страна должна гордиться и хорошо обеспечить старых воинов; вот почему учреждение Дома Инвалидов, как бы это ни было хорошо, не совсем еще достаточно». Он с увлечением отдается изучению военного дела, читает «Школу офицера», просит прислать ему немецкую грамматику и словарь, чтобы иметь возможность сговариваться с пограничными жителями, не понимающими по-французски; он с жаром набрасывается на чтение «Истории римских революций», чтобы черпать оттуда примеры.

Его философия образованного человека не заставляет его относиться с презрением к невежеству товарищей по оружию. Он сочувствует им и старается побороть их предрассудки: «В то время как я писал, я слышал их разговоры о привидении, которое в образе белой собаки является каждую ночь на башне, где мы держим караул. Каждый уверял, что видел ее. Я пытался доказать им, что ни на этой башне, ни в

каком-либо другом месте привидений не бывает и что видели их только те, кто боится привидений... Как много есть еще людей темных. Я проведу на башне время с 10 часов до полуночи. Посмотрим, появится ли привидение. Я думаю, что оно не сочтет нужным беспокоиться ради моей особы...».

Из города Сиерка батальон, в котором служил Ноэль, перешел в деревню, жители которой совершенно не знали французского языка. Ноэль забавляется, описывая лачугу, в которой ему пришлось жить. «На пять человек,—пишет он,—мы имеем две кровати. Мне досталась кровать, в которой мы будем спать втроем. Постельные принадлежности состоят из соломы, затянутой простыней. Поверх простыни имеется нечто в роде перины, которая служит одеялом. Не совсем только аппетитно то, что все проходившие до нас отряды переспали на этой же простыне. Имеются и вши, но не будем говорить об этом. Я—солдат и гражданин, и в качестве такового я не имею права претендовать на деликатесы. Буду спать одетый; это, кроме всего, даст мне возможность быстро собираться для патрульной службы».

Он не зол, но не прочь при случае над кем-нибудь пошутить, главным образом над аристократическими священниками. Монахи из Сиерка часто возвращались с деревенских праздников, весьма «обремененные» после обильных возлияний.

«На-днях я стоял на посту у Гревских ворот и сыграл с одним из этих отцов штуку, за которую вы наверное будете бранить меня. Я знаю, что это было нехорошо, и прошу у вас прощения. По приказу мы не должны пропускать в город никого из чужих без разрешения караульного начальника. Я увидел подходящего к воротам монаха и хотел позабавиться слегка за его счет. При проходе я остановил его и с серьезным видом спросил, является ли он жителем этого города. Бедный человек был так напуган моим страшным видом, что не мог ответить ни да,

ни нет. Вот и вся моя злость,—я знаю, что был неправ. Браните меня»...

Революционный энтузиазм Ноэля искренен. Он поступил в армию не из расчета, не ради карьеры, а исключительно по своим политическим убеждениям. Единственная награда, к которой он стремится и о которой он мечтает, это то, что после войны он будет пользоваться всеми правами свободного гражданина. «Народ дает нам самую высокую и самую прекрасную награду: звание активного гражданина в двадцать пять лет. Ничто не может так возбуждать храбрость, как такая награда... Вот действительно награда, достойная прекрасных времен Афин и Рима. Как она отличается от тех наград, которые давались во времена деспотического режима. Чем больше денег было связано с получением награды, тем она считалась выше. Ах, какие времена! Они больше никогда не вернутся, что бы ни делали для этого наши враги. Никогда! Мы скорее погибнем!». Разве не трогательна эта клятва юноши двадцати одного года?

Когда он узнает, что Законодательное Собрание начало решительную борьбу с королем, радости его нет предела: «Да здравствует Национальное Собрание! Как прекрасен его декрет! Мы будем свободны! Конституция укрепится!.. Мы будем бить наших врагов, и наша борьба приведет в трепет всех деспотов на земле». Он гордится тем, что находится на передовых позициях, и выражает резкое недовольство против тех из своих товарищей, которые предпочли бы вернуться в Тионвиль, где имеются всевозможные развлечения. «Я пытался доказать им, насколько почетнее для нас быть на передовых позициях, нести наблюдение за нашими врагами и быть, так сказать, охранителями армии. Боюсь, что я высказал им это в немного резкой форме. Но я знаю их характер... Не надо давать заблуждаться этим прекрасным и смелым товарищам».

Он ни на минуту не сомневается в успехе войны. Он разделяет благородные представления своей эпохи

о добре, свойственном человеческой природе. Он верит, что достаточно будет ознакомить другие народы с принципами 1789 года, чтобы они прониклись ими. «Одни лишь короли причиняют зло народам... Я надеюсь, что после Германии мы пойдем в Испанию (чтобы освободить и ее)».

Эмигранты вызывают в нем больше жалости и презрения, нежели страха: «Все эти эмигранты, которые убегают при нашем приближении, посылая нам проклятия и ругая нас, похожи на комнатных собачонок, нагло и бессильно лающих. Если обернуться и посмотреть им прямо в лицо, они с криком убегают, будто их обдирают живьем». Узнав, что эмигранты из Трева выписывают себе цыплят из Франции, он пишет: «Господа эмигранты не любят конституции, но тем не менее продолжают, повидимому, любить французских цыплят. Они наверно скоро будут пытаться вернуться, чтобы лакомиться этими цыплятами на месте. Но их армия производит на меня впечатление армии сибаритов,—против нас они не устоят». К этой теме он часто возвращается в своих письмах.

Космополитизм Ноэля представляет собою не что иное, как широко понятый патриотизм. Он гордится тем, что он француз: «Через сто лет, когда будут говорить о наших свободах, скажут: это—французское. К нам дошли слухи, что император выводит свои войска из Люксембурга, чтобы послать их в Брабант, где восставшие снова подняли трехцветный флаг. Дух свободы распространится по всему миру. Не долг освободившихся народов—притти на помощь другим. Таким образом, мы будем выше римлян, которые добивались свобод только для себя».

Габриэль Ноэль—верующий, но не фанатик революции. Он не любит демагогии. В политических вопросах он вначале примыкал скорее к фельянам, т.-е. сторонникам конституционной монархии,—чистая душа, он долго верил в искренность и хорошие намерения Людовика XVI. Он увлекается Лафайетом даже в

июне 1792 г. Он не любит газет, издаваемых крикунами. Он читает «Монитор»—серьезную и хорошо осведомленную газету. До своего поступления на службу он записался членом якобинского клуба в Нанси. Но это не мешает ему критиковать парижских якобинцев, когда они заходят слишком далеко. Он—человек порядка. Он протестует против «недостойного выступления 20 июня», порицая, однако, и отставку министров-жирондистов. Он возмущен убийствами 10 августа. Но этот умеренный—патриот до мозга костей. Эксцессы, неизбежные при всякой революции, не заставляют его изменить своим принципам. Среди товарищей по казарме он предпочитает крестьян, «потому что их легче убедить в том, что истинно, и они справедливее». Он не любит «крикунов и хвастунов».

Ноэль не уклоняется от строевых занятий, но он «старается быть на занятиях не как машина, а отдавать себе отчет во всех движениях». Он замечает, что товарищи его нервничают от безделья в гарнизонах и жаждут отправиться скорее в поход. «Эта скука скоро рассеется, и любовь к родине согреет все холодные сердца». Он возмущается, что новые призывы, предназначенные для укомплектования добровольческих батальонов, производятся крайне медленно. Набор по принуждению ему кажется «обесчещивающим свободную страну». «Я боюсь, что декрет о призыве может опозорить нас в глазах других народов». Он упрекает крестьян, желающих вернуться домой для обработки земли. «Эти безумцы не видят, что для спокойной и полезной обработки земли нужно, чтобы страна не подвергалась никаким опасностям; их маленькие интересы ослепляют их. И это—крестьяне, которые больше всех выигрывают от свободы». Он советует своему брату, «коптящему небо» у родителей, последовать его примеру и пойти в армию. «Я бы хотел, чтобы мой брат был здесь. Он будет вести здесь жизнь немного тяжелую, но это будет для него лучше, нежели бабья жизнь дома».

Образовательный ценз дает Ноэлю основания надеяться на офицерский чин. Батальонный командир берет его к себе в качестве секретаря. Товарищи по роте хотят избрать его капралом, но он не честолюбив. «Гораздо легче и приятнее подчиняться, чем командовать; я в этом убеждаюсь каждый день; я не должен ни перед кем отчитываться. Оказывая другим услуги, я всем приятен, и при точном исполнении службы никто ничего не может мне сказать. Я чувствую себя на своем месте гораздо лучше, нежели батальонный командир на своем».

Несмотря на то, что он не согласен выставить свою кандидатуру на освободившееся место, товарищи голосуют за него. Ему не хватает двух голосов, чтобы быть избранным, и он искренно радуется этому.

Наконец, война объявлена. Ноэль рад. Ему по душе жизнь в палатке. Он храбро переносит длинные переходы, непогоду, дожди, грязь, тревоги и караульную службу. «Вместо того, чтобы, лежа в палатках под дождем, жаловаться, мы поем, и как можно громче. Поднимаем такой шум, что хоть тучи разгоняй им». Он завидует линейным солдатам, раньше его отправившимся в поход. «Я не могу выразить вам удовольствия, которое доставит нам участие в каких-либо серьезных делах. Это будет для нас праздником. Я, однако, не кровожаден и тем не менее не могу объяснить, почему истребление врагов доставляет мне удовольствие».

Но, несмотря на этот воинственный порыв, Ноэль остается верным сыном восемнадцатого века. Он мечтает, что эта война будет последней. «Как? Неужели миллионы людей будут убивать друг друга потому лишь, что они не согласны между собой? Нужно быть сумасшедшим для этого!». Но он тут же прибавляет: «Пусть уснут эти мысли. Теперь не время для философствования. Нужно драться».

Его угнетает бездействие в лагере около Шарлемона в то время, как в других местах идут бои.

«Почему мы вынуждены оставаться на оборонительных позициях?—пишет он 7 июля.—Быть вынужденным к этому, это значит быть обреченным на бездействие. Это не то, что нужно. Если нас не атакуют,—мы должны сами атаковать, чтобы заставить дрожать тиранов и освободить порабощенные народы».

В нем нет, однако, недоверия к генералам. Наоборот, он в продолжение долгого времени защищает Лафайета против нападок своих товарищей. Он резко осуждает людей, сеющих панику. «В Законодательном Собрании и среди народа распространяют ненужные страхи. Мы не находимся здесь в такой страшной опасности, как об этом говорят. Наш лагерь хорошо укреплен. Молнии свободы украшают наши редуты, и мы настраже».

Ноэль гордится своим батальоном. Он находит его лучшим и самым дисциплинированным во всем лагере. «Ни один батальон не может сравниться с нашим. Чем больше я наблюдаю, тем больше я убеждаюсь в этом. У нас тут имеются батальоны из Нижней Шаранты, из Иль-и-Вилен и даже из Версаля. Никто так хорошо не несет службы, как мы. Нигде нет такой образцовой дисциплины, такой хорошей выправки. Ах, если бы только хотели испытать на деле! Мы сделаем все, что нам прикажут. Мы будем храбры, и я не думаю, чтобы добровольцы давали брать себя в плен. Что касается меня, то плен будет для меня тяжелее смерти. Я предпочту последнюю. Тем, кто захочет взять меня в плен,—моя жизнь достанется не дешево».

Когда, после 10 августа, к Ноэлю доходят тревожные вести о занятии пруссаками Лотарингии, он, всегда столь спокойный, приходит в неописуемый гнев: «Говорят, что Саргемин взят, что опасность угрожает Сарлуи. При получении этих известий меня охватило чувство гнева и отчаяния. Я хотел бы перевестись в какой-нибудь батальон Рейнской армии. Что может быть более безнадежным, чем оставаться здесь в бездействии в то время, когда враг угрожает

стране! Когда я думаю об этом,—а думаю я очень часто,—судорога сводит мои члены, кулаки сжимаются. При первой же возможности я отомщу за потерянное время» (29 августа 1792 г.).

Внезапная сдача Лонгви приводит его в бешенство: «Лонгви взят в 15 часов: Батальон из Кот-д'Ор, истребленный в Гризюэлле, храбро защищался, но трусы из Ангулемского полка, дав себя разоружить, свели на-нет эти жертвы. Трусы! Трусы! Весь лагерь был поражен и возмущен, и если бы перед нами были эти французские солдаты, мы выступили бы против них как против врагов!».

И, наконец, долгожданный час наступил. Ноэль оставляет лагерь в Мобеже и отправляется с дивизией Дампьера, которую Бернувиль уводит к Аргоннам навстречу изменившему Дюмурье. 19 сентября он в Сен-Менеуле. На следующий день разыгрывается бой под Вальми, в котором он непосредственного участия не принимает и рассказывает лишь о виденном и слышанном.

«Вчера в шесть часов утра мы были разбужены гулом орудийных выстрелов, доносившихся со стороны Вальми—деревни, находящейся в расстоянии одного лье от нашего лагеря. Мы явственно видели пороховой дым. К восьми часам утра орудийная пальба стихла. Это не совсем обычное пробуждение всем нам доставило удовольствие. Вскоре мы были готовы двинуться. Несмотря на двухчасовую беспрерывную канонаду, мы так и не узнали, что происходило. Только мы сели обедать, как орудия снова зарычали. Барабаны в лагере забили сбор. Мы схватились за ружья, и через некоторое время наша колонна в 15.000 человек, в сопровождении артиллерии, отправилась на позиции. Мы взяли направление на высоту Вальми, где наши орудия вступили уже в перестрелку с неприятельскими. Мы почти уже дошли до вершины холма и, хотя были еще довольно далеко, слышали свист пролетавших ядер. Но в тот момент, когда мы всту-

пили на поле сражения, нас повернули обратно, и мы вернулись в лагерь злые и недовольные тем, что не удалось присутствовать при этом бое. Я говорю «присутствовать», так как действовали одни лишь орудия. Солдаты были лишь простыми зрителями». В этом рассказе чувствуется огорчение солдата, который пропустил возможность хорошей штыковой схватки.

Ноэль участвовал в преследовании отступавших пруссаков. Он вошел вслед за ними в Верден и Лонгви. Затем он проделал бельгийский поход. Участвовал в осаде и взятии Намюра. В 1793 г. он был произведен в первый офицерский чин в драгунском полку.

Четыре года еще он провел в походах и многочисленных боях с контр-революционной королевской коалицией, но военное ремесло перестало ему улыбаться в тот день, когда победившая Франция перестала нуждаться в нем, как в солдате. Когда Наполеон узурпировал власть и задушил республику, Ноэль вернулся в свою деревню, женился на подруге детства, с которой он вместе вырос и, конечно, как бывает во всех хорошо кончающихся романах, народил многочисленное потомство. Судя по его письмам, можно быть уверенным, что он был прекрасным семьянином.

Если мы немного подробнее остановились на личности этого добровольца 1792 года, то потому, что он нам кажется очень характерным для своего времени. Ноэль—патриот в самом широком смысле этого слова, человек прогрессивный, не карьерист, искренний, скромный и храбрый. Он безропотно переносит тяготы военной жизни, к которой он пришел не по призванию, а по убеждению. Он—солдат, убежденный, что служит большому делу, делу справедливости, благу человечества.

Читая его письма, мы лучше улавливаем секрет молниеносных побед революции. Санкюлоты победили не только потому, что численно превосходили неприятеля, но и потому, что превосходили его умом и сердцем.

IX

МОБИЛИЗАЦИЯ 300.000 ЧЕЛОВЕК

Крупные победы французской армии в конце 1792 года, занятие левого берега Рейна, Савойи и Ниццы повлекли за собой значительное уменьшение контингентов. Добровольцы, составляющие уже больше двух третей армии, были законтрактованы только на время одного похода. Когда они увидели, что опасность для республики миновала, что территория Франции очищена от неприятеля, что естественные границы Франции достигнуты, они массами стали просить о возвращении на родину. Лотарингец Ноэль, храбрость и патриотизм которого описаны нами в предыдущей главе, последовал общему примеру. «В день нашего ухода из Сен-Менеула (30 сентября),—читаем мы в его письме от 23 октября,—я написал заявление о желании вернуться домой. Но я не хотел дать движения этому заявлению до тех пор, пока неприятель находился в пределах Франции. Сегодня, после того, как мы отпраздновали артиллерийскими залпами очищение страны, я понес мое заявление капитану. «В соответствии с декретом об организации добровольцев, я прошу г. Матье, моего капитана, принять мою отставку в виду окончания похода, заявляя при этом, что я воспользуюсь правом отставки постольку, поскольку моя честь и патриотизм мне это позволят».

Капитан Матье принял это заявление очень плохо. «Он сказал мне, что не ожидал от меня подобного шага, что он знал меня с другой стороны, что он не считал меня способным оставить дело защиты родины и т. п. Я ответил ему, что смог и всегда смогу отказаться от всего личного во имя родины, что я готов проделать не один, а двадцать походов, если только Франция будет в опасности, но что он сам хорошо знает, что серьезной войны зимой не может

быть, что я хотел бы использовать эту передышку для пополнения моего образования, дабы потом быть полезным народу». 4 декабря Ноэль получил отпуск и отправился домой.

Сотни тысяч добровольцев стали покидать армию, и притом как-раз в тот момент, когда над Францией стали собираться новые тучи, когда в воздухе снова запахло грозой. После казни короля к коалиции, воевавшей с республикой, примкнули Англия, Голландия и Испания.

Конвент пытался вначале удерживать добровольцев, взывая к их чести и патриотизму. «Граждане-солдаты, закон разрешает вам уйти из армии, но крик родины запрещает вам делать это. Оставил ли Брут свой пост, когда Порсенна был у ворот Рима?» (прокламация от 20 октября 1792 г.). «Солдаты античной империи и рождающейся республики, знаете ли вы, каковы надежды наших врагов? Они говорят, что французские солдаты всегда показывали чудеса храбрости в моменты энтузиазма, но что их энтузиазм проходит и вместе с ним кончаются и чудеса... Они говорят, что вы умеете побеждать армии, но боитесь холода. Солдаты Французской республики, докажите им, что вы превосходите во всем легионы Римской республики, которые сражались и побеждали на ледяных вершинах Альп и в знойных песках Африки» (призыв от 24 октября).

Болезненная риторика. Добровольцы не подражали Бруту. Они не видели Порсенны у ворот Парижа. Батальоны редели по мере того, как приближалась зима. Численность некоторых упала с 800 до 100 человек. Были роты, насчитывавшие всего по 5 человек.

Чтобы довести численность армии до 500.000 человек, которые Конвент считал необходимым иметь к весне, 27 февраля 1793 г. был объявлен новый призыв 300.000 человек. Принцип добровольчества был сохранен, но в случае, когда какая-либо коммуна не давала

полагавшегося на ее долю количества добровольцев, «граждане должны были безоговорочно восполнить недостающее число, прибегая для этого, к тем мерам, которые они по большинству человек найдут для себя более подходящими и удобными». «Каковы бы ни были эти меры: жеребьевка или назначение по выборам, пополнение должно было быть взято только среди холостяков и бездетных вдовцов в возрасте от 18 до 40 лет. Допускалось заместительство, но заместитель должен был быть утвержден советом коммуны, вооружен, одет и экипирован за счет замещаемого.

Призывы 1791 и 1792 гг. были произведены в атмосфере энтузиазма и относительной общественной солидарности. До 10 августа аристократы составляли меньшинство. Но в марте 1793 г. положение сильно изменилось. Смерть короля оторвала от революции всех умеренно настроенных фельянов, всех тех, которые испугались нарождающейся демократии,—всех тех, кого вековое религиозное и монархическое воспитание приучило свято чтить бога и трепетать перед «его помазанником». Эти элементы усилили кадры аристократии, удвоили их численность. Конституционные священники, которые были раньше одной из самых верных опор революции, и те начинают колебаться и частью даже становятся враждебными революции. Они боятся, как бы в ближайшем будущем и религию не постигла та же участь, что и королевский режим. Зачем сохранять монарха в небесах, если он уничтожен на земле? Яростная борьба между жирондистами и монтаньярами еще больше ослабила революционную партию, создавая атмосферу неуверенности, недоверия и сомнений.

В начале марта, когда с фронта стали поступать плохие вести, волнение возросло еще более и начинало становиться опасным. Конвент понял, что для обеспечения успеха вновь объявленного призыва выполнение последнего не следует поручать одним только местным властям, многие из которых были весьма

подозрительны. После поражения Миранды у Экс-ля-Шапель Конвент 8 марта решил отправить в каждый департамент двух депутатов, облеченных самыми широкими полномочиями. Подобно римским проконсулам, эти комиссары должны были разбить всякое сопротивление. Через день, 10 марта, в момент занятия коалицией Бельгии, по предложению Дантона создан был Революционный Трибунал, на обязанность которого легло подавление всяких преступлений, в том числе и политических. Несколько дней спустя, после поражения у Неервиндена и потери Бельгии, Конвент образовал революционные комитеты для наблюдения и ареста иностранцев и подозрительных лиц. Измена Дюмурье в начале апреля 1793 г. показала, что республиканцы беспокоились не напрасно. Немедленно же был организован Комитет Общественного Спасения, который должен был сконцентрировать и оживить революционную энергию.

Приостановить вербовку добровольцев—значило убить республику. Контр-революционеры всех оттенков делали огромные усилия, чтобы помешать объявленному набору 300.000 человек и вызвать восстание. Частично это им удалось.

На границах Анжу и Пуату, в районе, населенном контрабандистами и давно уже «обрабатывавшемся» попами и аристократами, вспыхнуло страшное восстание. Во вторник 12 марта в Сен-Флоран-ле-Виель ударил набат. Крестьяне ближайших приходов, под предводительством эмигрантских лакеев, вооружились вилами, косами, дубинами и цепами, бросились на жандармов и национальных гвардейцев, захватили их пушки и сожгли архивы. В течение нескольких дней восстание охватило и соседние районы.

Вандея родилась, и в течение года ей суждено было оказывать сопротивление многочисленными армиям революции.

Немногого не хватало, чтобы эта клерикальная и роялистическая жакерия охватила весь запад и центр

Франции. Это было бы неизбежно, если бы Конвент во-время не разослал своих комиссаров. Эти последние, однако, находились уже на своих постах и энергичными мерами парализовали восстание в самом зародыше. Их письма об этом весьма поучительны.

Комиссары Лемалио и Гермер сообщают 22 марта из Ренна, что в департаменте Иль-и-Вилен происходят многочисленные собрания вооруженных людей, кричащих: «Да здравствует король Людовик XVII, дворяне и священники». В Морбигане «положение не менее критическое». Два главных города кантона, Ларош-Бернар и Рошфор, находятся во власти восставших «и их банд, учинивших ужасы в этих двух несчастных городах». Ванн окружен. Во всех городах дома патриотов отмечены. Восставшие выкалывают патриотам глаза, вырывают им языки. При своих нападениях они гонят впереди себя пленных патриотов, делая таким образом из них прикрытие для себя. «Это не простые местные восстания, которые можно легко подавить,—пишут члены Конвента.—Это—деревня, идущая в боевом порядке, предводительствуемая ловкими начальниками, имеющая кой-какое огнестрельное оружие и боевые припасы, устремившаяся в города для разбоя и погромов. Это—невежество и фанатизм, ставшие орудием в руках аристократии, работающие с ней во имя уничтожения городов, которые, благодаря большей просвещенности, являются очагами патриотизма и разрушение которых оставляет на земле только деспотизм и рабство». Энергия, проявленная комиссарами Севестром и Билло-Варенном, подавила восстание.

Крестьяне были разбиты в Редоне и Рошфоре, вожди их арестованы. Бретонская Вандея была задушена в зародыше.

В департаменте Индры-и-Луары члены Конвента, комиссары Гупило и Тальен, «вынуждены были арестовать всех попов-смутьянов и жителей, известных

своим враждебным отношением к республике, и заставить родственников эмигрантов являться ежедневно к властям своего района».

В департаменте Вьенны пришлось разгонять сборища военной силой. В департаментах Верхнего и Нижнего Рейна население под влиянием духовенства отказалось исполнить приказ о наборе добровольцев. Вместо этого применили систему назначения, причем для отправки на фронт были назначены исключительно священники-республиканцы и выдающиеся патриоты. Представители Конвента при армии вынуждены были отменить эти назначения. Большие беспорядки вспыхнули 25 и 26 марта в Мольсхейме. В департаменте Верхней Луары «в окрестностях Сен-Жюльена,—коммуны, находящейся в двух лье от города Пюи,—жители, увлеченные бывшими дворянами и несколькими реакционными попами, скрывавшимися в этом районе, не только восстали против закона о мобилизации, но вооружились и собрались в количестве более 2.000 человек; они врывались в дома патриотов, а затем укрылись в горах, где разрабатывали план поджога главных городов департамента и собирались поднять знамя гражданской войны». Авторы этого донесения от 25 марта, члены Конвента Лакост и Фор, вынуждены были принять энергичные меры, арестовать бывших дворян и подозрительных людей и двинуть против повстанцев вооруженную силу.

Восставшие были разбиты и рассеяны. В округах Авейрон и Тарн аристократы пытались вызвать беспорядки, и во многих случаях им удавалось отправить на фронт одних только патриотов.

Находившиеся на местах члены Конвента предполагали, что сопротивление, которое они встречали, было результатом разработанного плана. Отсюда и пошли репрессивные меры, носившие сначала частичный и местный характер, но впоследствии принявшие более систематический вид; эти меры вошли в историю под

именем террора. Террор в те времена был тем, чем в настоящее время является общее и длительное осадное положение.

Но мы вернемся еще к этому вопросу.

К счастью для Франции, патриотически настроенные департаменты энергично взялись за комплектование контингентов и отправку их на фронт. Члены Конвента Мишо и Сибло в своих письмах от 23 марта 1793 г. дают прекрасный отзыв о высоком уровне гражданского сознания жителей Верхней Соны: «Гнусные измены, нанесшие несколько ударов республике в Бельгии, не только не охладили их революционный энтузиазм, но, наоборот, еще больше укрепили его». Этот департамент, который уже дал 12 батальонов, в течение двух дней мобилизовал еще один новый контингент в 1.200 человек. «Этот набор,—говорят Мишо и Сибло,—был произведен с такой легкостью и преданностью, что мы должны выразить благодарность как гражданам, так и администрации. Новые защитники свободы и равенства одеты и, в большинстве своем, вооружены». Департамент Дуб соперничал в патриотизме с Верхей Соной. В письме от 31 марта те же комиссары сообщают, что ни в одной коммуне мобилизация не вызвала протестов. Аналогичные донесения поступали от членов Конвента и из других департаментов: Верхней Вьенны, Индры-и-Луары, Шеры, Соммы, Эры-и-Луары, Ардеша, Сарты, Марны и Об.

Во всех этих департаментах бывшие добровольцы 1791 и 1792 гг., уже вернувшиеся было домой, откликнулись на призыв и поспешили отправиться в армию.

Но даже и в этой патриотической части Франции возникали иногда затруднения. Очень часто рекруты по назначению становились «жертвами личных счетов и местных интриг, заранее обреченными большинством, которое вводило систему назначения». Слишком часто бедняки становились жертвами богачей. Слишком

часто заместительство приводило к большим злоупотреблениям. Никто не вскрыл этой язвы заместительства с большей силой и с большим возмущением, чем Карно: «На священной территории свободы, в той самой стране, где только что были провозглашены «права человека», происходит торг людьми. На этом спекулируют. Этот торг происходит в мастерских, в лавках, в общественных местах. Гнусный торговец приходит и пристает к молодому крестьянину, молодому рабочему и говорит ему: «Хочешь продаться в отряд? Вот тебе за это 300 ливров». И сделка заключена. С этого момента молодой человек принадлежит покупателю, не зная, кому последний перепродаст его. Покупатель отправляется по коммунам и спрашивает: «Кто хочет человека?». Делаются предложения, происходит торг. Заключается новая сделка, и часто продавец зарабатывает сто процентов на сумме, которую он дал своему рабу. Что получается? Несчастный, искушенный первой продажей, жадный к наживе, продолжает торговлю своей личностью, спекулирует на своей свободе, не отправляется в полк, в который назначен, или дезертирует и отправляется на поиски нового торговца людьми; часто он находит первого, который после вторичной покупки ведет своего раба на новый торг. Заместительство не только разложило батальоны, но,—если война будет продолжаться,—оно будет сильной помехой к укомплектованию их. Повсюду оно внесло отчаяние и нищету: женщины продали свою последнюю одежду, чтобы купить заместителей своим мужьям; другие продали годами накопленное добро; коммуны продали свои земли, колокольни, все свое движимое и недвижимое имущество для покупки солдат, недостойных носить это звание,—солдат, которые, переходя от одной продажи к другой, дезертируя из батальона в батальон, только и делают, что разоряют республику вместо того, чтоб защищать ее».

В другом письме, из Арраса от 9 июля 1793 г., Карно говорит, что легкость и свобода заместительства лишили республику 50.000 солдат: «Это 50.000 инвалидов, эпилептиков, больных всех видов, которых нам дали вместо 50.000 других, оставивших свои части и ушедших продаваться».

В ожидании, пока Конвент примет меры против этих кричащих злоупотреблений (что Конвент не замедлил вскоре сделать), власти некоторых коммун стали применять другие методы рекрутирования, исключавшие неудобства, проистекавшие от жеребьевки и мажоритарных выборов. В департаменте Эро декретом от 19 апреля 1793 г. жеребьевка и выборы заменены были простыми назначениями. Право назначения рекрутов вверено было комитету, избранному комиссарами Конвента по предложению местных властей. Этому комитету предписывалось «произвести реквизицию самых патриотических граждан, храбрость и физические качества коих будут полезны для республики». Список имен назначенных таким путем граждан должен был быть вывешен во всех клубах.

Система рекрутирования, введенная в департаменте Эро, имела то преимущество, что вся работа по мобилизации переходила в руки революционных властей. Эта же система была применена и в Париже, пославшем в мае 12.000 добровольцев для подавления Вандеи. Так как большинство секций решило выдавать всем рекрутам, назначенным революционными комитетами, денежную премию, то коммуна Парижа, решила распространить это решение и на добровольцев, выдав каждому из них при отправлении на фронт 500 ливров. Деньги, необходимые для этих премий, решено было добыть посредством принудительного займа среди богатых [1]).

[1]) Департаменты Шер, Алье, Дубс, Коррез и Верхняя Вьенна последовали примеру департамента Эро (рапорт Баррера от 29 мая 1793 г.). Комитет Общественного Спасения специальным циркуляром рекомендовал этот способ набора рекрутов.

Мобилизация 300.000 человек заполнила ряды армии, поредевшие было после массовых увольнений, имевших место в конце 1792 г. Но это количество стало вскоре недостаточным, когда на горизонте появились новые опасности. Силой вещей Конвент вынужден был заменить прежнюю систему рекрутирования другой, более рациональной системой. Под именем всеобщей мобилизации и реквизиции он в августе 1793 г. ввел всеобщую воинскую повинность, о необходимости которой Дюбуа-Крансэ говорил еще в 1789 г.

X

ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И РЕКВИЗИЦИЯ

Август 1793 года был самым критическим месяцем в истории Конвента. Армии потерпели ряд поражений. Фронт у Виссембурга был прорван. Майнц, осажденный с конца марта, сдался 23 июля; 12 июля капитулировал Конде, 23 июля—Валансьен. Последние форпосты, защищавшие подступы к Парижу—Камбрэ, Ле-Кенуа, Ландреси,—были отрезаны и окружены. Австрийская армия, в которую входили также английский и голландский корпуса, осаждала Дюнкерк. Испанцы продвигались в Русильоне и подходили к Перпиньяну. Пьемонтцы перешли в наступление в Альпах. Внутри же вся страна была охвачена гражданской войной. Одновременно с восстанием роялистов вспыхнуло восстание жирондистов. Повстанцы в Бретани и Нормандии собирались объединиться с Вандеей. Марсель, Лион, почти все крупные города на юге и в центре отказались признать власть Конвента и самостоятельно организовывали свои армии. Тулон и Корсика были заняты англичанами.

В этот момент величайшей опасности спасение снова принесла народная инициатива. Делегаты первичных собраний, которые были посланы департаментами для знаменитого празднования Федерации, 10 августа

1793 года, не хотели уехать из столицы раньше, чем будет сделано великое усилие для спасения страны. 12 августа они представили Конвенту краткую и энергичную петицию: «Нужно, наконец, дать пример миру, страшный урок объединенным тиранам. Обратитесь с призывом к народу: он один в состоянии раздавить врагов. Мы просим вас торжественно объявить, что все подозрительные люди подлежат немедленному аресту и отправке на фронт, вслед за всесокрушающей массой всех санкюлотов республики. Там, в первых рядах, они будут драться за свободу, которую они в течение четырех лет оскорбляют, или они будут раздавлены орудиями тиранов. Будьте страшны, но спасите свободу». Всеобщая мобилизация и аресты подозрительных лиц—обе эти меры дополняли друг друга.

Но было ясно, что для успеха новых мобилизаций необходимо, прежде всего, чтобы контр-революционные силы были раздавлены. С другой стороны, патриоты, уходившие в армию, боялись оставлять свои семьи, которым угрожала месть со стороны аристократов. Задачи национальной и революционной обороны сплетались теснее, чем когда бы то ни было.

Дантон и Робеспьер, вожди монтаньяров, поддерживали петицию. «Депутаты первичных собраний,—сказал Дантон,—предлагают нам применить террор по отношению к внутренним врагам». Он приветствовал предложение об аресте подозрительных лиц, о необходимости новой мобилизации, но предупреждал, что одновременно с мобилизацией военной должна быть произведена и соответствующая мобилизация экономическая. Он предложил поручить депутатам первичных собраний произвести вместе с представителями власти учет оружия, продовольствия, амуниции и одновременно наблюдать за набором солдат. Что касается подозрительных лиц, то, по мнению Дантона, лучше держать их в качестве заложников, нежели отправлять на фронт.

Робеспьер заявил, что победами своими тираны обязаны бездарности и предательству генералов: Лафайета, Дюмурье, Кюстина и др. Он потребовал чистки штабов и государственных учреждений и предложил поручить департаментским депутатам не только набор солдат, но также и назначение энергичных, активных и верных патриотов для замещения уволенных чиновников. Депутат Кутон доказал необходимость реквизиции всех хлебных запасов республики.

Конвент тут же декретировал арест подозрительных лиц; выполнение других намеченных мероприятий было поручено Комитету Общественного Спасения, членом которого состоял Робеспьер и куда на следующий день вошел и Карно.

16 августа депутаты первичных собраний, поддержанные делегацией от 48 секций Парижа, повторили свое предложение. «Будьте на высоте интересов Франции,—сказали они депутатам.—Сам народ в настоящий момент стоит выше окружающих его опасностей. Мы указали вам, представители, прекрасный путь обращения с призывом ко всему народу, а вы вместо этого ограничились декретом о мобилизации одной лишь категории граждан. В момент величайшей опасности полумеры смертельны. Легче поднять весь народ, чем одну только часть граждан. Если вы просите 100.000 солдат, вы не найдете их, но миллионы людей ответят на призыв, обращенный ко всей стране. Знайте, что народ устал,—он больше не хочет медленной тактической войны, не хочет быть игрушкой в руках генералов-предателей, которые до сих пор вели его к истреблению по частям. Он хочет закончить раздирающую нас войну одним быстрым ударом и раздавить своих врагов. *Не должно быть сделано никаких исключений для людей, способных носить оружие, чем бы они ни занимались; только земледелию должно быть оставлено необходимое количество рабочих рук для обработки земли; торговля должна быть временно приостановлена, все дела должны прекратиться; единственной, великой и насущной заботой всех французов должно быть только спасение республики*».

Конвент предписал Комитету Общественного Спасения составить тут же на месте доклад, и несколько минут спустя Барер набросал декрет, в силу которого 18 представителей должны быть посланы в департаменты для руководства деятельностью депутатов первичных собраний по проведению мер общественного спасения и по реквизиции людей, продовольствия, оружия, фуража и лошадей. Эти представители получили также мандат на производство чистки всех административных учреждений и назначение на освобождающиеся места верных и преданных республике граждан.

Несколько дней спустя, 23 августа, Конвент вотировал знаменитый декрет, который регламентировал всеобщую мобилизацию. С этого дня до того момента, пока неприятель не будет изгнан из пределов республики, все французы будут считаться мобилизованными.

«Молодые люди пойдут в бой; люди женатые будут ковать оружие и перевозить продовольствие; женщины будут шить палатки, одежду для солдат и работать в госпиталях; дети будут щипать корпию из старого белья; старики заставят понести себя на площади, и там они будут возбуждать храбрость бойцов, взывать к ненависти к королям и к единству республики.

«Национальные дома будут превращены в казармы. Площади—в оружейные мастерские; полы погребов будут тщательно вымываться для добывания селитры».

«Боевое огнестрельное оружие будет дано исключительно тем, которые пойдут на фронт; гарнизоны, которые будут нести службу внутри страны, будут снабжены охотничьими ружьями и холодным оружием».

«Верховые лошади будут реквизированы для нужд кавалерии; упряжные же лошади, кроме тех, которые будут необходимы для полевых работ, будут взяты для артиллерии и обозов».

Все молодые люди от 18 до 25 лет, не женатые или бездетные вдовцы, составили первую категорию подлежащих мобилизации и должны были немедленно собраться в главном городе каждого округа. Из них были составлены батальоны, на знамени которых были написаны слова: «*Французский народ против тиранов*». В каждом округе были созданы ссыпные пункты, куда откупщики и управляющие государственным имуществом должны были свозить зерно и другие продовольственные продукты. Таким образом, военная мобилизация, как этого добивался Дантон, сопровождалась мобилизацией экономической.

«Свобода стала кредитором всех граждан,—сказал Барер,—одни ей должны свою промышленность, другие—свое богатство, третьи—свои советы, четвертые—руки, но все ей должны отдать кровь, которая течет в их жилах».

Республика, по выражению того же Барера, превратилась в огромный осажденный город, стала колоссальным лагерем.

По расчетам, первая мобилизация должна была дать от 400 до 500 тысяч человек. Но эта цифра оказалась далеко превзойденной.

Мобилизация повсюду проходила в полном порядке, даже в тех округах, где призыв 300.000 человек раньше вызвал волнение. Отмена выборов, жеребьевки, заместительства и всяких других льгот была встречена населением очень хорошо. Кроме того, закон о подозрительных являлся мощным оружием против уклонявшихся.

«Эта колоссальная мобилизация,—сказал потом Барер 19 декабря 1793 г.,—прошла при пении гимна свободы, и недостаток оружия нисколько не отозвался на боевом настроении».

Декретом от 27 сентября 1793 г. набранные по мобилизации были размещены по местным гарнизонам. Два месяца спустя, после того как молодые рекруты закончили свое военное обучение, большинство батальонов было распущено, и солдаты были размещены по полкам действующей армии.

Французская армия насчитывала тогда около миллиона солдат.

Эпоха неудач была изжита окончательно. Началась полоса побед, которая длилась долго,—длилась до тех пор, пока армия и народ оставались верными демократическим идеалам.

XI

ОСВОБОЖДЕННЫЕ И «ОКОПАВШИЕСЯ»

Хотя удачное слово «окопавшийся» возникло недавно, но стремление, которое оно обозначает, наметилось не со вчерашнего дня. Стремление «окопаться» существовало во все времена и у всех народов.

Во время революции окопавшийся был презрительно прозван «щеголем» или «мюскаденом». Это были богатые молодые люди, душившиеся мускусом,—откуда и слово «мюскаден»,—и находившие возможность, благодаря своим связям, деньгам и ловкости, оставаться в тылу. Предлогов для этого в те времена было достаточно.

Так как женитьба служила тогда достаточным поводом для оставления солдата в тылу, то можно было наблюдать, как во время мобилизации количество браков росло с поразительной быстротой. В департаменте Марны количество таких скороспелых браков было так велико, что власти вынуждены были вынести постановление, в силу которого граждане, заключившие браки после опубликования закона о мобилизации, не могли пользоваться существующими льготами.

Кроме брака, удобным предлогом для уклонения от службы было отправление общественных должностей, которое можно было толковать очень эластично. Многие «щеголи» старались получить место в каком-нибудь общественном учреждении в округе, департаменте.

министерстве и т. д. Многократно во время первой мобилизации 300.000 человек молодые крестьяне объявляли о своем нежелании тянуть жребий, если чиновники не будут делать того же.

К общественным должностным лицам были вначале приравнены также и служителя культа. Нет ничего удивительного в том, что существовавшие тогда еще конгрегации и духовные школы воспользовались этим обстоятельством и стали заполнять духовные семинарии многочисленными студентами. Но в 1792 году, во время первой интервенции, привилегии духовенства стали отменяться. Когда в конце июля была объявлена мобилизация национальной гвардии в пограничных департаментах, то набор коснулся также и священников.

Декрет от 24 февраля 1793 г. о мобилизации 300.000 человек перечислял категории чиновников, не подлежащих набору, но ничего не говорил о священниках. Это опущение, без всякого сомнения сделанное не по забывчивости, было использовано аристократами, которые поспешили при назначении солдат на фронт выпроводить ненавистных им священников-республиканцев.

В тех местах, где аристократы могли собрать большинство, им это удавалось. Выше мы видели уже, что члены Конвента при объезде округов отменяли такие выборы, как незаконные. Но почти повсюду, где происходила жеребьевка, священники принимали в ней участие. Так, например, департамент Марны 8 марта 1793 г. постановил, что призыву подлежат все священники.

В некоторых местах верующая часть населения просила центральную власть об освобождении нужных им священников от призыва Так, несмотря на указанное выше постановление департамента Марны, жители Витри-ле-Франсуа постановили единогласно, что «из уважения к католической религии и ее служителям» они освобождают своих священников от личной явки

к призыву. Граждане-священники города Витри «засвидетельствовали свою чувствительность к выраженным им симпатиям», собрав между собой 2.100 ливров и распределив их среди мобилизованных.

Даже Конвент, по предложению Приера, депутата департамента Марны, постановил в заседаниях 15 и 23 марта 1793 г. предоставить приходским священникам льготу и дать им таким образом возможность отправлять в своих приходах службы.

Декрет о всеобщей мобилизации, запрещавший заместительство, очень неясно и неточно формулировал вопрос об освобождении от призыва. Он гласил: «Общественные работники остаются на своих местах». В департаменте Марны и в некоторых других департаментах местные власти, благодаря этой неопределенной формуле, освобождали от призыва священников и школьных учителей,—две категории, связанные в те времена общностью интересов. Но когда началась борьба с церковью, когда церкви стали закрываться, тогда священники, лишенные должностей, вынуждены были отправиться в армию. Та же судьба постигла и школьных учителей.

Любопытное постановление по этому поводу было принято департаментом Марны: «Директория, принимая во внимание, что администрация по непростительной слабости и несознательной привязанности к старым предрассудкам, существующим еще в области воспитания (предрассудкам, которые должны быть изжиты), освободила от мобилизации учителей; что эти учителя, в большинстве своем пропитанные принципами, вредными для революции, будут более полезны республике, служа ей на границах, нежели в тылу, где они будут прививать юношеству принципы, противоречащие разуму и царству равенства и свободы,—выслушав доклад генерального прокурора, постановляет:

1. Несмотря на принятое уже генеральным советом департамента постановление, учителя сельских школ и другие, которые по возрасту своему подпадают под

мобилизацию, обязаны по первому призыву отправиться на границы—в места, которые им будут назначены, для борьбы с рабами тиранов и с врагами республики.

2. Бывшие католические священники, оставшиеся без мест и достигшие 25-летнего возраста, должны также отправиться в армию и вместе с храбрыми защитниками родины сражаться за свободу со всеми ее врагами».

Жозеф Лебон писал Комитету Общественного Спасения 19 фримера—9 декабря—1793 г. «Множество голей» устремилось к бывшему священническому званию, чтобы уклоняться от мобилизации. Я послал их на фронт приказом от 29 брюмера».

Конституционные священники тысячами стали вступать в армию. Почти все стали офицерами или военными комиссарами. Многие из них, как об этом свидетельствуют архивы, достигли самых высоких ступеней в военной карьере.

Но не все, конечно, молодые священники поспешили вступить в ряды действующей армии. Многие из них последовали примеру «щеголей» и «окопались» во всевозможных тыловых учреждениях и особенно в интендантстве. Количество «окопавшихся» в этом последнем учреждении сынков богатых и «благоразумно настроенных» папаш было весьма значительно. Клубы не переставали указывать властям на это злоупотребление. Об этом можно судить по письму, которое якобинцы города Шалона-на-Марне адресовали Конвенту 9 сентября 1793 г. «Граждане-представители! 23 августа сего года вы постановили, что все молодые люди отправятся первыми в бой, и нужно надеяться, что в скором времени значительная масса людей будет выставлена против неприятеля. Но есть люди, уклонившиеся от закона. Количество этих людей очень велико. Это—работающие в интендантстве, в военных канцеляриях и в тылу. Большинство этих молодых граждан—богатые, и они отличаются возмутительным

антиреспубликанизмом. Многие из них устроились в этих учреждениях, благодаря попустительству администрации и аристократам. Пребывая вдали от опасности, они находят весьма удобным для себя безнаказанно увеличивать свои богатства за счет республики.

Законодатели, скажите свое слово об этих людях. Отправьте в бой свыше 20.000 человек, бесчестящих себя. Пусть эти здоровые люди, под командой *начальников-санкюлотов*, участвуют в борьбе с кровожадными рабами тиранов за освобождение республики. Пусть эти молодые бойцы, призванные к исполнению долга, будут замещены на своих постах отцами семейств, патриотизм которых не подлежит сомнению. Но пусть выбор этих чиновников не зависит от удостоверений о преданности республике, выдаваемых учреждениями, в большинстве которых укрылись аристократы. Выбор этот должен делаться народными обществами. Тогда добро республики не будет больше расхищаться,—тогда оно перестанет быть добычей контр-революционеров, которым почти повсюду доверена в настоящее время охрана складов французской армии».

Подобные письма получались Конвентом в большом количестве. В Корбеле в день мобилизации никто не явился на сборный пункт. «Все молодые люди, богатые и бедные, оказались на службе в интендантстве». В Конвенте, 13 сентября, по этому поводу разгорелись страстные прения. Парижская секция «Арси» в этот день представляла Конвенту отряд, который она отправляла на фронт. Бывший монах Шабо, ныне член Горы, поднялся на трибуну: «Я не видел,—сказал он,—«щеголей» в продефилировавшем перед вами отряде. Они прячутся, чтобы потом, после ухода санкюлотов на фронт, нанести нам тяжелый удар. Я предлагаю: 1) конфисковать имущество окопавшихся в тылу и передать его уходящим на фронт, 2) изгнать этих окопавшихся из пределов республики и 3) сослать тех молодых людей, которые подлежат мобилизации и будут обнаружены в тылу после назначенного им дня

отправления на фронт». Депутат Леонард Бурдон предложил ограничиться одним лишь арестом. Депутат Сержан рассказал историю «щеголей» из Корбеля: «Эти господа разгуливают в Версали и в Мо. *Чтобы избежать мобилизации, многие из них поспешили устроиться в мобилизационных отделах.* Я предлагаю отправить на фронт тех молодых людей, которые не были зачислены в интендантство за три месяца до декрета». Предложение это было принято, но прения по этому вопросу тем не менее не были прекращены. Депутат Лекуант-Пераво выступил с критикой деятельности военных канцелярий и учреждений, персонал которых почти сплошь состоял из дворян и детей эмигрантов. Депутат Ле-Турнер поддержал его: «Я только что вернулся из Северной армии и могу подтвердить, что все эти господчики, которые вышли из батальонов в декабре, боясь мобилизации, окопались в интендантстве. Это—все аристократы, дворяне, эмигранты, слуги эмигрантов и вообще люди, не стоящие даже того, чтобы черти их унесли. У всех их имеется по 5—6, а то и по 10—12 лошадей». Депутат Буссон прибавил пикантную деталь: «Эти господа тащат за собой также и женщин. Нужно заменить этих господчиков—эту чуму—настоящими патриотами».

Конвент счел необходимым положить конец злоупотреблениям и 20 декабря, по предложению Барера, принял следующее постановление: «Запрещается принимать в кавалерию, пехоту, в обоз, в интендантство и в другие военные учреждения молодых людей первой и второй мобилизации. Наборы этих граждан, произведенные после декрета 23 августа, считаются недействительными». Раздражение против «окопавшихся» было так велико, что 16 сентября Комитет Общественного Спасения решил распространить декрет о всеобщей мобилизации и на молодых почтовых чиновников, до того освобожденных от военных обязанностей. На их места назначены были люди, обремененные семьями, и граждане, не подлежавшие призыву.

Но декреты не устранили всех трудностей. 17 сентября депутаты Роберт Линде и Удо, находившиеся в командировке в департаменте Кальвадос, указали Комитету Общественного Спасения на другие затруднения: как поступить в случае, когда земледелец, имеющий несколько сыновей, просит об оставлении некоторых из них для полевых работ? Можно ли лишать вдов и больных родителей кормильцев?

Ответ Комитета был следующий: «Не подлежит сомнению, что происходящее народное движение задевает частные интересы, но во имя общественного блага все должны итти на жертвы». Комиссарам даны были неограниченные права. На их обязанности лежало разрешить в каждом отдельном случае трудные вопросы. В департаменте Гард комиссары Пультье и Ровер объявили о мерах, которые ими будут приняты против уклоняющихся: «Уклоняющиеся будут заключены в тюрьму, и если через четыре дня после их ареста они не заявят о своем желании отправиться в действующую армию, то их имена будут внесены в списки эмигрантов и с ними будет поступлено, как с таковыми».

Вопрос о продовольствии был одним из самых острых. Города опасались недостатка хлеба, и с первого же дня встал вопрос об освобождении от мобилизации молодых людей, необходимых для полевых работ. Но как добиться этого и предупредить возможные в этом случае злоупотребления? Декрет о всеобщей мобилизации об этом ничего не говорил. Местные власти и представители Конвента никаких решений не принимали. В департаменте Марны комиссары Эли Лакост и Пейсар решили, что «каждый земледелец имеет право оставлять себе при мобилизации по одному человеку на соху». Совет департамента сделал к этому постановлению благоразумное замечание, что «ни в коем случае это постановление не сможет распространяться на молодых людей, которые до того времени не занимались земледелием».

Но тем не менее и против этого постановления стали раздаваться протесты, так как оно предоставляло большие выгоды богатым земледельцам, обладавшим большим количеством плугов. В некоторых коммунах мобилизуемые молодые люди негодовали: «*Никаких исключений,*—кричали они,—*все должны итти*». Они заявляли, что не пойдут на фронт, если эта привилегия не будут уничтожена, и во многих местах добились своего. Но недовольство тем не менее продолжалось, даже в частях. Для предупреждения возможных беспорядков и дезертирства новые комиссары, посланные Конвентом, Масье и Бо, прибегли к радикальной мере. Они аннулировали набор, распустили сформированные уже батальоны и произвели новый призыв, в который вошли и освобожденные.

Комитет Общественного Спасения был бессилен найти разрешение неразрешимой задачи. Зимой 1793—94 года, ко времени посева, крестьяне начали жаловаться на невозможность в виду недостатка рабочих рук обрабатывать землю. Комитет хотел примирить их справедливые требования с нуждами обороны страны, и постановлением 25 января 1794 г. он разрешил гражданам первого призыва, «которые необходимы будут для земледельческих работ», представить властям своего округа ходатайства об отпуске.

Ходатайства эти окружные власти должны были передавать народным представителям, которые и выносили соответствующие решения. «Это же право ходатайства,—говорилось далее в постановлении,—будет предоставлено обозным служащим и лицам, профессия коих является необходимой для земледелия».

Результаты этого постановления не заставили себя ждать. Все мобилизованные «щеголи» неожиданно открыли в себе призвание земледельцев. Молодой принц Роган-Рошфор, племянник кардинала Рогана, превратился в земледельца Жана Гетнока. К несчастью для него, полиция в один прекрасный день накрыла его переодетым крестьянином у торговца картинами Гури

де Шангран, бывшего полковника королевских драгун, за дочерью которого он ухаживал.

Уже 26 плювиоза—16 февраля—1794 г. Комитет Общественного Спасения в письме к Гарнье де Сентеру указывал, что декрет от 18 числа первого месяца сводил срок отпуска для полевых работ не больше, чем к трем неделям. Он прибавлял, что этот декрет относился только к октябрю и ноябрю месяцам и что применять его в феврале и в марте «означает дезорганизовать армию накануне кампании». Он обращает на этот важный вопрос все внимание своего представителя.

Якобинские депутаты Конвента взволновались. Один из них, Жиле, обратился в Комитет Общественного Спасения с длинным, полным укоризны письмом. «Если,—писал он,—хотят предоставить отпуски всем добровольцам первого призыва, которые хотят поехать домой для посевных работ, то придется отпускать из каждых 700 человек, по меньшей мере, 600. И все эти ходатайства об отпуске сопровождаются свидетельствами, выданными административными органами». Жиле заявлял, что отказал во всех ходатайствах и отказывать будет и впредь. Комитет Общественного Спасения понял свою ошибку. Он отменил постановление об отпусках и предложил армейским комиссарам отменить разрешенные уже отпуски и прекратить дальнейшую выдачу их.

Освобождены были от несения военной службы только рабочие, непосредственно занятые в производстве военных материалов, как-то: литейщики, слесаря, сапожники, типографы и др.

3 флореаля Конвент обсуждал вопрос о «щеголях», которые разными способами уклоняются от военной службы. Бреар доложил об уловке, обнаруженной им во время командировки. «Щеголи» заявляли о желании служить во флоте. «Но когда их направляли в порт, то они своим поведением заставляли выгонять себя или находили себе убежище в военных госпиталях. Я требую, чтобы Военный Комитет представил дополнительное распоряжение относительно этих дурных граждан».

Лежандр разоблачил другую хитрость: «Существует много граждан из первого набора, которые пожелали служить в кавалерии, но по прибытии в эскадроны оказались слишком низкорослыми или слишком слабыми для службы там. Мне кажется, что все они должны вернуться к своему первоначальному месту службы».

В результате дебатов был принят следующий декрет, предложенный Кутоном и поддерживавшийся Бреаром:

«1. Всякий гражданин в возрасте, подлежащем мобилизации, который явится для зачисления в кавалерию или во флот и будет затем признан негодным к этой службе или будет по какой бы то ни было причине отослан оттуда, подлежит мобилизации в пехоту и должен немедленно явиться к назначенному ему месту, если только он не будет одновременно признан вообще негодным для военной службы.

2. Всякий военнослужащий, оставивший согласно закону от 3 брюмера службу в пехоте для зачисления в кавалерию и отчисленный оттуда по непригодности к службе в кавалерии, обязан немедленно явиться в свою прежнюю часть, если он не признан вообще негодным к военной службе.

3. Конвент поручает Комитетам Военному, Морскому и Надзора в кратчайший срок сделать ему представление о способах разоблачения и ареста всех тех лиц из числа бывших аристократов, которые, с целью укрытия от мобилизации молодых людей в возрасте от 18 до 21 года, позже издания декрета получат назначения во флот, в обоз и во всякого рода административные учреждения военные и гражданские».

Пока у власти был Робеспьер и его друзья, этот декрет выполнялся, но после термидора сыновья буржуазии начали массами покидать армию и устраиваться во всевозможных канцеляриях.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ

I

СЛИЯНИЕ ЛИНЕЙНЫХ ВОЙСК С ДОБРОВОЛЬЧЕСКИМИ БАТАЛЬОНАМИ

Линейные полки и батальоны добровольцев составляли две различные армии. Каждая из них имела свою организацию и даже свою форму. Добровольцы, как солдаты временные, поступали на службу только на время войны, но тем не менее получали повышенный оклад. Им предоставлено было право избирать своих командиров. Солдаты же линейных полков, связанные долгосрочным контрактом, подверженные строгой дисциплине, находившиеся под командой назначенных начальников, смотрели на добровольцев с презрительной снисходительностью, которая не исключала зависти. «Белоштанники» и «синештанники» плохо уживались вместе, и между ними происходили частые стычки.

«В день Нового года,—рассказывает доброволец Ноэль,—пикардские гренадеры сказали, что пойдут поздравлять с Новым годом пятнадцатисольных солдат. Слово за слово—и дело дошло до стычки, перешедшей в побоище. Наши гренадеры, по адресу которых было направлено это оскорбление, подрались с пикардскими гренадерами, из которых шестнадцать человек было ранено, и четверо умерли уже от этих ран. Из добровольцев никто не пострадал. Это жестокое побоище кончилось примирением, но отношения остаются по-прежнему холодными, и обе стороны продолжают

смотреть друг на друга недружелюбно» (письмо от 14 января 1792 г.).

Старорежимные генералы, питавшие доверие только к линейным войскам, требовали пополнения своих частей регулярными батальонами в возможно большем числе. В результате этого целые полки оказались разбросанными по разным местам: «Такой-то полк имеет свой первый батальон в армии Миранда, второй батальон—в армии Кюстина, гренадеров своих в армии Дюмурье». Такого рода положение дел естественно приводило к анархии в отчетности и администрировании. В линейных полках ежедневно наблюдались случаи дезертирства с целью поступления в батальоны добровольцев. С другой стороны, бывали очень часты случаи, когда капитаны и даже полковники, командовавшие батальонами добровольцев, ходатайствовали перед военным министром о переводе их в линейные полки на положение подпоручиков. Царили хаос и неразбериха.

С этим положением нужно было покончить. Необходимо было уничтожить двойственность армии, объединить ее в одно целое и дать ей общий статут. Но как произвести эту операцию? Военный министр Людовика XVI, Нарбонн, накануне объявления войны предлагал включить добровольцев в линейные полки, но это предложение не было принято, так как большинство революционеров опасалось, что слияние линейных войск с батальонами добровольцев окажет вредное влияние на революционный дух последних. Основательность этих опасений впоследствии полностью оправдалась. Когда Лафайет, а за ним генерал Дюмурье попытались повести армию на Париж, они нашли поддержку только в линейных полках. Добровольцы же оставались верными революции.

Когда Дюмурье во главе гусаров готовился сдаться принцу Конде, в надежде увлечь за собой и другие полки, 3-й батальон добровольцев департамента Ионны, под командой Даву, преградил ему дорогу и

заставил повернуть назад. Что было бы, если бы добровольцы, включенные, как этого добивался Нарбонн, в линейные полки, потеряли свою индивидуальность? Весьма возможно, и даже весьма вероятно, что планы честолюбивых генералов были бы осуществлены.

Но если нельзя было думать о придании армии однородной структуры посредством включения добровольцев в линейные полки, то возможна была обратная операция. Линейная армия должна быть национализована, ассимилирована и слита с добровольцами. Депутат Дюбуа-Крансэ в докладе, сделанном Конвенту 7 февраля 1793 г., подробно излагал план этой операции. Его предложение, однако, встретило резкие возражения со стороны генералов и жирондистов. Доводы последних сводились к тому, что предложенная операция нарушит дисциплину и вызовет сильное недовольство среди линейных войск, которые ни за что не согласятся стать под команду офицеров-добровольцев. Они поэтому предлагали оставить армию в прежнем положении. «Соперничество в славе» между различными частями вызовет прилив храбрости, который принесет большую пользу республике. Дюбуа-Крансэ, энергично поддержанный Сен-Жюстом, благодаря своему упорству и ловкости добился своего. Конвент одобрил его предложение.

В мотивировке своего постановления Конвент подчеркивал, что принятое решение не направлено против линейных войск, а имеет целью лишь уравнить последних в правах с добровольцами. «Можно сказать, что все солдаты—хорошие, лояльные французы. Следовательно, все они должны пользоваться всеми принадлежащими им правами. Наступило время вырвать с корнем все остатки старого режима. Между защитниками родины не должно существовать никаких различий, кроме тех, которых требует общее благо. Первым актом признательности, достойной представителей народа, достойной наших храбрых линейных войск, должно быть признание их национальными

добровольцами; они должны быть соединены со своими братьями по оружию и составлять с ними единую силу против врагов родины».

По проекту, два батальона добровольцев должны были быть соединены с одним линейным батальоном и образовать полубригаду. Добровольцы передадут линейцам свой порыв, свой революционный энтузиазм, линейцы будут приучать добровольцев к дисциплине и будут делиться с ними своими знаниями военного дела. Линейцы смогут, как и добровольцы, избирать своих кандидатов на вакантные командные должности, но в целях охраны их законных прав треть мест будет оставлена для старослужащих. Таким образом, интересы офицеров линейной армии не пострадают от реформы. Им, этим офицерам, нечего будет опасаться, что голоса добровольцев лишат их возможности занимать командные должности, так как выборы будут производиться исключительно по-батальонно». «И, наконец, предоставленная избирателям одного батальона возможность избирать своих кандидатов из других батальонов пойдет на пользу линейцам, так как не подлежит сомнению, что добровольцы остановят свой выбор на наиболее благоразумных, наиболее образованных командирах».

Остроумная избирательная система была направлена к устранению возможных случайностей, некомпетентности и интриг. Избирателями в будущем могли быть только солдаты той части, в которой имеется вакантное место. Кандидатами обязательно должны были быть только офицеры, стоящие одним чином ниже того, который подлежит избранию. Сержанты избирались из среды капралов, подпоручики—из среды унтер-офицеров и т. д. Избирателям предоставлялось, впрочем, только право представления своих кандидатов. Они намечают трех кандидатов на вакантное место, право же окончательного выбора и утверждения в должности одного из этих трех кандидатов принадлежало лицам, находящимся в одном чине с избираемым. Пост

начальника бригады переходит по праву к старшему батальонному командиру. Генералы назначаются исполнительным советом. Номенклатура высших чинов была пересмотрена. Отныне бывшие фельдмаршалы будут называться бригадными генералами; генерал-лейтенанты—дивизионными генералами. Таким образом во Франции не стало больше двух соперничающих друг с другом армий; взамен их была создана единая, воодушевленная одним духом, пользующаяся равными правами, подчиненная одним законам армия.

«Единство республики требует единства армии»,—сказал Сен-Жюст и прибавил: «Революция не делается наполовину».

Слияние оправдало ожидания авторов этой реформы. По условиям военного времени проведение ее в жизнь стало возможным только зимой 1793—94 г. Но уже летом 1793 г. линейным полкам и добровольцам дана была одинаковая форма, одинаковое жалованье и одинаковый устав. Находились, конечно, старые солдаты, ворчливо отнесшиеся к необходимости сбросить пышный белый наряд. Но недружелюбные отношения между «синештанниками» (добровольцами) и «белоштанниками» (линейными солдатами) мало-помалу стали исчезать.

Новое формирование полков, производившееся под наблюдением специально назначенных членов Конвента, не вызвало никакого недовольства и сопротивления. «Проводимая реформа,—писал один из этих комиссаров, Жиле,—даст два хороших результата: лучшую дисциплину и хорошее командование. Трудно представить себе беспорядок, царивший раньше во многих батальонах. Солдаты—тот же народ. Они хороши, но нужно только дать им вождей, достойных и способных вести их к победе».

Все представители Конвента, находившиеся в армии, были единодушны в оценке прекрасного состояния новых полубригад. «Старые солдаты,—писали комиссары Милло и Субрани,—в один голос утверждают, что

они никогда не видели лучших войск, а друзья свободы и равенства никогда не видели более верных республиканцев».

Согласно первоначальному проекту Дюбуа-Крансэ, батальоны добровольцев должны были быть просто включены в линейные батальоны для образования полубригад. Но впоследствии в этот план были внесены некоторые изменения. «Для того, чтобы слияние было более совершенным,—гласит предписание Комитета Общественного Спасения,—каждая рота, как гренадерская, так и стрелковая, должна состоять из 40 добровольцев и 20 линейных солдат, взятых с правого фланга, середины и левого фланга рот, составляющих три батальона».

Перемешанные таким образом добровольцы и линейные солдаты образовали ту изумительную армию, которая победила при Флерюсе, завоевала Голландию, Германию и Италию.

Это была фаланга непобедимых, которой республика гордилась по праву.

II

МАТЕРИАЛЬНОЕ СНАБЖЕНИЕ. ВООРУЖЕНИЕ

«*Пушек, ружей, амуниции*»—этот клич повторялся изо дня в день на всех революционных трибунах с 1789 до 1794 года.

Только что сформированная национальная гвардия требовала ружей. Но военное министерство всячески уклонялось от выполнения этого требования. Оно мотивировало свои отказы тем, что наличные запасы ружей не достаточны для удовлетворения нужд регулярной армии. А между тем к 1789 году на складах имелось 700.000 ружей, и все эти ружья были в хорошем состоянии. Нужны были многократно повторявшиеся декреты Учредительного Собрания, чтобы мало-по-малу частично вооружить национальную гвардию в пограничных департаментах.

Три королевских оружейных завода—в Мобеже, Шарлевиле и Сент-Этьене, работавшие на сухопутную армию, могли бы легко, не увеличивая рабочих кадров, вырабатывать до 40.000 ружей в год, но министры Людовика XVI, не переставая уверять Учредительное Собрание в своей преданности новому строю, всячески саботировали работу этих заводов. Так, 12 июня 1790 г. министр Лагур-дю-Пен послал директору одного из этих заводов тайный циркуляр с предписанием сдать только половину незадолго до того поступившего заказа на 10.000 ружей.

Все три завода выработали вместе в 1791 г. всего лишь 7.888 ружей. И это в то время, когда опасность войны с каждым днем становилась все более угрожающей и когда Учредительное Собрание декретировало мобилизацию первых добровольческих батальонов. Министры Дюпортай и Нарбонн, чтобы показать, что они не бездействуют и чтобы отвести от себя справедливые нарекания революционеров, заключили контракты на поставку большого количества ружей за границей, в Льеже и Бирмингаме. Английские фабриканты, получившие заказы на 300.000 ружей, обязались доставлять по 15.000 штук в месяц. Война к этому времени уже началась, а ни один заказ еще не был выполнен. У революционеров возникли серьезные и справедливые опасения, как бы Англия, поведение которой было весьма сомнительно, не запретила вывоз заказанного оружия.

Когда пост военного министра занял, наконец, якобинец Серван, явилась надежда, что производство оружия пойдет усиленным темпом. Но и эти надежды не оправдались. Серван унаследовал от своих предшественников канцелярии, в которых работали скрытые контр-революционеры или косные чиновники, продолжавшие прежний саботаж. Депутат Лекуантр в открытом письме к Сервану разоблачил начальника артиллерийского ведомства Вошеля, систематически обманывавшего и министра и Учредительное Собрание.

«Что же это такое?—писал Лекуангр,—неужели гражданин, вступающий в министерство, становится рабом окружающих его людей и игрушкой в их руках? Неужели глаза его закрываются, и голова перестает работать? Возможно ли, что вместо того, чтобы отыскивать причины указываемых ему злоупотреблений, он довольствовался пустыми речами, смешными извинениями и бесстыдной ложью своих подчиненных». Лекуантр указывал, что артиллерийские офицеры, назначенные для приемки оружия, сознательно чинили препятствия и создавали затруднения, чтобы помешать этой приемке.

Многие из этих офицеров вскоре эмигрировали. По словам Лекуантра, революционеры были уверены, что «у контр-революционеров существовал заранее выработанный план выдать нас неприятелю без денег, без оружия и без хлеба».

К счастью, в это время наполеоновская централизация еще не убила духа инициативы в стране. Под влиянием и под руководством клубов местные административные органы вооружили национальную гвардию своими средствами. Они реквизировали оружейные магазины, конфисковали оружие в дворянских поместьях, оставленных эмигрировавшими хозяевами, заказывали оружие на заводах, находившихся в подведомственных им округах. Марсель конфисковал 6.000 ружей, находившихся в городских фортах. 20 декабря 1791 г. городской муниципалитет постановил купить 6.000 сабель и 6.000 ружей. Покупка эта была сделана в следующем году в Голландии и Англии. Сельские муниципалитеты, не имевшие средств для покупки огнестрельного оружия, фабриковали пики в деревенских кузницах.

Если принять во внимание, что до революции право ношения оружия было исключительной привилегией дворян, то станет понятным рвение и усердие, с которым национальные гвардейцы взялись за приобретение ружей и пушек. Они этим не только удовлетворяли

свое самолюбие, но и ограждали себя от всякой возможности насильственного возвращения старого режима. Те, которые не получали оружия, угрожали уходом из рядов армии. «Иметь солдат без оружия,—писали они,—нам кажется совершенно бесполезным. Дайте нам ружья, и мы останемся». Почти повсюду ощущался недостаток в ружьях, которые хранились в коммунальных домах и выдавались по-очереди ротам для учебных занятий.

Когда сформированы были батальоны добровольцев, министры выразили было намерение забрать оружие у национальных гвардейцев в провинции и вооружить этим оружием призванных добровольцев. Но это мероприятие вызвало такое сопротивление, что его удалось провести только частично. Добровольцы, в ожидании лучшего, отправлялись к границам без всякого оружия. Они энергично протестовали, кричали, что аристократы ведут их на убой. Бывали случаи дезертирства и открытых волнений. Один из военных писателей того времени сказал, что если в начале войны добровольцы поддавались панике, то виной этому был недостаток вооружения. «Бездеятельность министров с 1789 до 1792 года,—прибавил он,—имела неисчислимые последствия в истории войны революции. Вред, нанесенный медлительностью в фабрикации оружия, впоследствии не мог уже быть исправлен. Не приписывая наших неудач 1793 года целиком недостаткам снабжения, можно утверждать все же, что эти недостатки были одной из важнейших их причин».

Только в момент острого кризиса, летом 1792 года, когда Законодательное Собрание провозгласило отечество в опасности и облекло себя диктаторскими полномочиями, были приняты энергичные меры к пополнению запасов недостающего оружия. 16 июня был опубликован декрет, запрещавший вывоз оружия из страны; вслед за этим был издан приказ о составлении точной описи оружия, находившегося в домах эмигрантов. 14 июня депутат Вернио предложил снять

бронзовые статуи всех тиранов и переплавить их на пушки; 1 августа, по предложению Карно, решено было, что во всех коммунах приступлено будет за счет государства к производству пик, которые будут распределены среди всех патриотов, независимо от того, активные ли они граждане или нет. В это же время был создан ружейный завод в Мулене и организованы были специальные бригады оружейных мастеров, которые переезжали из города в город и занимались починкой ружей. 9 сентября 1793 г., по предложению депутата Франсе из Нанта, был издан декрет о скупке находившихся в портах ружей, которые купцы посылали обыкновенно в Африку неграм в обмен на черное дерево, хотя ружья эти были весьма скверного качества. Другой декрет обязывал пограничников сдать свое оружие в распоряжение военных властей.

Это были, конечно, полумеры, но они дали возможность кое-как вооружить наспех собранную армию ружьями всех калибров и всех моделей. Но когда в августе 1793 г. была объявлена всеобщая мобилизация, нужно было найти что-нибудь другое, более действительное. Обычных мер недостаточно было, чтобы в короткий срок добыть необходимые 500.000 ружей. За дело взялся Комитет Общественного Спасения.

Декрет 23 августа 1793 г. о всеобщей мобилизации предписывал Комитету Общественного Спасения «принять все необходимые меры к немедленной организации интенсивного производства оружия всех родов, соответствующего порыву и энергии французского народа».

Задача была тяжелая, почти сверхчеловеческая. Не было необходимого сырья—железа и стали. Все это обычно покупалось в Англии и Германии, теперь же война закрыла границы. Нужно было все создавать заново: заводы, рабочих, машины. Кроме всех несчастий, этот год ознаменовался давно невиданной засухой, обезводившей все источники, приводившие в движение водяные двигатели на заводах. Нужно было 500.000 ружей для мобилизованных, 6.000 железных

пушек для флота, еще большее количество бронзовых пушек для армейской артиллерии, лафеты и снаряды. И все это нужно было получить в кратчайший срок. Карно, Роберт Линде и Приер взяли на себя выполнение этой тяжелой задачи.

Первым шагом их был призыв к научным силам страны. Выдающиеся химики того времени,—Монж, Бертолле, Вандермонд, Газенфратц,—немедленно и с энтузиазмом откликнулись на этот призыв и в течение нескольких дней составили небольшое практическое руководство по производству разных сортов стали, предназначенное для мастеров. В Париже, Амбуазе и в Сунне были немедленно созданы сталелитейные заводы. В департаментах Верхней Соны, Верхней Марны, Дуба, Алье и Ньевр были реквизированы все кузницы. Наблюдение за работами было поручено специальным агентам. Под покровом большой тайны в Медоне было отведено большое поле для опытов, строго охранявшееся от посторонних любопытствующих взоров ротой инвалидов. На этом поле испытывались новые изобретения, новые сорта пороха, взрывающиеся гранаты, воздушный телеграф Шаппа, аэростаты и тому подобное.

Существовавшие раньше пушечные заводы употребляли устаревшие, неудобные методы отливки, отнимавшие много времени. Монж заменил эти методы более совершенными. Эти новые методы требовали новых машин, которые тоже были быстро созданы, благодаря его энергии и настойчивости. Бронза колоколов пошла на отливку пушек.

Представители Конвента на местах получили широкие полномочия для закупки необходимых материалов и для организации кузниц, мастерских, литейных, и работа закипела.

Самые крупные заводы Комитет Общественного Спасения решил устроить в Париже, под непосредственным своим наблюдением. «Через несколько дней,—объявил Барер в своей речи 23 августа,—Париж

будет иметь в своих стенах огроный оружейный завод. Хранитель всех искусств, этот город обладает огромными ресурсами, которые будут использованы Комитетом Общественного Спасения, призвавшим на помощь верных, способных и деятельных патриотов. Старорежимный Париж продавал дурацкие предметы моды, многочисленные безделушки, яркие тряпки и мебель для всей Франции и части Европы; республиканский Париж, продолжая оставаться центром изящных искусств, станет также арсеналом Франции».

Это были не пустые слова. 258 кузниц под открытым небом ковали железо: 140—на площади Инвалидов, 54—в Люксембургском саду и 64—на площади Согласия. Из кузниц орудия переходили в другие мастерские, где их окончательно отделывали. Были приняты все меры к тому, чтобы добиться производства 1.000 ружей в день.

Национализованные монастыри были превращены в оружейные заводы. Оружейники из Мобежа устроились в Шартрезском монастыре, «и это помещение,—говорит Карно,—в котором раньше царствовали тишина, безделие, тоска и печаль, наполнилось стуком молотков и представляло яркую картину полезной активности».

В доме эмигранта Мопу был устроен склад железа и стали; дом другого эмигранта, Эскриньяка, отошел под склад машин; в подвалах Сен-Жерменского аббатства был устроен склад древесного угля. Нужно было с возможно большей быстротой устраивать мастерские и склады. С этой целью Комитет Общественного Спасения пригласил всех архитекторов, числившихся в списках якобинцев, избирателей 1792 года и членов Коммуны 10 августа, и распределил среди них территорию Парижа по секторам. Делегатам от рабочих поручено было столковаться с инженерами и архитекторами для лучшего использования помещений, отведенных под мастерские.

Все рабочие-металлисты были переписаны, зарегистрированы, мобилизованы и вызваны в Париж или

другие города. Тонкие и сложные части ружей и пушек поручены были часовщикам. Восемь парижских рабочих, взятых из числа самых опытных, были отправлены на завод в Шарлевиль для обучения и усовершенствования. По окончании этого стажа они вернулись в Париж и приступили к обучению других рабочих.

Поденная плата комбинировалась со сдельной, размеры которой определялись арбитражными комиссиями, выбранными, с одной стороны, рабочими, а с другой—выборными властями Парижа. «Организация мастерских,—сказал Карно,—благоприятствует равенству, освобождая рабочих, у которых не было собственных мастерских или которым не повезло, от власти тех, кого они раньше называли хозяевами, здесь они работают за свой счет; здесь они у себя и сами стали хозяевами».

Понадобилось только два месяца, чтобы организовать и пустить в ход мастерские, заводы и склады, несмотря на все препятствия. Карно говорит, что контр-революционеры в красных колпаках пытались проникнуть в среду мобилизованных рабочих и что некоторые из них были даже арестованы. Были сделаны также попытки вызвать среди рабочих забастовки, «пробуждая в них чувство жадности, подавляющее республиканские чувства», но все эти маневры были своевременно раскрыты и предупреждены.

3 ноября 1793 г. депутация от парижского оружейного завода представила Конвенту первые ружья, сделанные на этом заводе. Депутация обещала через короткое время довести производство до 1.000 ружей в день. «Пусть дрожат объединившиеся короли,—воскликнул оратор депутации.—Если одни только парижане в состоянии вырабатывать больше ружей, нежели все тираны, идущие против республики, какая же их постигнет судьба, когда вся республика превратит все свои мастерские в оружейные заводы?».

Парижский завод вскоре довел свое производство до 700 ружей в день. Три других завода выделывали

по 16.000 ружей в месяц. Производство было более чем удвоено.

Центральная администрация, ведавшая производством оружия, пороха и селитры, распространила свою деятельность на все заводы и фабрики республики. В свою очередь, были мобилизованы и рабочие на угольных шахтах. Выделка штыков была поручена местным коммунальным агентам. Декрет Комитета Общественного Спасения, опубликованный по этому поводу, начинался следующими словами: «Принимая во внимание, что излюбленным оружием французов является штык, что при виде его тираны дрожат и рабы их разбегаются... что во многих местах республики выделываются пики и что повсюду, где фабрикуются пики, можно также фабриковать и штыки»... (Декрет 13 вентоза II года—3 марта 1794 года.)

Когда началась весенняя кампания, армия была уже одета, экипирована и вооружена. Упорная и энергичная деятельность Комитета Общественного Спасения при поддержке и помощи клубов совершила это чудо.

III

МАТЕРИАЛЬНОЕ СНАБЖЕНИЕ. БОЕВЫЕ ПРИПАСЫ

«Теперь,—сказал в своей речи (4 декабря 1793 г.) депутат Приер,—когда свобода дала в руки своим храбрым защитникам молнию, чтобы поражать тиранов, она должна им также дать необходимые для управления этой молнией материалы». Ежегодное производство пороха и селитры составляло три миллиона фунтов. Для удовлетворения же нужд новой, только что созданной армии нужно было 20 миллионов фунтов. Генералы оправдывали свои поражения недостатком боевых припасов. Генерал Гош писал военному министру Бушоту (1 декабря 1793 г.), что недостаток боеприпасов вынудил его отступить от Кайзерлаутерна; несколько

дней спустя он повторил, что лишен будет возможности наступать до тех пор, пока не получит достаточного запаса их.

В состав пороха селитра входила в количестве 75% (к ней прибавляли 12,5% серы и 12,5% древесного угля). Большая часть селитры в то время получалась из Индии. О дальнейшем получении ее оттуда нечего было и мечтать. Комитет Общественного Спасения снова обратился к ученым. Монж ответил: «Доставьте нам землю, содержащую селитру, и через три дня мы зарядим пушки». Ответ этот вызвал скептические улыбки бюрократов из порохового ведомства. Но Комитет Общественного Спасения исполнил просьбу ученого. Была отпечатана и распространена в огромном количестве экземпляров брошюра с изложением способов добывания селитры. По предписанию Комитета эта брошюра читалась во всех коммунах с трибуны, поставленной под Деревом свободы. В брошюре указывалось, как распознавать селитренную землю и как получать селитру посредством холодной промывки. Трех баков, снабженных кранами, достаточно было для устройства мастерской. Каждой коммуне предписано было организовать такую общественную мастерскую для добывания селитры. Все граждане приглашались собирать в своих домах, погребах, амбарах, сараях и конюшнях и т. д. драгоценную соль, «сольмстительницу». За каждый фунт доставленной селитры уплачивалось 24 су.

Комитет Общественного Спасения расклеил на стенах горячий призыв к гражданам: «Американцы, дабы победоносно закончить войну, сделавшую их свободными гражданами, обязали каждого своего гражданина-собственника, под страхом смерти, доставить шесть фунтов селитры. Не забывайте, что времени у нас немного, что через два месяца нам нужен порох».

С особым призывом Комитет обратился к якобинцам, на которых он возлагал особые надежды: «Пусть все друзья свободы и равенства станут на некоторое

время селитренниками, пусть они поспешат с промывкой земли своих погребов; пусть республика покроется сетью мастерских по добыванию селитры, так же, как она покрыта фабриками по производству оружия; пусть из гущи народной, как из настоящего очага революции, хлынет вулканическая лава и затопит всех наших врагов».

Якобинцы с энтузиазмом приступили к работе. Доставка селитры стала священным долгом всякого республиканца. Сбор селитры принимал характер народного праздника. Одна за другой проходили перед трибуной Конвента парижские секции, неся котлы, наполненные селитрой. Гремела музыка, со всех сторон доносилось пение специально сложенной в честь селитры песни:

Дрожите, тираны. Вот порох,
Который, проникнув в ваши дворцы,
Скоро превратит в руины эти стены—свидетели пыток.
Дрожите, бледнейте, ни ваши скипетры, ни ваши короны
Не защитят вас от наших ударов.
И у самых высот ваших тронов
Мы настигнем вас, чудовищ.
И ты, кого раньше гнев
Этих недостойных правителей
Вырывал из недр земли
Для истребления людей,
Драгоценная селитра, покажись
Для более справедливого употребления.
Из глубин земли тебя зовет Свобода,
Чтобы поддержать храбрость
Своих республиканских детей.
Иди очистить землю Франции
От ее гнусных врагов.
Пусть их оскорбительное присутствие
Не грязнит больше нашей страны.
Посланец смерти, греми против деспотов,
Освободи нас от этих кровожадных тигров.
Пусть снаряды санкюлотов
Уничтожат их навсегда.

Эти стихи, быть может, не блещут литературными достоинствами, но зато они искренни.

Комитет Общественного Спасения всегда заботился о том, чтобы приобщить к своей деятельности широкие народные массы. Он добивался не только контроля над всеми своими выступлениями со стороны Конвента, но и сотрудничества всех граждан. В доверии народа и в его поддержке,—поддержке открытой и искренней,—он видел залог успеха.

Собранную селитру нужно было очистить и превратить в порох. С этой целью Комитет реквизировал во всей стране медные котлы, служившие для варки пива и сахара. В каждом округе церкви и дома эмигрантов были превращены в мастерские по очистке селитры.

Вся эта грандиозная фабрикация гребовала многочисленного персонала. Такового не было, и его нужно было создать. Инспектора по изготовлению пороха и селитры получили предписание брать с собой для обхода мастерских двух граждан—детей рабочих и лиц интеллигентного труда, умеющих читать, писать и считать. На обязанности инспекторов лежало знакомить этих граждан с естественной историей, физикой, механикой и химией, «что даст им возможность понять и выполнять самим различные процессы, необходимые для распознавания селитренной земли, добывать селитру, очищать ее и делать из нее порох».

В ожидании, пока эти ученики станут самостоятельными работниками и смогут руководить мастерскими, нужно было действовать быстро, употребить самые быстрые методы,—методы революционные.

2 февраля 1794 г. Комитет Общественного Спасения, принимая во внимание, что революционное производство селитры, пороха и пушек на всем пространстве республики требует большого количества специалистов, способных развить наибольшую активность, решил организовать в Париже революционные курсы, которые должны были открыться 19 февраля и длиться 30 дней. Каждый округ должен был выбрать «двух сильных, способных и привычных к труду граждан»,

взятых из среды канониров в возрасте от 25 до 30 лет, и немедленно отправить их в столицу. Париж предоставил им квартиры и выдавал по три ливра в день на жизнь. Лекции о производстве селитры читались им по утрам в зоологическом саду профессорами Гюитон-де-Морво, Фуркруа, Бертолле, Дюфурни и др. Другие лекции о производстве пушек читались после обеда в Зале избирателей, в бывшем епископском доме. Профессорами были: Газенфратц, Монж и Перрье. Лекции дополнялись практическими работами. В основном курсы были предназначены для 800 человек, присланных округами, но на лекции допускалась бесплатно и посторонняя публика. Курсы были открыты с большой торжественностью. Улицы Парижа были украшены связками оружия и «аттрибутами свободы». Конвент был представлен особой делегацией.

В течение всего февраля ученики и их профессора с пением революционных гимнов обходили главные заводы, литейные, кузницы и пороховые заводы. Посетили они также и клуб якобинцев, где состоялся торжественный митинг. Они присутствовали на республиканских банкетах, при церемониях посадки Дерева свободы. Все было сделано для того, чтобы пребывание в Париже было для курсантов и полезно и приятно.

30 марта, в день окончания курсов, ученики и профессора явились в Конвент, чтобы показать результаты своих работ. Их сопровождал городской муниципалитет и делегации от всех парижских секций. Они показали Конвенту очищенную ими селитру, порох, который они сделали, и пушку, которую они смастерили. «Здесь,—рассказывает «Монитор», описывая тот день,— селитра была собрана на львиной шкуре, там она возвышалась пирамидой, повсюду она была украшена национальными цветами, пальмовыми ветвями, лавровыми венками, цветами и гирляндами. Самая селитра в руках республиканцев принимала форму эмблем свободы. Над кортежем реяли знамена, горели факелы. Военная музыка играла революционные гимны. Один

из канониров, встав на только что отлитую пушку, обратился к Конвенту с речью: «Когда мы изготовим достаточное количество пушек и пороха, чтобы раздавить тиранов, будет ли наша задача закончена? Нет! Перед нами будет стоять еще одна задача, не менее славная, это—пойти с нашими братьями по оружию на поле брани бить тиранов и их приспешников. Нужно, чтобы эти гнусные рабы знали, на что способен гений свободы и любви к родине. Нужно, чтобы они знали, что республиканцы не только умеют делать пушки и порох, но что они умеют также, драться. Мы скорее погибнем, нежели вернемся в рабство. Будем счастливы, если, испуская последний вздох, мы сможем крикнуть: «*Да здравствует республика*!».

Конвент встретил эту речь аплодисментами, и после ответной речи председателя он назначил депутацию, которая присутствовала в Национальном парке (бывшем Тюильри) при испытании селитры, пороха и пушки, изготовленных «учениками республики».

Собранной революционным способом селитры оказалось более чем достаточно. «Никогда никакая революция,—говорит Барер,—не являла еще такой картины, когда народ внезапно стал химиком, физиком, отливал пушки, приготовлял селитру с большей активностью и с таким же талантом, как самые испытанные специалисты».

Угрожал недостаток поташа, необходимого для изготовления селитры, и Комитет Общественного Спасения запретил употребление его для обыкновенных надобностей. Поташ пытались заменить содой, которая добывалась из морской соли. Комитет предложил ученым найти новые способы добывания этого столь необходимого предмета. Барер посоветовал жечь дикие растения, хворост, можжевельник и вереск, промывать пепел и получать сырой поташ. Гражданам, которые займутся этим делом, были обещаны премии.

Таким образом, все препятствия были преодолены. Производство оружия и пороха находилось до того

времени в ведении трех министерств: военного, морского и общественных налогов. Комитет Общественного Спасения все это объединил в одну центральную комиссию, ведавшую оружием и порохом; она состояла из трех ответственных членов и работала под непосредственным наблюдением Комитета. Комиссия имела право заключать сделки и производить реквизиции. Она не только ведала производством, но и управляла всеми арсеналами и артиллерийскими складами. Рабочие роты, прикомандированные раньше к артиллерии, находились в ее распоряжении.

При старых методах производство пороха шло медленным темпом. Смесь селитры, серы и древесного угля удавалось получать после двенадцатичасовой работы на специальных мельницах. «Нужны были сложные машины, установка которых была трудна и длительна... Нужно было искать для этой установки специальные места на берегах рек; нужно было выжидать хорошей погоды, чтобы сушить порох в продолжение шести недель» (Барер). Новые способы, значительно упрощенные и ускоренные,—способы революционные,—заменили собой старую рутину. Благодаря им, можно было делать порох во всякую погоду, во все времена года и в любом месте. Три продукта, входившие в состав пороха, клались в бочки, вращавшиеся на своих осях. Селитра, сера и древесный уголь растирались и перемалывались внутри посредством специальной системы металлических шаров. Эта операция отнимала всего три часа.

Огромный пороховой завод был выстроен на Гренельском поле, тогда еще не заселенном. Постройки, рассчитанные на производство от 5.000 до 6.000 фунтов пороха в день, были вскоре расширены, что дало возможность поднять ежедневное производство до 25.000 и 30.000 фунтов. Количество рабочих на этом заводе достигло 1.800 человек,—цифра по тем временам неслыханно большая. Другие пороховые заводы были устроены в провинции.

Готовый порох, немедленно по изготовлении, в бочках отправлялся в армию. И генералы, снабженные им в избытке, получили возможность перейти в наступление. Победа начала улыбаться их знаменам.

IV

ОБМУНДИРОВАНИЕ. ПОСТАВЩИКИ

Кому неизвестны знаменитые литографии Раффе, изображающие солдат II года? Художник изобразил солдат революции такими, какими он видел их; его карандаш верен и правдив. Эти герои в лохмотьях, в большинстве без сапог, в штанах всех цветов, в самых фантастических по своему разнообразию головных уборах, имеют прекрасный и мужественный вид, несмотря на свои лохмотья. Эти завоеватели Европы одеты, как нищие.

Все рассказы современников, письма солдат, донесения комиссаров, речи депутатов полны жалоб на тяжелое положение войск и на кражи, совершавшиеся поставщиками. Чудо, что солдаты, так плохо питавшиеся, так скверно одетые, дрались, как львы. Чудо это может служить лишним доказательством того, что победа зависит не только от снабжения продовольствием и боевыми материалами.

Добровольцы, будучи фактически национальными гвардейцами, получающими жалованье, должны были одеваться на собственный счет. Но очень скоро, благодаря частым мобилизациям, заместительству и жеребьевке, обмундирование и экипировка должны были быть отнесены на счет местной администрации, а затем государства (со 2 ноября 1792 г.). Во многих местах, почти повсюду, администрация, не располагая достаточными кредитами, прибегла к подпискам и к добровольным пожертвованиям или к налогам на богатых и подозрительных.

Народные общества с энтузиазмом откликнулись на призывы. Количество их пожертвований было огромно.

Город Марсель дал за один день 134 головных убора, 885 рубах, 335 пар брюк, 270 пар чулок, 3.141 пару гетр, 3.605 пар сапог, 23 шинели, 32 мундира и 34 пары деревянных сапог. В тот же день маленький городок Понт-а-Муссон дал для армии 3.013 рубах, 436 пар чулок, 149 мундиров, 220 пар сапог, 145 жилетов, 189 пар брюк и 55 шинелей.

Не дожидаясь разрешения закона, администрация многих департаментов установила по собственной инициативе специальные налоги на родственников эмигрантов. Собранные таким путем суммы были предназначены для экипировки добровольцев. В департаменте Дуб налог этот был установлен в размере 20 франков с головы. Конвент утвердил эту систему декретом от 12 сентября 1792 г. Декрет обязывал отцов и матерей эмигрантов «доставить обмундирование на двух солдат за каждого из их детей, покинувших пределы республики». Стоимость обмундирования одного солдата установлена была в 184 ливра.

В спешных случаях представители Конвента не останавливались перед реквизициями материи и одежды. Известно знаменитое постановление, на основании которого Сен-Жюст и Леба, находившиеся в командировке в Страсбурге, снабжали Рейнскую армию: «Десять тысяч человек в армии босы. Нужно, чтобы вы разули всех аристократов Страсбурга и чтобы завтра в десять часов утра десть тысяч пар сапог было отправлено на фронт» (Страсбург, 25 брюмера; требование, предъявленное страсбургскому муниципалитету). Это постановление не представляло исключения. С 6 сентября 1793 г. Баррас реквизировал в Марсели 20.000 метров синего сукна для нужд армии, находившейся в Италии. Таких примеров было много.

Перед лицом опасности, которая угрожала Франции, патриотические муниципалитеты развивали большую активность. В Париже, Безансоне, Лилле и других городах они собирали в церквах женщин и раздавали им материю для шитья одежды добровольцам.

Национальным гвардейцам, которые не отправлялись на фронт, во многих местах было предложено отдать свое обмундирование и экипировку тем, которые уходили в действующую армию. Парижская секция Марэ 17 февраля 1793 г. через своего депутата обратилась к Конвенту с ходатайством о распространении этой меры на всю Францию. 22 февраля Конвент издал декрет об «обязательной и немедленной сдаче национальными гвардейцами, под угрозой штрафа в 200 франков, их обмундирования, стоимость которого должна быть возмещена им».

Не хватало, главным образом, обуви. Много солдат и добровольцев были обуты в грубые соломенные лапти. Конвент разрешил местной администрации обязать сапожников работать на добровольцев. Нужно было, чтобы каждый доброволец имел две пары сапог.

Так как, однако, местные организации недостаточно энергично взялись за выполнение декрета, то, по предложению депутата Клозеля, Конвентом было вынесено постановление (25 октября 1793 г.), в силу которого «все сапожники республики обязаны будут сдавать муниципальным властям своего округа по пять пар сапог в декаду и такое же количество от каждого подмастерья, работающего в мастерской». Муниципалитеты обязаны были поставлять им кожу по предельной цене, и сапоги, выделанные согласно особой инструкции, оплачивались по установленному тарифу. Тот же декрет вменял в обязанность владельцам кожевенных заводов работать безостановочно, угрожая в противном случае объявить виновников подозрительными. Позже (8 декабря 1793 г.), по предложению Барера, был издан декрет о мобилизации всех сапожников республики, на 20 дней, в течение которых они обязаны были работать исключительно для армии. Сапожники, виновные в нарушении этого декрета, карались штрафом в сто франков. Сапоги для армии должны были иметь широкие (четырехугольные)

носки. Частным лицам запрещено было носить сапоги с такими носками под угрозой быть обвиненными в покупке их у солдат и наказанными «по всей строгости законов, карающих незаконную торговлю военными вещами». В это же время коммуна Парижа приглашала граждан Парижа пожертвовать свои сапоги для армии и носить впредь деревянные сапоги, что должно значительно сократить потребление кожи.

Все эти частичные и экстраординарные меры не разрешали, однако, насущной задачи. Простое перечисление их доказывает, что военная администрация неспособна была обеспечить обмундирование и экипировку нормальными средствами. Это не могло быть объяснено недостатком кредитов. Законодательное Собрание и Конвент то-и-дело отпускали новые миллионы на нужды армии, но учреждения, которым поручалось использовать эти деньги, тратили их без толку.

Война еще не была объявлена, когда депутат Гей-Вернон (6 февраля 1792 г.) ознакомил Законодательное Собрание с содержанием письма начальника 2-го батальона из департамента Верхней Вьенны о печальном положении, в котором находились его солдаты: «Люди ходят почти голые, большинство их имеет лишь то белье, которое они носят на себе, и вынуждены во время стирки его оставаться совсем без белья. В этом нет преувеличения. 30-го и 31-го прошлого месяца началось было волнение. Г.г. капитаны, видя, что добровольцы являются игрушкой в руках военного министерства и тех, кто командует ими и не желает отпустить на закупку белья, чулок, сапог, брюк, шляп деньги из сумм, образованных от удержанных трех су с ежедневного оклада каждого добровольца,—г.г. капитаны, говорю я, не имея достаточных средств для авансов на эти покупки, хотели было удержать с ежедневного жалованья волонтеров еще по три су, дабы иметь возможность купить хоть самое необходимое белье. Эта попытка вызвала волнение...». Возмущенный Гей-Вернон предложил Законодательному Собранию произвести анкету во всех батальонах о состоянии обмундирования, экипировки и вооружения.

Это постановление вызвало протесты министров и их друзей, усмотревших в нем вмешательство в их деятельность и посягательство на установленную иерархию. Позволить солдатам и их начальникам жаловаться на администрацию, передавать непосредственно народному представительству их справедливые требования,—это было, по их мнению, чем-то ужасным, концом всего.

Но якобинцы того времени не были теми республиканцами, которых можно запугать жупелами. Они знали, что есть лишь один способ борьбы с злоупотреблениями, это—предать их гласности. Они были слишком либеральны, в лучшем смысле этого слова, чтобы пожертвовать свободой ради того, чтобы угодить министрам и их канцелярии. Они были убеждены, наоборот, что свобода, и притом свобода полная, является необходимым условием обороны страны. Их уважение к правам человека было глубоко и искренно. Ни на минуту они не допускали мысли о возможности обойти молчанием злоупотребления.

Депутат-монтаньяр Базир выступил против министров и министерских друзей. «Если,—сказал он,—мы будем искать правду у министров и в министерских канцеляриях, то мы, кроме молчания и лжи, ничего другого не получим. Законодательное Собрание имеет право собирать сведения и искать правду всюду; конституция ему предписывает наблюдать за министрами, и будет абсурдно, если его лишат способов наблюдения. В подтверждение моих наблюдений я напомню, что военный министр несколько дней тому назад сказал вам, будто дорога между Байонной и Фонтараби охраняется 9.000 солдат, а между тем сегодня стало известно, что на этом участке имеется всего лишь 1.200 солдат. Дабы Национальное Собрание впредь не было вводимо в заблуждение, необходимо, чтобы

оно разрешило своим комитетам непосредственно сноситься с ведомствами и отдельными гражданами, чтобы иметь возможность быть всегда в курсе деятельности представителей исполнительной власти».

После Базира депутат Тюрио заявил, что «Контроль Законодательного Собрания будет сведен к нулю, если мы будем полагаться исключительно на министров, так как предоставленное нам право наблюдения как раз их и имеет в виду. Трудно верить, чтобы сами министры дали нам доказательства нарушения своих обязанностей и чтобы они нам не рисовали в ложном свете положение дел в стране. Мы должны сами все видеть, так как нас повсюду обманывают». Эти благоразумные доводы возымели свое действие. Законодательное Собрание возобновило декрет от 20 ноября 1791 г., по которому комитеты Собрания имели право в целях обследования сноситься непосредственно с военными и гражданскими учреждениями.

В результате этого постановления между учреждениями военного министерства и народным представительством началась длительная борьба, закончившаяся в конце-концов не в пользу министерства.

На помощь комитетам Законодательного Собрания пришли и некоторые министры, как Паш и Бушот, усердно взявшиеся за искоренение хищений и краж, совершавшихся в некоторых ведомствах чиновниками и поставщиками. Но последним удалось заручиться сильной поддержкой не только некоторых министров, как Серван и Бернувиль, но даже кой-кого из генералов и членов Конвента.

Известна трагикомическая история священника д'Эспаньяка, жулика, зарабатывавшего миллионы на поставке лошадей для армии и сумевшего в течение долгого времени избегать наказания, благодаря тому, что он всюду кричал о своем ультрапатриотизме. Этот жулик подкупил влиятельных депутатов Жюльена и Шабо, добился поддержки Дантона и покровительства Демурье. Д'Эспаньяк кончил свою

жизнь на эшафоте вместе с дантонистами. Такой же трагический конец постиг и некоторых других поставщиков. Но другие, как знаменитый Уврар, ухитрились проскочить безнаказанно.

Министр Паш, обойденный большинством историков, но заслуживающий быть отмеченным в истории, и депутат Камбон, председатель финансовой комиссии Конвента, были в то время кошмаром для взяточников.

Паш, весьма далекий от того, чтобы защищать своих чиновников и покрывать их ошибки, не колебался писать Конвенту письма, которые были обвинительными актами: «Большое количество солдат, отправленных с 10 августа на границе,—писал он 2 ноября 1792 г.,—потребовало соответствующего количества обуви. Большая часть доставленной обуви оказалась очень плохого качества. По моему предложению, секции назначили специальных комиссаров для проверки этой обуви по мере ее получения. Признанный негодным товар не будет принят...». В том же письме Паш, не колеблясь, предупредил Конвент, что один из депутатов, друг Дантона, Фабр д'Эглантин, получил от его предшественника Сервана аванс в 30.000 ливров на заготовку обуви для армии. Фабр д'Эглантин—большой мот, любивший широко пожить, весь в долгах, не только ничего не доставил в армию, но даже не ответил на письмо, в котором Паш требовал от него отчета в израсходовании денег: «15 сентября текущего года,—писал ему Паш,—бывший министр Серван выдал вам аванс в 30.000 ливров с целью облегчить вам поставку в армию известного количества обуви. В моем письме от 17 октября я просил у вас отчета об израсходовании взятых вами денег; до сих пор вы мне не ответили. Прошу вас на этот раз не замедлить ответом». Позже Фабра д'Эглантина постигла та же участь, что и священника д'Эспаньяка: он последовал за ним на эшафот.

Как и следовало ожидать, Паш возбудил к себе яростную ненависть некоторых кругов. Отличавшийся

исключительной жадностью к деньгам генерал Дюмурье объявил Пашу войну не на жизнь, а на смерть. Жирондисты, надеявшиеся использовать жадного генерала в борьбе против монтаньяров, всячески поддерживали его. Паш решил для своего оправдания обратиться к армии и к общественному мнению с открытым письмом: «Я работаю не для тех людей, которые,—не знаю почему,—вздумали рассчитывать на меня. Строгость моих принципов и, главное, проведение их в жизнь привели в ужас людей, не отвыкших еще жить злоупотреблениями. Эти люди, среди которых имеется большое количество комиссаров, поставщиков и приказчиков, как в армии, так и в Париже исполняли свои обязанности, по меньшей мере, с медлительностью, приведшей к остановке и без того уж ненормальной работы. Солдаты, испытывающие на себе тяжкие последствия этого, в праве были жаловаться. Генералы, предпочитавшие быть окруженными поватливыми людьми, которых их лишил новый режим, повторяли и умножали жалобы солдат... Нельзя отрицать, что из 500.000 человек, составлявших французскую армию между 20 и 30 октября—время моего вступления в министерство,—250.000 человек были очень плохо одеты. Нельзя также отрицать и того, что склады были пусты, так как все, что можно было получить от поставщиков, нужно было распределять при ежедневных раздачах. И ни один понимающий человек не предположит, что можно в два, даже в четыре месяца одеть 250.000 человек и в то же время содержать 250.000 других. Я уволил некоторых агентов, переместил других, разослал преданных и добросовестных людей по разным армиям с целью получить отчеты о действительном положении дел и установить степень нужды в тех или иных предметах... Задача моя, конечно, полностью не выполнена, но тем не менее в некоторых местах жалоб больше не предъявляют. Работа идет безостановочно, и я имею основания надеяться, что мало-по-малу армия будет снабжена всем необходимым и что к весне французская армия будет вся одета и обута». Увы, бедный Паш не дотянул на своем посту до весны. Дюмурье категорически потребовал его отставки, и в начале февраля он оставил военное министерство, чтобы стать мэром Парижа.

Камбон, от которого Дюмурье также хотел освободиться, был счастливее Паша. Он не испугался нападок и продолжал разоблачать поставщиков и подрядчиков-взяточников, добившись некоторых результатов. 20 ноября 1792 г. депутаты, находившиеся в командировке в Лионе, в письме своем Конвенту разоблачили ряд тяжких злоупотреблений. Представитель интендантства Венсен при подписании контракта с купцом Яковом Бенжаменом о поставке сукна не отметил ширины подлежавшей поставке материи. Военный комиссар Васт брал взятки. «Мы открыли и имеем все доказательства,—писали депутаты,—что в каждой сделке, каждой поставке военная иерархия совершила ряд преступлений: главный поставщик, его помощник, заведывающий складом, комиссар, штаб — все берут взятки, все воруют, все обогащаются». Камбон воспользовался всеобщим возмущением, вызванным этими разоблачениями, и потребовал образования специальной следственной комиссии для проверки всех сделок и поставок. Предложение было принято. Конвент постановил привлечь к ответственности многих чиновников и поставщиков. Два месяца спустя, по предложению того же Камбона, издан был декрет, в силу которого «В министерских канцеляриях и в учреждениях будет вестись специальный прошнурованный регистр, с приложением казенной печати. В этом регистре будут записываться и подписываться все торги и подряды, касающиеся покупок, продаж и сдачи в аренду всего того, что имеет отношение к общему управлению республики». Другой регистр должен был быть заведен для записи жалоб, которые будут поступать на министерство и чиновников в связи с подрядами и поставками.

Зло пустило, однако, слишком глубокие корни, чтобы его можно было вырвать сразу. Первая следственная комиссия проявила такую мягкость к недобросовестным поставщикам, что Конвент вынужден был в середине сентября 1793 г. распустить ее и назначить новую. Старо-режимные генералы злоупотребляли и спекулировали на всем без всякого стыда. Монтескью, разоблаченный Марсельским клубом, счел более благоразумным уйти подальше от своих обвинителей и скрыться за границу. «Что касается д'Ансельма, то ни для кого не составляет тайны, что он по какому-то волшебству вдруг неожиданно разбогател. Он окружает себя неслыханной роскошью в Ницце и ведет в этом городе жизнь сатрапа в то время, когда добровольцы совершают переходы в горных снегах босые, в обстановке лишений и страданий».

Но если были и в Конвенте паршивые овцы, то большинство в нем было здоровое. Каждый депутат считал долгом своей чести очистить свою партию от вредных и обесчещивающих ее элементов. Депутаты, находившиеся в командировке, не останавливались перед тем, чтобы разоблачить своих коллег по Конвенту, совершавших злоупотребления. 13 июля 1793 г. представители Конвента в Мозельской армии Жантиль, Менье, Субрани и Монто раскрыли взяточничество их коллеги Кюссе, принявшего партию обуви, которую они забраковали. Флоран Гюйо, находясь в командировке в Лилле, в письме своем Комитету Общественного Спасения писал о своем коллеге Шале следующее: «Я должен вам сказать, что секретарь Шаля и сам Шаль совершают злоупотребления при поставке лошадей. Не желая лично вмешиваться в это грязное дело, я составил комиссию, в которую входит один представитель окружной администрации, представитель местного муниципалитета и один военный комиссар. О результатах следствия сообщу вам». Молодой Робеспьер разоблачил своего коллегу Бернара. Таких случаев было много.

Облеченные полнотой власти, комиссары Конвента энергично взялись за борьбу с злоупотреблениями. Комиссары Дюма и Филибер Симон писали из Шамбери 12 октября 1793 г., что на каждом шагу они наталкиваются на злоупотребления со стороны заведывающих складами: «Заведывающие складами и их помощники фабрикуют накладные, в которых показывают всегда на четверть, а то и на треть больше, чем они в действительности отправили... Трудно описать Конвенту дух хищения, охвативший всех тех, кто причастен к снабжению армии».

В заключение Дюма и Симон сообщают, что они решили всех обнаруженных виновников хищений привязывать к позорному столбу на городской площади.

Комиссары Лакост, Пейсар и Дюкенуа, находившиеся при Северной армии, для борьбы с злоупотреблениями назначили 4 октября 1793 г. специальную военную комиссию, которая приговорила виновников к смертной казни и расстреляла их тут же на фронте. Мильо и Гиарден, комиссары при Рейнской армии, прибегли к аналогичной мере. Их революционным трибуналом многие были также закованы в кандалы. «Нужно будет еще несколько таких приговоров,—писали они из Страсбурга,—чтобы вырвать с корнем преступления, которые в этом городе приняли более широкие размеры, нежели в других городах республики. Но трибунал никого не щадит. Все пойдет хорошо».

Конвент, с своей стороны, тоже не бездействовал. То-и-дело требовал он представления подробных отчетов о состоянии военных складов. 20 июля 1793 г., после доклада Маларме, по постановлению Конвента были арестованы все чиновники, заведывавшие обмундированием с мая 1792 г. «Эти чиновники,—сказал депутат Дюнон 30 августа,—вели себя, как хищники; они спешили обогатиться, так как были уверены, что их царство будет недолговечно». Месяц спустя Конвент решил показать яркий пример. Один из членов его,

депутат Перэн, член комиссии по проверке закупок, заключил сделку на поставку полотна, за которую он получил пять миллионов. Одновременно он состоял также бухгалтером и заведующим складом. По постановлению Конвента он был арестован, и революционный трибунал приговорил его к двенадцатилетней каторге. На каторге он и умер. Шабо, Делоне, Жюльен, Фабр д'Эглантин, сам Дантон, замешанные в скандале с ликвидацией имущества Индийской компании, были также арестованы и погибли на эшафоте.

«Прекрасно, когда честность становится всеобщим достоянием». Эти слова принадлежат Робеспьеру. Но пока нужно было установить неотступное наблюдение за преступностью. Декретами от 29 сентября и 9 октября 1793 г. Конвент обязал департаментские и окружные административные учреждения и муниципалитеты сообщать о всех злоупотреблениях, которые станут им известны. В частности, Конвент апеллировал к патриотизму народных обществ, прося последние иметь наблюдение за чиновниками, ведавшими продовольствием, обмундированием, вооружением, обозами и т. п. Короче говоря, вместо того, чтобы связывать языки, Конвент их развязывал. Верный свободе, он обратился к гласности, как к средству борьбы со взяточничеством. Он из гласности сделал прекрасное орудие национальной обороны.

Конвенту не приходилось раскаиваться в своей открытой политике. До тех пор, пока робеспьеристы—партия честных людей—составляли большинство, воровство и взяточничество уменьшались. Уменьшались и расходы. 2 жерминаля Камбон мог гордо заявить, что содержание 1.500.000 защитников республики обходилось не больше 170—180 миллионов, в то время как в предыдущем году содержание втрое меньшего количества солдат стоило 390—400 миллионов в месяц.

«Таковы,—сказал он,—результаты правительственной централизации... Ни один франк не расходуется

без того, чтобы Комитет Общественного Спасения не признал этот расход необходимым».

Это были также результаты неотступного наблюдения, которым со всех сторон были окружены поставщики и бухгалтера.

Когда пал Робеспьер, злоупотребления возобновились, и войска снова стали испытывать недостаток в самом необходимом. Но Камбон и его друзья продолжали содействовать победам 1794 года. Победа при Флерюсе была делом их рук в такой же мере, как и заслугой генералов.

V

ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ ВОИНОВ

Для того, чтобы солдат мог драться как следует, нужно, чтобы дома у него не оставались старые родители, жена, дети в нужде. В добрые старые времена, о возвращении к которым мечтают реакционеры, солдат был наемником, дешево продававшим свою жизнь. Те несколько ливров, которые он получал в чаду пьянства, составляли весь долг ему со стороны общества. Если война превращала его в инвалида, он, в лучшем случае, попадал на иждивение в Дом Инвалидов, или,—что было чаще всего,—ему назначалась пенсия в 80 ливров в год. Что касается родственников солдат, убитых на войне, то они не имели никаких прав на помощь и оставались на попечении общественной благотворительности.

Революция с самого начала установила принцип общественной солидарности во имя поддержки всех, обездоленных жизнью. Она не могла не применять этого принципа к тем, кто умирал за нее, и вводила его в жизнь постепенно все в более широких размерах, по мере того как армия становилась все более и более общенациональной.

Сначала принцип этот был применен только к добровольцам. Национальные гвардейцы, откликнувшиеся

на призыв родины, очутившейся в опасности, или подпавшие под очередную мобилизацию, не подписывали никакого служебного контракта. При поступлении на службу, они не получали никакой премии, а только добровольные пожертвования от частных лиц и патриотических обществ. В противовес линейным наемникам, большинство которых составляли холостяки, почти все они были людьми семейными. Семьи граждан-солдат, оставшиеся без кормильцев, обращались за помощью к избранным властям. Специальные кредиты на эту помощь не были предусмотрены. Местные административные органы и народные общества обратились к народному представительству. В продолжение довольно долгого времени народное представительство оказывало помощь только отдельным лицам и в исключительных случаях. Но скоро наступил момент, когда необходимо было расширить рамки этой помощи, и Конвент должен был принять общие меры.

Это было сейчас же после победы при Жемаппе и первого завоевания Бельгии. Добровольцы, освободившие территорию республики и расширившие ее границы, считали свою миссию законченной и массами стали просить разрешения вернуться домой. Желание удержать их в рядах армии, быть-может, и было одной из причин издания декрета от 26 ноября 1792 г., в силу которого семьям добровольцев предоставлялось право на общественную помощь.

«Если ребенок, жена или отец и мать гражданина-солдата, находящегося на фронте,—заявил докладчик по этому закону, робеспьерист Менье,—могут своим трудом добывать себе средства к существованию, то они не имеют никакого права на помощь народа, ибо отсутствие того, кто находится на фронте, не лишает их необходимого». Поддержка, таким образом, должна была носить характер помощи нуждающимся. Чтобы получить эту помощь, нужно было доказать отсутствие средств к существованию. Это была организованная благотворительность, но и это было ново. Помощь выплачивалась каждые три месяца—всегда за истекшее время—в следующих размерах: на каждого ребенка моложе 8 лет—40 ливров в год; на ребенка от 8 до 12 лет—25 ливров в год. Ребенок старше 12 лет рассматривался как способный зарабатывать себе на жизнь. Старики в возрасте от 60 до 70 лет получали 40 ливров в год; старше 70 лет—50 ливров. Жены добровольцев, но только те, которые физически не в состоянии были работать, получали 60 ливров. Чтобы понять значение этих цифр, нужно вспомнить, что средняя заработная плата в те времена составляла от 15 до 20 су в день.

Конвент не ограничивался этим. После измены Дюмурье новый декрет от 4 мая 1793 г. расширил рамки государственной благотворительности. Отныне право на помощь получают не только отцы, матери, жены и дети добровольцев, но также и сестры их, оставшиеся сиротами, которые будут признаны секциями или муниципалитетами—не имеющими никаких источников к существованию.

На этот раз закон не делал уже различия между добровольцами и линейными солдатами, но отмечал, что семьи солдат, «ушедших как заместители», никакими правами на помощь пользоваться не будут. Повышены были и размеры помощи. Дети до 12 лет стали получать 50 ливров, не способные к труду отцы, матери и жены солдат—по 100 ливров.

В то время как декрет от 26 ноября 1792 г. не вызвал в Конвенте никаких возражений, декрет от 4 мая 1793 г. вызвал оживленные споры. Жирондист Шассэ протестовал против оказания помощи братьям и сестрам-сиротам: «Я нигде не видел, чтобы брат был обязан содержать брата». На это заявление резко ответил Марат: «Я не люблю этого мелкого крохоборчества, которым хотят удержать дающую руку народа. Народ захватил церковное имущество. Это имущество составляет достояние бедных, и вы не в праве

лишать бедняков того, что им принадлежит». Марат сыграл решающую роль в принятии декрета. Лежандр настоял на увеличении размеров пособий.

С приходом к власти монтаньяров помощь стала оказываться в более широких размерах.

Декрет от 6—16 июня 1793 г. установил размеры пенсий увечным воинам. Офицеры, до чина капитана включительно, в случае потери зрения или ампутации рук или ног, получали пенсию, размеры коей соответствовали общей сумме получаемого ими жалованья в мирное время. Размеры этой пенсии не должны были превышать 10.000 ливров. Лейтенанты, унтер-офицеры и солдаты с такими же ранениями получали производство в капитанский чин и соответствующую этому чину пенсию. Офицеры и солдаты, ранения коих лишали их трудоспособности, могли быть приняты на иждивение в Дом Инвалидов или получать пенсию в размере, соответствующем стоимости содержания их в Доме Инвалидов, при чем эта пенсия не могла быть ниже одного ливра в день. Вдовы увечных солдат, вышедшие за них замуж после получения ранения, получали пенсию их покойных мужей в половинном размере. Размеры этих пенсий не могли превышать 1.000 ливров.

Силой вещей монтаньяры вынуждены были искать поддержки в широких народных массах. Весной 1794 г. в закон о пенсиях и пособиях были внесены новые изменения. 5 нивоза, по предложению Робеспьера, выступившего от имени Комитета Общественного Спасения, пенсии и пособия были увеличены на одну треть, и формальности для получения их были упрощены. По предложению Коло д'Эрбуа 21 плювиоза был издан декрет об увеличении пенсии вдовам на две трети.

Закон лишал права на пенсию и пособие семьи солдат, ушедших в армию в качестве заместителей. Лишение это мотивировалось тем, что солдаты-заместители при поступлении своем на службу получили

денежное вознаграждение. 24 флореаля депутат Триез предложил устранить «всякую разницу между солдатами свободы и равенства». Он ссылался на то, что многие солдаты-заместители по возрасту своему подлежали призыву по первой мобилизации и что если бы они не ушли в армию раньше издания декрета об этой мобилизации, то их семьи имели бы теперь право на пособие. Кроме того, те граждане, которых они в свое время заместили, в свою очередь, ушли в армию. И, наконец, было бы нелогично делать исключение для заместителей в то время, как уничтожена всякая разница между добровольцами и линейными солдатами. Конвент без прений постановил предоставить солдатам-заместителям право на пенсию и пособие.

13 прериаля Коло д'Эрбуа сделал доклад о применении закона. Он жаловался на то, что применение этого закона наталкивается на формализм канцелярий. Он даже подозревал злую волю со стороны некоторых чиновников этих канцелярий. «Нас однажды спросили, какое максимальное количество детей может быть в семье, получающей пособие, как-будто можно установить тот высокий максимум, которого мы бы хотели, как-будто республика может когда-нибудь иметь слишком много граждан. С горячей душой вы приняли закон, но проводится он часто в жизнь с ледяным холодом. Слишком часто отзывчивость народная душится в канцеляриях». По настоянию Коло, Конвент постановил, что в распоряжение комиссии по распределению пособий будет отпущено сто миллионов ливров, что дети вдов будут получать до двенадцатилетнего возраста половинную пенсию их матерей, что неимущие вдовы будут получать временное вспомоществование, размеры которого будут равняться годовому или полугодовому окладу их покойных мужей, что отныне помощь будет выплачиваться вперед.

До тех пор, пока в Конвенте большинство принадлежало монтаньярам, интересы бедняков были защищены. Но после падения Робеспьера буржуаз-

ная реакция, которая вошла в историю под именем термидорианской, не осмеливаясь отменить законодательство, стала делать все возможное, чтобы лишить это законодательство всякой силы и действенности. Страшный экономический кризис, обострившийся благодаря безостановочному выпуску бумажных денег, привел к тому, что государственная казна опустела. Не стало больше кредитов для защитников родины и для их семейств. Пособия стали выплачиваться крайне нерегулярно и в бумажных деньгах—с запозданиями, которые длились годами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ И АРМИЯ

I

КОНВЕНТ И ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Высшее руководство военными операциями является основной прерогативой правительства, так как от этого зависит судьба страны. Чем сильнее правительство, тем больше оно старается сохранить за собой право контроля и решения. Слабые правительства, наоборот, спешат освободиться от этого ярма пугающей их ответственности и взваливают его на народных представителей. Часто случается, что эти представители, обладая полнотой власти, либо злоупотребляют ею в личных целях, если они честолюбивы, либо, если они вышли из возраста больших искушений, бездействуют, боясь сделать не то, что нужно, и скомпрометировать свой престиж. Во всяком случае расчленение основной власти всегда идет во вред общественному делу.

Конвент был слишком проникнут сознанием своего долга и своих прав, чтобы совершить ошибку, которая неизбежно привела бы к гибели страну и республику. Вырвав власть из слабых рук Исполнительного Совета, где больше не заседал Дантон, он сохранил ее за собой целиком и применял ее через свои комитеты и через Комитет Обороны, который впоследствии стал называться Комитетом Общественного Спасения. Ни одной минуты он не прислушивался к детским замечаниям о разделении власти—о двоевластии. Он был бухгалтером свободы и победы,

ответственным перед народом. Никакие горы бумаг, никакие метафизические теории не могли сковать его инициативу и ограничить его деятельность. Министры и генералы были его приказчиками. Он же оставался мозгом, который думал и приказывал.

Умиравшее Законодательное Собрание считало нужным успокоить армию после 10 августа и заставить ее более спокойно принять падение королевской власти. С этой целью оно возвело старого маршала Люкнера в генералиссимусы—звание и занятие по тем временам новое. Люкнер должен был «содействовать своими советами операциям и передвижениям французских армий». Он должен был вести точный регистр всех приказов и протоколы совещаний, копии коих он должен был пересылать в течение двадцати четырех часов Исполнительному Совету,—«пересылать без замедлений Исполнительному Совету копии всех писем, докладов и сведений, которые он получит из армии, с замечаниями, которые он найдет нужным сделать». С своей стороны, «Совет будет сообщать маршалу о всех приказах и распоряжениях, которые он сочтет нужными давать». Достаточно одного перечисления функций этого генералиссимуса, чтобы убедиться, что в сущности он играл лишь роль почтового ящика. Исполнительный Совет сохранял за собой управление и решал все сам.

Люкнер почти сейчас же был лишен командования, и никому в голову не пришла мысль заместить его на посту генералиссимуса, хотя Конвент имел под рукой генерала, которым восторгалась тогда вся Франция—Дюмурье, победитель при Вальми и Жемаппе.

Когда коалиция усилилась благодаря вхождению в нее новых держав и стала угрожать революции, Конвент 1 января 1793 г. образовал Комитет Обороны, на обязанности которого лежало «вместе с министрами беспрерывно заниматься изысканием мер, диктуемых предстоящей войной и текущими делами». На первое же свое заседание Комитет Обороны вызвал министров

и потребовал отчета о деятельности их ведомств. Он снесся непосредственно со всеми гражданскими и военными властями, затребовал к себе переписку генералов и подробные списки всего служащего персонала, от рассыльных до командующих армиями. Он вызвал всех генералов, командовавших армиями, и опросил их. Опрос Дюмурье длился три дня: 8, 9 и 10 января. 23 января Дюмурье был снова вызван вместе со своим лейтенантом Валансом для ответа на заранее выработанный опросный лист, в котором фигурировали, между прочим, следующие вопросы: «Какая форма войны более выгодна для республики при настоящем положении вещей? На каких участках война будет наступительной и на каких оборонительной? Сколько нужно формировать армий и какова должна быть сила каждой из них? Каковы будут взаимоотношения генералов между собой и Исполнительным Советом?». 6 февраля Комитет выслушал доклады фельдмаршала д'Арсона «об обороне границ в Альпах» и Кюстина-сына об обороне Майнца и позиции его отца. 12 февраля—очередь генерала Артура Диллона, высказывающего свое мнение об обороне колоний. Белые «плюмажи» чередуются один за другим беспрерывной чередой Комитет выслушивает, изучает доклады и принимает решения.

Конвент приступил затем к обсуждению проекта Сийеса о реорганизации военного ведомства. Расходясь в частностях, все ораторы сходились на одном: министры и их канцелярии должны быть только рычагами, управляемыми народным представительством.

Для Сен-Жюста «правительственная гармония» и сохранение республики зависят от следующего: «Если управляющая власть не зависит от вас, тогда создается положение королевского режима». И для большей точности он прибавляет: «Управление военной властью (я не говорю о выполнении военных операций) неразрывно связано с законодательной властью. В этом—гарантия народа от всяких неожиданностей».

Говоря дальше, молодой депутат со свойственной ему точностью восклицает: «Исполнительная власть в войне укрепляет свой кредит, война предоставляет ей тысячи способов для узурпации. Вот почему я предлагаю вам, чтобы военное министерство было изъято из ведения исполнительной власти и зависело исключительно от вас, было непосредственно подчинено вам... Необходимо, чтобы в государстве была одна воля и чтобы эта воля, которая создает законы, управляла и военными операциями. Только таким путем вы защитите народ от захвата власти военными... Все звенья военной цепи восходят к вам, генералы лишены возможности вести интриги в совете, и совет лишен будет возможности узурпировать власть» (28 января 1793 г.).

Конвент, большинство которого в тот момент составляли жирондисты, сразу не понял и не оценил значения слов Сен-Жюста. Он ограничился назначением военному министру шести помощников, каждый из которых нес ответственность за свой отдел. Первый помощник заведывал выплатой жалования армии, второй—поставками (продовольствие, обмундирование и госпитали), третий—укреплениями и артиллерией, четвертый—инспекцией, пятый—приказами и перепиской с генералами, шестой—назначениями, производствами и пенсиями. Министр и его помощники были лишь педалями, которые двигал Комитет Обороны.

Генералы пользовались еще некоторой автономией. Но эта автономия была у них отнята на следующий же день после того, как Дюмурье сделал попытку выступить против республики (1 апреля 1793 г.). Комитет Обороны уступил место Комитету Общественного Спасения, власть которого была усилена. Монтаньярская конституция, принятая в июне 1793 г., определила: «Генералиссимуса нет». Пункт этот был принят без прений при единодушном одобрении.

Верховное командование постепенно перешло к правительству, т.-е. к Конвенту.

II

ДИКТАТУРА КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Существует двоякого рода диктатура, как и двоякого рода республики. Таинственный «Совет Десяти» в Венеции был исключительно диктатурой полицейской на службе у денежной аристократии. Если бы в те времена существовала печать, то не подлежит сомнению, что Венецианская республика ввела бы предварительную цензуру.

Совсем другого характера была диктатура Комитета Общественного Спасения,—диктатура кратковременная, вызванная условиями войны, действующая открыто, ограниченная, строго ответственная.

Комитет Общественного Спасения не имел в руках всей полноты власти. Полиция не была подчинена ему. Она зависела от Комитета Общей Безопасности—власти соперничающей. КОС располагал секретными фондами, но бюджета не имел. Бюджетом ведал Комитет финансов.

Комитет Общественного Спасения и Комитет Общей Безопасности составляли совместно правительство. Они собирались для решения вопроса о политических арестах. Их солидарность укрепляла режим, конфликт между ними его опрокидывал. В тот день, когда Комитет Общественного Спасения захотел иметь свою полицию, задетый за живое Комитет Общей Безопасности оказал этому сопротивление, и борьба между двумя Комитетами привела к 9 термидора, который в сущности был победой полиции над администрацией.

Комитет Общественного Спасения распространял свою власть только на армию и на дипломатию, но и в этой области его диктатура оставалась диктатурой принципов, диктатурой свободно принимаемой. Комитет назначает и смещает генералов, разрабатывает планы походов и т. д., но его приказы проводятся в жизнь армейскими комиссарами и членами Конвента.

Последние пользовались парламентским иммунитетом и сохраняли свою независимость. Они—не автоматы в руках Комитета. Часто они возражают ему, указывают ему его ошибки, дают советы. Они непосредственно сносятся с Конвентом, и их точные и подробные письма читаются с трибуны и потом печатаются в официальном «Бюллетене» и в газетах. Депутаты, несомненно, являются агентами Комитета, но они его в то же время и контролируют. Через них Конвент знакомится во всех деталях с военным и политическим положением. Они не только гарантируют выполнение принятых решений, но и контроль над ними, так как контролировать—это значит знать.

Контроль производится ежедневно и свободно, с трибуны, перед лицом Франции и Европы. Официальные «сообщения» того трагического времени не заключают в себе той сухости и загадочной краткости, которые наблюдаются в современных «сообщениях». Это настоящие доклады,—точные, подробные, с цифрами, датами, именами. Военные операции, достоинства генералов, продовольствие, обмундирование, амуниция, контигенты и т. п.,—все самые насущные вопросы обсуждаются с трибуны Конвента. Никто не считал нужным требовать секретных заседаний, ибо никто не сомневался в патриотизме ораторов. Полагались на их совесть и благоразумие, которые не позволят им огласить публично то, что может быть полезно неприятелю.

Когда Комитет уволил Ушара, победителя при Гондшоте, виновного в неисполнении приказов о наступлении,—эта мера, как и вся политика Комитета, горячо обсуждались в Конвенте в течение двух дней, 23 и 24 сентября 1793 г. Депутаты, которых Комитет отозвал из их командировок, принимали участие в дебатах, и никому не приходила в голову мысль лишить их слова, обвинить их в сведении личных счетов и честолюбии. Комитет хотя и с трудом, но вышел победителем из этой атаки.

Нет ничего более ложного, чем представление, будто Комитет действовал на Конвент страхом. Даже после 20 прериаля Конвент,—как некоторые пытались это утверждать,—не представлял собой сборища глухонемых и евнухов.

Комитет избран был на один месяц. Если он неизменно переизбирался в течение года, то потому, что он имел за собой общественное мнение,—общественное мнение, не скованное и стиснутое в тисках цензуры, а свободное общественное мнение, от которого ничто не было скрыто. Часто говорят, что Комитет функционировал как парламентское министерство. Но это было министерство, избранное не безответственной властью, стоявшей вне Конвента. Это было министерство, постоянно и гласно отчитывающееся,—министерство, действия которого были известны и постоянно контролировались.

Террор не покрыл Францию саваном молчания и тайны. Если он беспощадно и жестоко подавлял попытки роялистов и жирондистов, соучастников неприятеля,—он не сломал ни одного пера, не закрыл ни одной трибуны, которые служили республике. Только контр-революционная печать была задушена.

Чему удивляться? Террор был исключительно средством обороны республики. Лучшим средством действительной защиты страны является не убаюкивание общественного мнения в люльке официального оптимизма, а, наоборот, возбуждение энергии, беспрерывное указывание новых препятствий, стоящих на пути, и новых задач, которые нужно разрешить.

Не только в мирное время, но, главным образом, во время войны лучшей защитой страны являются те *необходимые свободы*, которых требовал Тьер. Заслуга Комитета Общественного Спасения состоит именно в том, что он понял эту правду и подчинил ей свои действия. «Нужно нагонять страх на тех, которые управляют,—говорил Сен-Жюст,—но никогда не надо держать в страхе народ».

III

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ И ГЕНЕРАЛЫ

Среди двенадцати членов Комитета Общественного Спасения, спасшего Францию, не было ни одного, который скрывал бы свои антимилитаристские чувства. Неподкупный Робеспьер энергично и с изумительной дальновидностью боролся с воинствующей политикой жирондистов. Он не доверял генералам. Он предвидел в результате побед возможность военной диктатуры. И тем не менее он упорно и настойчиво вел войну. Вступить в переговоры с победившим неприятелем, это—ему казалось актом величайшего бесчестия.

Суровый Билло-Варенн накануне победоносного похода 1794 г. бросил Конвенту следующее предупреждение: «Когда на фронте имеется двенадцать армий, нужно опасаться не только измены; влияние и честолюбие какого-нибудь энергичного начальника, внезапно вышедшего из рядов, не менее опасно; история нас учит, что таким образом погибла не одна республика.... Всякий народ, дорожащий своей свободой, должен всегда быть настраже и зорко смотреть даже за людьми честными, занимающими высокие посты. Слепое доверие порождает идолопоклонство, а идолопоклонство открывает широкий путь честолюбию, подкупает слабые души, жаждущие легких побед. Власть военщины есть худшая власть после теократии [1])»...

Сен-Жюст, как и Билло-Варенн, также боялся призрака цезаризма. Вот некоторые его чеканные формулы: «Хвалу генералам мы будем воздавать только после войны»; «генералитет не питает симпатии к народу»; «генералитет принадлежит еще к породе монархистов».

[1]) Теократия—власть священников.

Раньше всего Комитет Общественного Спасения потребовал от генералов безоговорочного подчинения его приказам. 22 февраля 1794 г. он постановил, что все генералы должны ежедневно сообщать ему о положении своих армий. Постановление это было написано рукою Сен-Жюста. Генералы получили знаменитую инструкцию, которая с суровой прямотой определяла им их обязанности: «Генералы, если мы любим признавать заслуги некоторых из вас, то мы не скрываем от других совершенных ими ошибок. Много говорили о неподчинении солдат, но неподчинение генералов причинило больше вреда общественному делу. Ни один из генералов не захотел пожертвовать своим самолюбием во имя проведения в жизнь общего плана. Почти все,—кто из личного самолюбия, кто по злой воле, кто из жажды власти,—кинулись осуществлять свои отдельные планы. Они должны знать, что они подчинены строгой дисциплине, предписываемой им правительством.

В свободном государстве военная власть должна быть как можно больше ограничена. Она—лишь пассивный рычаг. Мы повторяем эту правду людям, которые должны знать ее, если они—республиканцы, и которые должны гордиться этим подчинением, так как интересы и принципы свободы требуют этого.

Толчек, данный на севере, находит свое отражение на юге, давление в центре дает себя чувствовать на флангах. Поэтому лишь только генерал выходит из предначертанных ему инструкций и пытается делать то, что ему кажется более выгодным, он этим самым может погубить общественное дело, даже в случае успеха, который может оказаться лишь местным. Он нарушает единство плана, разбивает всю военную систему. Последнее соображение оправдывается опытом. Отмечено, что успех всегда являлся следствием подчинения постановлениям Комитета, а поражение порождалось неподчинением им. Генералы, времена невыполнения приказов прошли».

Это были не пустые фразы. За ними следовали санкции. Лишение командования, за которым часто следовала ссылка внутрь страны, тюрьма и революционный трибунал ожидали непокорных, строптивых или неспособных. Победить или умереть—такова была альтернатива.

Разрешив таким образом вопрос о безоговорочном подчинении верховного командования, антимилитаристы из Комитета Общественного Спасения смогли успешно организовать победу.

IV

ТАКТИКА КАРНО

Если эмиграция была преступлением по отношению к родине, то беспристрастная история тем не менее должна считать ее одним из непосредственных факторов французской победы. Она освободила армию от разлагающих элементов, она омолодила кадры, она очистила место для новой тактики. Террор, удаливший из армии последних офицеров-дворян, тем самым создал крепкую спайку, священный союз, основанный на общности политических интересов,—союз между офицерами и солдатами. Новые кадры, образованные из новых граждан, были свободны от кастового духа, от предрассудков и рутины. Свое военное образование они получали в новых условиях. Вышедшие из низов, поднявшиеся в течение нескольких месяцев от низших до самых высших чинов, революционные генералы были послушным орудием в руках правительства. Они не имели за собой блестящей служебной карьеры; спесь и кастовая солидарность были им чужды, и о каком-либо сопротивлении с их стороны гражданским властям не могло быть и речи. Нужны были такие генералы, как Гош, Марсо, Журдан, Ожеро, чтобы получать и выполнять приказания Карно.

Карно и его друг Приер были единственными офицерами в Комитете Общественного Спасения, хотя

они были больше инженерами, чем офицерами. Саперные офицеры, это—офицеры без войск. Карно, который никогда не командовал ротой, из своего кабинета руководил четырнадцатью армиями республики и вел их от побед к победам. Один только раз он отправился на фронт, чтобы участвовать в атаке под Ватиньи рядом с Журданом.

Фактический генералиссимус, он одновременно являлся и военным министром, так как Бушо был только служащим. Но диктатура Карно, так же, как диктатура Комитета, к которому он принадлежал, была лишь видимой диктатурой. Он должен убеждать своих коллег в полезности предписываемых им мер. Всякий план похода обсуждается сообща. Гражданские члены Комитета хотели все знать. Сен-Жюст не всегда был согласен с Карно и весьма часто заставлял его менять планы. Революционное правительство независимо. Оно требует от своих подчиненных послушания, но оно остается правительством свободы в том смысле, что оно не принимает никаких решений без предварительной информации и обсуждения.

В основном Сен-Жюст и Карно были согласны. Новая армия нуждалась в новой тактике. «То, что не ново, в новой обстановке вредно,—говорил Сен-Жюст...—Военное искусство монархии нам не подходит; теперь новые люди и новые враги... И если французский народ страшен в своем порыве, в своей горячности, и если его враги тяжелы, холодны и медлительны, то его военная система должна заключаться в стремительности и натиске».

В первый же день Карно предписал всем генералам начать наступление, и притом массовое. Когда Журдан, после небольшого успеха, просил дать ему время, необходимое для перегруппировки войск и подвоза продовольствия, Карно торопил его итти вперед, без остановки, «дабы поскорее покончить с ужасами войны». Он повторяет, что ни в коем случае не надо давать неприятелю устроиться на зимних квартирах во Франции.

2 февраля 1794 г. он формулировал свою доктрину в знаменитой инструкции, которой позже руководились Наполеон и Мольтке: «Общее правило, это—действовать массами и всегда наступательно, поддерживать в войсках строгую дисциплину, всегда держать войска наготове, оставлять на местах такое количество войск, которое абсолютно необходимо для охраны; производить частые смены в гарнизонах и в штабах, дабы предотвратить возможность всяких козней, которые могут завязаться в одном месте, благодаря долгому пребыванию в нем, что создает возможность измены и предательства; иметь бдительное наблюдение за охраной постов, обязывать старших офицеров посещать их как можно чаще, использовать каждый случай для штыкового боя и беспрерывно преследовать неприятеля до полного его уничтожения».

Наносить большие удары, давать большие сражения,—эти выражения повторяются во всех письмах организатора победы; даже тогда, когда он, в виде исключения, предписывает оборону, он хочет, чтобы эта оборона была активной: «Нужно атаковать, чтобы самим не быть атакованными». «Будьте атакующими, всегда и беспрерывно атакующими». Карно не хочет частичных и разбросанных атак. Ему нужны только атаки решительные, могущие дать решительные результаты. Разбросанность войск на большом фронте ослабляет этот фронт, и неприятель, собрав свои силы на одном каком-нибудь пункте и поведя внезапную атаку, может прорвать его. «Нужно, следовательно, атаковать внезапно, стремительно, не оглядываясь назад. Нужно ослеплять, как молния, и молниеносно бить» (21 августа 1794 г.).

Эта тактика наступления во что бы то ни стало могла быть проведена только молодыми и смелыми генералами, бравшими на себя ответственность без оговорок и без колебаний. Благодаря членам Конвента, находившимся в командировках, Комитет Общественного Спасения нашел таких генералов. «Связав

свою судьбу с судьбой революции,—говорит один современник,—они защищали ее настойчиво и с энергией, не иссякавшей до тех пор, пока нужно было действовать, и с преданностью, которая знала один лишь предел—смерть. Слившись в одно с системой, которую нужно было проводить, они всегда употребляли те способы, которые могли вести к цели; не упуская ни одного, исчерпывая все средства, они шли напролом. Они давали каждый бой так, как-будто он должен был быть решающим, они делали каждое усилие так, как-будто оно должно было быть последним. Все молодые, в том возрасте, когда человек горячо, настойчиво и энергично преследует намеченную цель,—они воодушевляли армию сильной волей, не знавшей никаких препятствий на пути к осуществлению намеченной цели».

Трудно с большей точностью объяснить причины превосходства революционной стратегии над стратегией старого режима. Тактика Карно восторжествовала не только благодаря своим теоретическим достоинствам, но и потому, что она применялась к обстоятельствам; потому, что проводили ее в жизнь эти молодые генералы, вышедшие из солдатских рядов,—генералы, в чьих жилах бурлила народная кровь.

V

ДУХ АРМИИ РЕВОЛЮЦИИ

Санкюлоты дрались за политический и социальный идеал. Они проливали свою кровь, чтобы сделать невозможным возвращение старого режима. Врагом для них был не только пруссак, испанец или австриец,—врагами были также и эмигранты и священники—союзники коалиции. Победа, к которой шли санкюлоты, не ограничивалась одними только границами Франции. Это была победа «прав человека», победа справедливости, равенства и свободы, конец привилегиям,

уничтожение феодализма, уничтожение деспотизма, освобождение человечества.

Патриот и республиканец, это—были два равнозначащих слова, не отделимых одно от другого. Лучшим доказательством республиканского патриотизма француза было вступление в армию. Добровольцы, особенно первые, были убежденными и горячими гражданами, для которых патриотизм был политической религией.

Клубы, в которые входила лучшая часть мыслящей буржуазии, ставили военное дело на первый план. Они усиленно содействовали набору солдат, их обмундированию, делали все нужное для улучшения солдатской жизни. Они наставляли солдат, устраивали сборы деньгами и вещами, заботливо относились к их нуждам, прислушивались к их жалобам,—одним словом, были их воспитателями, советниками и покровителями. Солдаты с гордостью показывали свои якобинские карточки, они поддерживали тесные отношения со своими братьями, оставшимися в тылу, и в клубах читались народу многочисленные письма, приходившие с фронта. Один и тот же дух или, вернее, одна и та же вера передавались с тыла на фронт и с фронта в тыл.

Солдаты активно участвовали в политической жизни. Не было тогда двух Франций,—одной, говорящей с трибун, и другой—дерущейся на фронте. Была лишь одна страна, которая боролась против общего врага.

Патриоты, находившиеся под знаменами, были горды тем, что они не перестали быть гражданами, которые мыслят, обсуждают и выражают свои мнения об общественных делах. Их интимные письма дышат глубоким презрением «к рабам и к автоматам» тиранов. Солдаты свободы, они украшают свои формы эмблемами своей политической веры. Трехцветная кокарда становится для них культом: «Гражданин командир,—пишет доброволец Омон 20 сентября 1794 г.,—я позволяю себе писать вам от имени моих товарищей, чтобы узнать, имеем ли мы право украсить наши шляпы

трехцветными лентами. Мы предупреждаем вас, что мы настоящие санкюлоты и надеемся, что не выйдем из рамок законности, если мы украсим наши шляпы республиканскими знаками...». Более горячие носят на голове красный колпак и, по примеру членов клуба, говорят друг другу «ты». Они обращаются на «ты» даже к своим командирам, и военный министр Бушо в циркуляре к офицерам указывает последним, что они не должны обижаться и выказывать недовольство по поводу этого обращения на «ты», подчеркивая этим, что они не санкюлоты.

Все показывает, что дух в армии был такой же, как и в клубах. Добровольцы широко пользовались предоставленным им правом петиций. Они напоминали политическим деятелям об их долге, одобряли их или выражали им порицание с республиканской откровенностью.

После смерти Людовика XVI 3-й батальон из Кореза пишет Конвенту: «Армия непоколебима в своих принципах. Можно ли думать, что граждане, оставившие все во имя защиты своей родины, могут пожалеть чудовище, фанатического злодея, изменника народу? Нет, вы так не подумали, вы действовали, как настоящие республиканцы, и вынесенным приговором вы заслужили себе бессмертную славу».

Когда под ножом Шарлотты Кордэ пал Марат, весть об этом вызвала в армии страшное волнение: «Марата нет! Марат убит! Слезы ярости льются из наших глаз!.. Он умер, друг народа, заколотый ножом, который был отточен его неподкупностью! И пражевые дышат! И они заседают вместе с нашими представителями! И они безнаказанно продолжают организовывать убийства и заговоры против свободы! Мы просим вас, чтобы день убийства Марата был объявлен траурным днем» (письмо офицеров 16-го батальона легкой пехоты).

Конституция 1793 г. была представлена на одобрение войск, которые голосовали за нее с энту-

зиазмом: «Законодатели, мы одобряем эту конституцию и клянемся защищать принципы ее до последней капли нашей крови и драться до полного уничтожения тиранов, фанатиков, и роялистов» (адрес батальона Верхнего Рейна).

Все писатели того времени, роялисты и республиканцы, единодушны в том, что одной из главных причин победы была глубокая политическая вера, если угодно — фанатизм, солдат революции. Анонимный автор того времени писал: «В другие века вооружали людей во имя небесного рая; в наш век они вооружаются во имя благ земных. Революция сказала каждому человеку, что он должен драться за высшее земное счастье, за свою свободу. Для защиты ее она потребовала от него огромных усилий и навязала ему много тяжелых испытаний. Все, что человеческая натура в состоянии делать и выстрадать, революция предписала своему защитнику делать и выстрадать. Она доказала ему, что, защищая свои интересы, он, жертвуя собой для своей страны, делает одновременно добро и для всего человечества».

Дух солдат революции, это—дух крестовых походов, дух, который превратил Францию в «великую нацию». Только крестовый поход на этот раз поставил себе другую цель. Борьба шла не за завоевание гроба какого-то бога, а за то, чтобы не дать уложить в гроб человечество.

VI

ТЕРРОР И НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА

В то время как объявление осадного положения в августе 1914 г. не вызывало никаких возражений и могло спокойно и нормально функционировать, потому что страна была глубоко единодушна и потому что она считала эти исключительные меры необходимыми,—диктатура, которая в истории носит имя «Террора», вводилась ценой страшной внутренней междоусобицы, в стране, восставшей против себя самой, часть которой открыто была на стороне неприятеля. Вот та основная разница, которая объясняет такое большое количество жертв в дни террора. Террор должен был подавлять или предупреждать гражданскую войну. Противники террора рассматривали его не как орудие, необходимое для защиты страны, но как орудие одной партии, добивавшейся власти. Многим казалось, что революционные трибуналы действовали больше из мести и злопамятства, нежели во имя народного дела. Вот почему эта диктатура оставила в истории такой мрачный и грандиозный след.

Легенды и партийный дух не должны, однако, закрывать действительность. Террор не был введен в течение одного дня. Его органы создавались последовательно, без общего плана, по мере того, как нарастала необходимость в них. Не с легкой душой революционеры временно закрыли скрижали «прав человека и гражданина». Только в последнюю минуту они прибегли к «деспотизму свободы». Усиление репрессий совпадало, главным образом, в первое время с большими внутренними и внешними опасностями.

Первый революционный трибунал, учрежденный 17 августа 1792 г., функционировал в атмосфере огромного волнения, вызванного вторжением прусаков, почти не встретивших никакого сопротивления в Лонгви, Монмеди, Вердене. Толпа находила, что трибунал в эти дни действует слишком медленно и нерешительно и, охваченная гневом, врывалась в тюрьмы и убивала заключенных.

Террор был так тесно связан с обороной страны, что все фазы этой обороны отражались на его деятельности. Когда после Вальми и Жемаппа границы были освобождены, трибунал 17 августа был распущен. И нужно было восстание в Вандее и первые поражения в Бельгии, чтобы Конвент, по предложению Дантона, восстановил его снова под новым именем. Это было 10 марта 1793 г. Раньше всего трибунал осудил генералов, обвиненных в измене вместе с Дюмурье.

Только 21 марта 1793 г. были учреждены революционные комитеты, на обязанности которых лежало наблюдение за иностранцами, принадлежавшими к неприятельским странам. Их имущество было секвестровано только в сентябре и октябре 1793 г. И только 27 жерминаля того же года, т.-е. два года спустя после начала войны, этим иностранцам предписано было выехать из пределов Парижа, из укрепленных районов и портовых городов. Жирондистские газеты были закрыты после 31 мая, так же, как в свое время, после 10 августа, были закрыты роялистские газеты. Но никакая цензура не вводилась. Монтаньярские газеты продолжали пользоваться полной свободой.

Только в начале сентября 1793 г. террор официально был поставлен в порядок дня. Это было в момент федералистского восстания и успехов коалиции на северных и западных границах. Тогда только, 17 сентября, был принят закон о подозрительных, применение которого было поручено революционным комитетам, на обязанности которых лежало уже и наблюдение за иностранцами. Несомненно, бывали случаи, когда эти революционные комитеты пользовались предоставленной им властью в целях личной мести. Несомненно, много невиновных было арестовано и погибло на гильотине. Но нужно сознаться, что террор достиг своей цели. Федералистское восстание было подавлено, Вандея была разбита, роялистские заговоры не удались, оборона страны была обеспечена.

Грозный закон 22 прериаля был законом осадного положения. Он наказывал «тех, которые будут сеять панику, дабы этим оказывать помощь тиранам, идущим против республики; тех, которые будут распространять ложные сведения; тех, которые будут пытаться обманывать народ и мешать его просвещению...».

Террор в действительности был средством обороны страны. Жозеф де-Местр, не колеблясь, заявлял, что террор спас единство Франции. В наши дни только историки, ослепленные партийным духом, отказываются признать это. По их мнению, террор мог быть избегнут,—он не был необходим, он не содействовал победам и т. д. Легко забавляться переделкой истории, строя догадки о том, что могло бы быть, но это—обманчивая игра.

Террор стал фатальной необходимостью момента. И если бы роялисты были сильнее, они ввели бы его против республиканцев. Корреспонденция роялистов не оставляет на этот счет никаких сомнений. «Я считаю необходимым воздействовать на парижан террором»,—писал бывший министр Монморен графу Ламарку. «Не надо пощады, не надо полумер,—воскликнул князь де-Кастри в своем меморандуме, писанном в апреле 1793 г.—Нужно, чтобы злодеи, разрушившие Францию, эти мятежники, нарушившие покой Европы, эти чудовища, убившие короля, исчезли с лица земли». Граф Флакслянден прибавил: «Я думаю, что до тех пор, пока не будет перебит весь состав Конвента, сопротивление будет длиться». Это было общее мнение всех эмигрантов. «Их разговоры ужасны,—говорил секретарь прусского короля Ломбар, сопровождавший их во время похода в Аргонны,—если предоставить им свободу и возможность, Франция очень скоро будет превращена в страшное кладбище».

Революционеры наносили удары, чтобы самим их не получать. Они находились в состоянии законной обороны. Но они защищали не только свои идеи, себя самих и свое добро,—они одновременно защищали и страну. Жозеф де-Местр, один из выдающихся роялистов, вынес эмигрантам и шуанам следующий безапелляционный приговор: «Чего хотели роялисты, когда они добивались реставрации посредством вооруженной силы? Они добивались завоевания Франции, они хотели разделить страну, уничтожить ее влияние».

Будет ли нескромным пожелание нашим историкам-республиканцам быть такими же справедливыми к революции и к революционерам, как роялист Жозеф де-Местр?

VII

ДЕПУТАТЫ В АРМИИ

26 января 1792 г. маршал Рошамбо, командовавший Северной армией, обратился к Законодательному Собранию с письмом, в котором просил предоставить в его распоряжение трех депутатов, военные таланты коих будут для него весьма полезны: полковника Матье Дюма, полковника Крюблие д'Оптера и полковника Даверуля. После долгих дебатов Конвент отклонил просьбу маршала по принципиальным мотивам и по мотивам практическим.

Умеренный депутат Беньо, ставший впоследствии префектом империи и министром Людовика XVIII, заявил, что депутаты получили свои мандаты от своих избирателей и что Конвент не в праве лишать их возможности выполнять эти мандаты. Он добавил, что совместительство военных и законодательных функций даст в руки Исполнительному Совету мощное средство соблазна, которое сможет скомпрометировать достоинство и независимость народного представительства. «Если вы считаете возможным принятие сделанного вам предложения, вы этим открываете двери для новых подобных предложений, и тогда может получиться, что народное собрание станет средством обогащения и удовлетворения честолюбий, в то время когда оно должно быть только средством славы и форумом честности». И действительно, ясно, что мобилизованный депутат, получающий чины и награды, не может быть более свободным и независимым по отношению к той власти, которая ему эти чины и награды дает.

Речь Беньо была встречена аплодисментами. Матье Дюма, который хотел было откликнуться на призыв маршала Рошамбо, вынужден был воздать должное «незыблемости поставленных принципов». Он хотел обойти это затруднение, прося у Конвента отпуска.

Это его предложение было встречено неодобрительно, и его просьба об отпуске была переслана Военному комитету.

Четыре дня спустя Шудье от имени Комитета отклонил просьбу Дюма в мотивированном докладе. «Одним из основных принципов конституции,—сказал он,—является то, что власть должна быть разделена. Другой, не менее важный принцип заключается в том, что законодатель должен быть абсолютно независим от всякой власти и, жертвуя своим честолюбием во имя блага народа, он должен забыть себя, не видя за пределами своей деятельности никакого вознаграждения». Еще более, нежели функции административные и юридические, военные функции несовместимы с законодательными, «так как военный находится в непосредственной зависимости от исполнительной власти». «И как сможете вы связать принцип ответственности с депутатской неприкосновенностью, которая сопровождает повсюду законодателя? Будьте осторожны и не вводите в нашу армию привилегированных лиц, которые не будут, как другие, подчинены военной дисциплине». Это было не только в интересах независимости народного представительства, но и в интересах самой армии. Депутат-солдат остается депутатом. Он не может быть таким же солдатом, как другие, и его присутствие в рядах армии может быть лишь помехой для командования.

Шудье остановился подробно на опасности цезаризма, которого опасались все революционеры: что станет со свободой, если какой-нибудь армейский генерал, который одновременно будет и депутатом, сможет взойти на трибуну и от имени победившей армии представить свои пожелания, которые фактически будут приказами?

Он привел еще одно соображение: «Депутат не принадлежит Национальному Собранию, он принадлежит народу, который делегировал его, и народ имеет право требовать от него, чтобы он занимался его

делами. Лицу, облеченному депутатским мандатом, не принадлежит право решать, на каком посту он может принести больше пользы своим избирателям; этот вопрос решил сам народ пославший своего представителя в Законодательное Собрание. В свободной стране всякий пост, подлежащий народному выбору, должен рассматриваться как общественная должность, созданная народом и для народа и не подлежащая отмене никакой властью».

После непродолжительных прений Конвент согласился с мнением Шудье. Он отклонил ходатайство Матье Дюма об отпуске и отказался обсуждать письмо маршала Рошамбо. 27 августа 1792 г., когда депутат Обер-Дюбае, в свою очередь, обратился с ходатайством об отпуске для того, чтобы отправиться в Новый Бризак для принятия командования полком, Конвент отказал ему в этом. Депутаты, которые все-таки хотели служить в армии, как Даверуль, должны были отказаться от депутатского звания.

Конвент строго придерживался правила, выработанного Законодательным Собранием. Депутаты, отправлявшиеся в армию с целью наблюдения, представляли народную власть. Они не имели над собой никакой другой власти, кроме Национального Собрания. Они таким образом делали гораздо более полезное дело, чем если бы они были в рядах армии. Их «наблюдающее око» было повсюду, они следили за точным и строгим исполнением законов и приказов Комитета Общественного Спасения. Но многие из них принимали участие и в боях наравне со всеми солдатами. Депутат Фабр погиб, защищая последним батарею Пиренейской армии. Он был единственным павшим с оружием в руках.

Но, к счастью для Франции, он не был единственным, чтобы подавать пример гражданского мужества, которое в известные моменты также необходимо и, быть-может, еще более редко, нежели мужество военное.

VIII

ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ

Мишлэ немного преувеличивал, когда писал, что женщины находились в авангарде революции. Он думал о мадам Ролан, которая была министром внутренних дел под именем своего мужа; о мадам де-Сталь, о мадам де-Кондорсэ, политические салоны которых сыграли большую роль. Он думал о буржуазных женщинах, которые собирались в специальных клубах для обсуждения общественных вопросов; он думал о женщинах из народа, которые 5 и 6 октября 1789 г. пошли на Версаль и привели оттуда короля, королеву и наследника. Он думал также о тех героинях, которые вступали в армию и в более ограниченных рамках выказали мужество Жанны д'Арк и Жанны Ашетт.

Война еще не началась, когда делегация парижских женщин обратилась в Законодательное Собрание (6 марта 1792 г.) с просьбой о разрешении образовать женский батальон, который будет проходить военный строй под командой национальных гвардейцев по праздничным и воскресным дням на Марсовом поле. Законодательное Собрание очень любезно приняло делегацию, но не приняло всерьез предложения. Но женщины этим не были обескуражены. Когда страна была объявлена в опасности, многие из них, переодетые мужчинами, поступали в добровольческие батальоны, часто с ведома самих властей. Сестры Ферниг, дочери муниципального секретаря коммуны Мортань, в Северном департаменте, поступили в батальон, находившийся в лагере Мольд. Генерал Дюмурье заметил их и назначил их ординарцами при своем штабе. Они проделали с ним весь поход в Бельгию и отличились при Жемаппе. Когда их дом был разрушен австрийцами, Конвент декретировал 15 ноября 1792 г., что он будет отстроен за счет

республики. Немного позже сестры Ферниг снова отличились при Неервиндене, где они вернули в бой часть убегавших солдат из бригады Шанселя. Они омрачили, однако, свою славу тем, что последовали за Дюмурье в его измене.

Молодая артистка Екатерина Пошета, двадцати двух лет, 2 августа 1792 г. поступила в батальон «Красных ребят» в Париже. Фельдмаршал Дампьер удостоверил 8 декабря 1792 г., что она вела себя «в высшей степени достойно» в сражениях под Боссю и Жемаппом, где она находилась при орудиях в качестве канонирки. Она была произведена в первый офицерский чин, и Конвент разрешил ей пенсию в 300 ливров. Она много раз была ранена, и в одном из боев лошадь под нею была убита.

Три женщины из Манта: Мария Савоно, Мадлэн Мансо и Мария Тротэ, после долгих хлопот поступили в добровольческие батальоны в марте 1793 г., в момент мобилизации 300.000 человек. Муниципалитеты их коммун отказались вначале дать свое согласие на их вступление в армию, но окружной совет из Сен-Калэ принял их, мотивировав свое решение следующими любопытными соображениями: «Принимая во внимание, что храбрость встречается среди женщин так же, как и среди мужчин, что и те и другие могут претендовать на долг и право притти на помощь родине и пожертвовать собой для нее... Принимая во внимание, что Мария Савоно ведет весьма образцовый образ жизни, что до нынешнего дня ее поведение было безупречно, что она ежедневно занималась и занимается мужской работой...» Департамент Сарта предложил ставить этих героинь в пример, и бывший член Учредительного Собрания Ливрэ на свой счет обмундировал одну из них.

Варвара Паран, дочь бондаря из Валансьена, в августе 1792 г. поступила в 9-й батальон, проделала в армии Дюмурье первый поход в Бельгию, служила затем в 139-й полубригаде Рейнской армии и получила пенсию в 300 ливров, которую Конвент решил выдавать ей в награду «за ее старательность, храбрость и скромность, благодаря которым она заслужила уважение и любовь начальников и товарищей».

Эти героини были незамужние. Они взялись за оружие исключительно из любви к родине или в поисках приключений. Другие женщины, не менее храбрые, поступали в армию из любви к своим мужьям. Мадам де-Солан, жена гусарского капитана в Арденнах, переодетая офицером, никогда не оставляла своего мужа, храбро шла в конные атаки, «целясь прямой саблей в лицо, так как сомневалась в силе своего удара». Роза Баро, которая называла себя «Свободой Баро», девятнадцати лет отроду служила в гренадерах вместе со своим мужем Франсуа Лераком во 2-м батальоне департамента Тарны в Пиренейской армии. Депутаты Лефио и Монестье сообщили Конвенту о ее храбрости. 13 июля 1793 г. во время атаки одной позиции, занятой испанцами, «Эта героиня, которая по справедливости может затмить ту Деву, имя которой стало известно благодаря презренной любви королей,—говорят депутаты,—много способствовала поддержанию храбрости среди солдат. Ее муж упал рядом с ней раненый. Она помогла поднять его и хотела унести его с поля сражения. Это сделали ее товарищи по оружию. Она же, взяв патроны, находившиеся в патронташе мужа, продолжала участвовать в бешеной атаке против неприятеля до самого конца». В очищенную от неприятеля позицию она вошла третьей. Роза Буйон, жена Жюльена Анри, оставила своих двух детей на попечении своей матери и последовала за мужем в Мозельскую армию. Ее муж был убит рядом с ней. Протоколы Конвента сохранили имена нескольких десятков этих героинь, которых Народное Собрание вознаградило пенсией и знаками отличия.

Увлеченный общим течением, Конвент 8 марта 1793 г. отменил старый закон 1788 г. запрещавший офицерам, унтер-офицерам и солдатам вступать в брак

без разрешения высшего начальства. Он не замедлил раскаяться в своей поспешности. Количество браков стало принимать баснословные размеры. 17 марта инспектор артиллерии Ростен писал об этом в письме: «Мероприятия Конвента имели, несомненно, целью способствовать размножению, допуская неограниченную свободу браков в армии. Эта цель достигнута. Гражданин Шапель, новый командир батальона 2-го артиллерийского полка, сообщил мне на-днях, что в настоящее время имеется больше двадцати женатых унтер-офицеров или солдат в каждой роте. Это составляет, в общем, четыреста браков, и я знаю, что некоторые из жен имели уже до этого двух детей. Я воздерживаюсь от всяких комментариев по этому поводу, потому что знаю, что вы обратите на это внимание». Членам Конвента, находившимся в командировке, приходилось выслушивать многочисленные жалобы. Карно и Дюкенуа писали 20 февраля 1793 г., что в армии, квартирующей в Бельгии, имеется столько же женщин, сколько и мужчин. Они заполняли казармы и биваки, «они нервировали солдат и истребляли приносимыми ими болезнями в десять раз больше людей, чем неприятельские пули». Делакруа 22 марта упрекал их в том, что они занимают большое количество обозных телег, предназначенных для багажа и провианта. Все эти жалобы были приведены депутатом Пультье в докладе, который он сделал Конвенту 30 апреля 1793 г. Большое количество женщин причиняло много затруднений и опасностей при переходах и отступлениях. Они были причиной бесконечных споров и сеяли панику в лагерях. Пультье приписывал им отчасти весенние поражения 1793 года: «Дюмурье в своей свите таскал за собой любовниц, певиц, комедианток, и его штаб имел много сходства с гаремом какого-нибудь визиря. Эта зараза коснулась офицеров и солдат, и генерал не мог помешать другим делать то, что он делал сам». Конвент постановил предписать генералам очистить в течение восьми дней

армию от бесполезных женщин. Могли быть лишь оставлены на каждый батальон по четыре прачки со специального разрешения корпусного командира. Все замужние женщины, в том числе и жены генералов, должны были немедленно оставить армию. Обозными телегами могли пользоваться только женщины, имевшие на то специальное разрешение.

Но зло пустило слишком глубокие корни, чтобы быть сразу вырванным. В самый разгар террора этот декрет был нарушен теми, кому поручено было провести его в жизнь. Представители Конвента в Западной армии вынуждены были принять энергичные меры, чтоб выслать всех женщин, вернувшихся в большом количестве обратно в эту армию. Во время дебатов в Конвенте по этому вопросу депутат Ромм жаловался, что в Северной армии осталось большое количество женщин, вредно действующих на солдат, «не способных, поэтому, энергично служить республике». Депутат Мерлен предложил заключить в тюрьму тех женщин, которые после объявления декрета снова вернутся в армию. Депутат Бурдон обвинял генералов, которые давали пример нарушения закона: «Ко мне и к моему коллеге Гупило пришел генерал Росиньоль в сопровождении женщины, одетой в форму адъютанта. Начнем с наказания генералов». Конвент вотировал новый декрет. Женщины, которые вопреки закону останутся в армии, будут переданы в распоряжение исправительной полиции. Генералы и корпусные командиры, которые окажутся виновными в нарушении закона или в недостаточном его соблюдении, будут лишены своих постов и рассматриваться как подозрительные. Наконец, сами народные представители, виновные в нарушении декрета, будут отозваны из командировок.

Наши предки были менее послушны закону, нежели мы. Наши солдаты-участники последней войны не видели своих жен в течение года. Во время революции добродетель санкюлотов была менее суровая. Второй

декрет, касавшийся женщин, был выполнен не лучше, нежели первый. Женщины, благодаря соучастию начальников, находили способы оставаться в армии в значительном количестве. В январе и феврале 1794 г. Комитет Общественного Спасения вынужден был снова напомнить представителям Конвента Западной армии: «Женщины, граждане коллеги, в большом числе следуют за Западной армией. Они нервируют солдат и вносят разврат. Некоторые из них служат шпионами у неприятеля и сообщают ему о передвижениях наших войск... Обратите же возможно скорее внимание на зло, которое противоречит нашим принципам и добрым нравам. Солдат должен видеть только свое оружие и неприятеля; все, что может развлечь его, должно быть устранено».

Я не знаю, как выполнялось это предписание, но, принимая во внимание частые повторения подобных предписаний, приходится думать, что оно наталкивалось на противодействие если не со стороны общественного мнения, то, во всяком случае, со стороны армии.

Присутствие женщин есть одна из характерных черт революционной армии.

IX

МОБИЛИЗАЦИЯ УЧЕНЫХ ВО II ГОДУ [1])

В современных войнах народы сражаются не только силой своих армий, они борются всем своим существом, массой своего населения, которое питает действующие войска, мощью своего земледелия, торговли и промышленности, которые дают возможность кормить, одевать и снабжать армию, своей золотой наличностью, позволяющей покупать за границей те продукты, которых

[1]) Этот очерк первоначально был напечатан в «Revue de Paris» от 1 декабря 1917 года.

не производит родная земля; и прежде всего они борются мозгами той избранной группы, которая управляет движением огромной машины, усовершенствует ее механизм, изобретает, преобразует и комбинирует. Победа свидетельствует об интеллектуальном превосходстве и научной силе в такой же мере и даже в большей, как о превосходстве материальном и физической силе. Эта истина, кажущаяся нам теперь очевидной, блестяще оправдалась в войнах Революции.

Наши отцы знали, что они могли одержать победу над врагами, только превосходя их в науке, как и в богатстве и промышленности. 5 июня 1793 г. химик Гассенфратц представил Конвенту группу ученых и изобретателей, объединенных в обществе Лицея Искусств (Lycée des Arts), и сказал: «Военное искусство достигло такой степени совершенства, что тот, у кого сохранился последний экю, одержит и конечную победу... Усиливайте, усовершенствуйте французскую промышленность, и вы сделаете жителей свободной страны самыми сильными, самыми богатыми и благоденствующими в Европе». Возвращаясь к этому вопросу, Гассенфратц снова повторял Конвенту 21 июня: «Страна становится сильной в такой же мере благодаря промышленности ее граждан, как и благодаря их мужеству, и степень ее силы измеряется степенью ее богатства» [1]). Но, поскольку промышленное богатство все более и более становится результатом практического приложения научных знаний,—в конечном счете именно наука определяет живую силу нации.

К концу XVIII века Франция была несомненно наиболее передовой научной страной в мире. Достаточно упомянуть в математике имена Лапласа и Лагранжа, Монжа, Фурье, Карно; в естествознании—имена Бюффона, Добентона, Ласепеда и Ламарка; в химии—имена Лавуазье и его учеников Бертолле, Монжа, Фуркруа, Гюнтона де Морво, Гассенфратца, Шантаня.

[1]) Парламентские архивы.

Первый воздушный шар, первый монгольфьер, наполненный горячим воздухом, поднялся в Анноне 5 июня 1783 г. Месяцем позже физик Шарль пустил в Париже, с Марсова поля, первый шар, наполненный водородом, и вскоре после этого Пилатр де Розье совершил первое воздушное путешествие.

Теперь, когда мы с детства живем среди чудес науки, нам трудно представить себе то впечатление, какое производили на наших предков изобретения конца XVIII века. «Представьте себе жену маршала Вильруа,—пишет Франсуа Араго [1]),—больную восьмидесятилетнюю женщину; ее почти насильно подводят к одному из окон в Тюильри, потому что она не верит в воздушные шары. Шар, тем не менее, освобождается от своих оков... Шарль, сидя в корзине, весело приветствует публику и затем величественно поднимается в воздух. И внезапно, переходя от полного неверия к безграничной вере в мощь человеческого разума, старая женщина падает на колени и со слезами на глазах роняет печальные слова: «Да, теперь в этом нет сомнений, они найдут секрет вечной жизни, и это будет тогда, когда меня не будет в живых».

Никогда наука не была так популярна, так уважаема, так лелеема, как в эти прекрасные годы, когда старый мир под звуки песен сам рыл свою могилу. Светские красавицы посещали лаборатории, присутствовали при опытах, абонировались на научные лекции, венчали победителей научных турниров. Откупщики податей покупали отражательные печи и колбы и пытались проникнуть в тайны природы. Вельможи основывали премии для вознаграждения изобретателей. Точные науки еще не преподавались в общих образовательных учреждениях, но они нашли уже свою публику, элегантную и избранную, среди тех светских людей, которые объединялись вокруг свободных кафедр Лицея, Лицея Искусств, Филоматического общества. Газеты печатали программы курсов этих научных обществ, число которых все росло; они давали подробные отчеты об их заседаниях, они доставляли бесплатную рекламу всем изобретениям, большим и малым. По поводу возобновления курса, читанного в Лицее Фуркруа, «Moniteur» посвятил в номере от 10 февраля 1790 г. лирическую страницу прогрессу химии:

«Она не ограничивается, как прежде, изготовлением медикаментов и объяснением хода нескольких процессов. Теперь она занимается великими явлениями природы... Она спускается в мастерские, просвещает работников, служит усовершенствованию полезных искусств. Число людей, изучающих ее, гораздо более велико, чем прежде... Она дает промышленникам много счастливых практических указаний, процессов столь же разнообразных, сколь выгодных...». Эта лирика была искренней и законной! Ученые того времени, доставившие решительные победы теоретической науке, не считали позорным лично заботиться о практических приложениях своих исследований. Напротив! Благодаря этому они приобрели значительный вес в общественном мнении.

Великий Лавуазье усовершенствовал методы изготовления селитры и пороха. В 1777 г. он основал первые искусственные селитряницы, а в 1778 г. он произвел в Эссоне первые опыты изготовления пороха с с помощью хлористого поташа. Он писал мемуары об освещении Парижа, о тюрьмах, об управлении аэростатами; в своем имении в Фрешин (в Блезда) он производил опыты введения рационального земледелия и т. п.

Натуралист Добентон, преемник Бюффона в ботаническом саду, посвятил все свои усилия попыткам улучшить во Франции породу испанских баранов и любил называть себя пастухом Добентоном [1]).

[1]) «Элогия Карно», Собрание сочинений, т. 1, стр. 523.

[1]) О контр-революционной легенде, основанной на этом выражении см. статью Ж. Гильома в журнале «La Révolution françafse», т. XLII и статью Доманже в «Annales révolutionnaires» за январь 1917 г.

Шанталь, занимавший в Монпелье кафедру химии, специально основанную для него Штатами Лангедока, управлял в то же время, в самом Монпелье, первым крупным заводом химических продуктов, какой существовал в нашей стране.

Бертолле, врач по профессии, выпустил в свет в 1789 г. свой труд «Очерки о природе воздуха и способах его приготовления», а в 1791 г. «Элементы искусства крашения». Он начал свои исследования над отбелкой хлором в промежуток между 1785 и 1786 годами.

Фуркруа, который занимал с 1784 г. кафедру химии, основанную в Королевском саду, заложил основы химии животных и растительных продуктов своими анализами молока, крови, желчи, слез, млечного сока, злаков и т. п.

Математик и физик Жак-Константин Перье, член Академии Наук, управлял первым большим металлургическим заводом в Шайо. Из его мастерских вышли первые «огневые насосы», т.-е. первые паровые машины, поднимавшие воду в наших рудниках и приводившие в движение колеса наших мануфактур.

Замечательно, что никто из людей науки не перешел на сторону контр-революции. Никто не эмигрировал. Все приветствовали падение старого режима. Многие приняли активное участие в политической жизни. Некоторые—и притом наиболее знаменитые—участвовали в работе великого собрания, которое организовало победу.

Общеизвестна славная роль математика Карно в Комитете общественного спасения. Его защитники утверждали, будто он ограничивался своей военной областью и оставался чужд трагической борьбе партий. Олар разрушил эту легенду, которую был вынужден пустить в обращение сам Карно, чтобы избавиться от мести термидорианцев. Нужно ли напоминать, что в области математики и механики Карно был гениальным изобретателем? Некоторые теоремы навсегда сохранили его имя. Его «Essai des machines» («Опыт о машинах»), вышедший в 1785 г., тотчас же доставил ему известность в ученом мире.

Монж, создатель начертательной геометрии, член Академии Наук, в тридцать четыре года, был профессором Карно в инженерной школе в Мезьере. Он отдался Революции со всем бешеным энтузиазмом своего темперамента бургондца и сына народа (его отец был носильщиком в Боне). Когда Людовик XVI был 10 августа низложен, Монж вошел вместе с Дантоном во временный Исполнительный Совет. Он руководил до середины 1793 г. морским министерством. Он был пламенным якобинцем и подвергся после термидора преследованиям, как сторонник Робеспьера. Из всех профессоров Нормальной школы он один называл своих учеников на «ты» в разгар термидорианской реакции, как это было принято в 1793 г.

Химик Фуркруа был, как и Монж, воинствующим якобинцем. Уже 25 апреля 1792 г., спустя пять дней после объявления войны, он предложил Академии Наук последовать примеру медицинского общества, которое вычеркнуло из своих списков имена тех членов, которые эмигрировали или были заподозрены в гражданской неблагонадежности [1]). Он был избран кандидатом в Конвент избирательной коллегией Парижа и занял место на Горе после смерти Марата. 14 брюмера II года он принял участие в чистке научного общества Лицея, которое приняло с тех пор наименование Республиканского Лицея [2]). Секретарь Конвента в октябре 1723 г., в декабре он был председателем якобинцев в период больших битв между гебертистами и дантонистами.

Гюитон де Морво, земляк Монжа, был не только выдающимся химиком, но и энциклопедически образованным мыслителем, который проявлял необычайный

[1]) Гримо: «Лавуазье», стр. 226.
[2]) Там же, стр. 267.

интерес к самым разнообразным областям науки. Будучи до 1789 г. генеральным адвокатом Дижонского парламента, он прославился как юрисконсульт и как натуралист. Он пытался решить задачу об управлении аэростатами. Он писал не лишенные достоинств стихи и эпопеи, что не помешало ему сотрудничать с Лавуазье в работе над «Nomenclature chimique» («Химическая номенклатура») и написал «Essais de physique» («Опыты по физике») и «Dictionnaire de chimie» («Химический словарь»). Он также пламенно бросился в политику. Вместе с Барером он основал якобинский клуб в Дижоне. Как депутат от Кот-д'Ор, он председательствовал в Законодательном Собрании, голосовал за казнь короля и вошел в первый Комитет Общественного Спасения.

Эти люди играли первые роли в общественной жизни страны. Другие тоже,—хотя и в меньшей степени,—не колеблясь оказывали помощь делу якобинских клубов. Математик Жозеф Фурье, сын скромного портного в Оксерре, который вначале—совсем молодым—преподавал в военной школе своего родного города и который написал в 1789 г. свой знаменитый мемуар о решении численных уравнений, произвел «почти неотразимое впечатление» на якобинцев Нонны. «Однажды,—рассказывает Франсуа Араго,—по случаю мобилизации 300.000 человек он так красноречиво говорил о чести, родине, о славе и вызвал такой прилив добровольцев, что жеребьевка стала ненужной. Под влиянием оратора из среды самого собрания мгновенно выделился и объединился необходимый, назначенный округу Нонны контингент, который тут же направился к границам» [1]).

Инженер и архитектор Дюфуркуа де Валье, который сменил Лавуазье в управлении пороховыми заводами, был основателем клуба Кордельеров. Наряду с Дантоном он играл первостепенную роль в великие дни 10 августа и 31 мая. Не было никого, кто был бы более предан якобинцам, чем он.

[1]) Франсуа Араго, заметка о Фурье в Собрании сочинений, т. I, стр. 306

Химик Гассенфратц, бывший в свое время учителем Лавуазье, был правой рукой Паша и Бушотта в военном министерстве. Он прочитал с трибуны Конвента, 1 июня 1793 г., петицию парижских секций об аресте двадцати двух жирондистов. После якобинского восстания 1 прериаля III года он был обезоружен, как сторонник террора.

Даже сам осторожный Шапталь принял участие в политической борьбе, составляя памфлеты. Когда зимой 1792 г. Шапталь прибыл в Париж, он был снабжен письмом друга Робеспьера, банкира Эзуана из Монпелье, в котором последний писал Робеспьеру: «Я не рекомендую вам Шапталя, он в этом не нуждается. Вы будете очарованы этим знакомством и найдете в нем литератора, ученого и прежде всего превосходного патриота» [1]).

Конечно, не все ученые до конца последовали за революцией в ее стремительном беге. Были такие, которые остановились на полпути и которых она сломила.

Эд. Гримо отметил, что никто из ученых той эпохи, которые были сотрудниками, учениками и друзьями Лавуазье, не вмешался в его защиту, когда он был вместе с откупщиками податей предан революционному трибуналу. Ни Монж, ни Гассенфратц, ни Гюитон де Морво, ни Фуркруа не пошевелились.

Необдуманные слова: «Республике не нужны ученые», которые приписывают одному из судей великого химика (по мнению одних, их произнес Коффиналь, по мнению других—Дюма), вероятно никогда не были произнесены [2]). Конечно, ни Коффиналь, ни Дюма не

[1]) Письмо Эгуана Робеспьеру от 1 декабря 1792 г., см. мою книгу «Антуан Робеспьер».

[2]) Смотри доказательство этого у Гильома («Révolution française», т. XXXVIII).

принадлежали к числу избранных умов, но все революционеры, даже самые скромные, питали уважение, больше того, культ науки. Все они знали о тех неоцененных услугах, какие наука оказывала каждый день делу национальной обороны. Если четырнадцать армий Карно сумели одержать победу, то только потому, что наука, в частности химия, которая была в ту пору чисто французским созданием, дала им средства для этого. Научная Франция в такой же мере, как и Франция военная, не может быть во II году отделена от Франции политической, коротко говоря, просто от Франции. Одна и та же Франция и в одном и том же порыве вела борьбу и в лабораториях, и в клубах, и на полях сражений.

* * *

Когда в разгар великих опасностей, в августе 1793 г., был объявлен массовый призыв, всеобщая мобилизация, не было ничего, чтобы вооружить, одеть, снабдить 500.000 рекрутов первого набора. Арсеналы были пусты. Сырья не хватало. Английские, испанские и голландские крейсера, господствующие на море, сжимали наши берега в тесном кольце блокады. Раньше мы покупали сталь в Швеции, в Англии и в Германии. Искусство изготовления ее не было известно нашим металлургам. Селитра прибывала к нам из Индии. Нужно было все создать заново, сымпровизировать в течение нескольких недель, добыть и орудия и сырье. Комитет Общественного Спасения прежде всего обратился за помощью к ученым. Он призвал Монжа, Бертолле, Фуркруа, Перье, Гассенфратца, Вандермонда и др. и просил у них совета. Эти ученые, пылавшие патриотизмом, ответили с радостным энтузиазмом на призыв, обращенный к ним. Фуркруа нашел способ выделения меди из колокольной бронзы. Монж написал чудесное руководство об Искусстве изготовления пушек, которое стало настольной книгой

всех металлургов. В сотрудничестве с Вандермондом и Бертолле он написал «Avis aux ouvriers en fer» («Памятку металлиста»), практическое руководство, в котором излагались способы быстро и экономно изготовлять сталь любого качества. Прежние литейные мастерские, где изготовлялись пушки, работали медленно, потому что они применяли способ формовки в земле. Монж посоветовал заменить ее гораздо более продуктивной формовкой в песке. Он усовершенствовал способы высверливания и обточки орудий сейчас же после отливки.

Комитет предоставил в распоряжение ученых Малый Медонский замок с прилегающим парком, который служил опытным участком (постановление от 20 октября 1793 г.).

Мобилизованные ученые не заперлись в своих лабораториях; они посещали заводы, на месте организовывали их. 12 сентября 1793 г. специальным постановлением Комитет Общественного Спасения поручал Вандермонду отправиться на завод холодного оружия в Клингенталь (в Эльзасе), чтобы обследовать во всех деталях процесс изготовления сабель и штыков и написать специальное руководство для инструктирования рабочих, которые раньше делали только пики.

По своем возвращении из Клингенталя Вандермонд был назначен генеральным инспектором всех фабрик, «чтобы,—говорит постановление,—изучить и указать рабочим и предпринимателям все ошибки, какие они допускают, и способы их исправления». Он получил право посещать все заводы и обследовать их во всех частях, «чтобы представлять Комитету Общественного Спасения доклады и о состоянии работ и о возможных усовершенствованиях». Это и значило осуществить сотрудничество и тесное соподчинение завода и лаборатории, фабриканта и ученого.

Два дня спустя Вандермонд получил поручение обследовать мельницы Буше и Голана в округе Корбейль, чтобы выяснить возможность приспособления

их под завод для сверления и обточки ружей и под фабрику штыков. Комитет Общественного Спасения должен был вынести решение по этому поводу на основании его доклада. Еще раньше, 27 брюмера, Гассенфратц был назначен комиссаром Комитета Общественного Спасения при всех оружейных заводах. Люди, стоявшие в ту пору у власти, относились к ученым с полным доверием. Без их совета они не делали ни одного шага в области промышленности. Они привлекали их непосредственно к своей работе. Сталеварительные и литейные заводы, фабрики сабель и ружей были созданы во всех подходящих помещениях. Армия получила оружие, но боевых средств не хватало. Гош писал 11 фримера (1 декабря) 1793 г. Бушотту, что Мозельская армия должна была отступить у Кайзерлаутерна из-за недостатка пороха; к этому он прибавил, что до получения достаточных запасов огневых средств он будет вынужден ограничиваться обороной.

Порох в ту пору готовился из селитры в количестве 75 частей на 100, серы—в количестве 12,5 частей на 100 и такого же количества древесного угля. Прежнее пороховое управление, под влиянием Лавуазье, сделало попытку освободиться от налога, который оно платило Индии за селитру, но не достигло еще этой цели. Оно довело добычу селитры во Франции до 3.770.000 фунтов в 1788 г., но не сумело удержать ее на этом уровне в последующие годы [1]). Во II году армия требовала 20 миллионов фунтов селитры, которые к тому же было необходимо достать в кратчайший срок. Где добыть те 17 миллионов фунтов, которых не могло достать управление? Комитет Общественного Спасения обратился к ученым. Монж, не колеблясь, ответил на этот вопрос, что почва Франции заключает селитру в количестве более, чем достаточном. Нужно было начать добывать ее во всех конюшнях, во всех погребах, во всех подвалах, во всех низких

[1]) Гримо, стр. 89.

и влажных местах. Один лишь департамент Индры и Луары мог добыть несколько миллионов фунтов селитры в известковых туфах, окаймляющих Луару. «Пусть нам дадут только селитряную землю,—сказал Монж,—и через три дня мы зарядим ею пушки» [1]). Чиновники из порохового управления улыбались, но Комитет поверил слову ученых и выполнил свою программу.

Была составлена инструкция в виде листовки «для сведения тех граждан, которые пожелали бы сами добывать селитру» [2]). Эта листовка была разослана во все коммуны, и было приказано читать ее вслух под деревом свободы в течение трех декадисов [3]) под-ряд. В ней популяризовался процесс рафинирования селитры путем холодной промывки, изобретенный Боме в 1788 г. Трех бочек достаточно было, чтобы создать мастерскую. Их наполняли селитряной землей и в несколько приемов наливали туда воду. Затем щелочную воду выпаривали в медных чанах, реквизированных у пивоваров, на сахаро-рафинадных заводах и т. п. Поощряемые Комитетом, якобинцы взялись за это дело с энтузиазмом. Республика покрылась селитряными мастерскими так же, как она раньше покрывалась оружейными фабриками и заводами. Для руководства этим обширным движением, охватившим всю Францию, были назначены из числа химиков восемь инспекторов [4]).

Вскелену было поручено наблюдение за Туренью и Пуату, Шапталю—за всем Юго-Востоком, от Вара до Ло.

Химики представляли собой только генеральный штаб. Нужно было создать еще младший командный

[1]) Слова, приводимые Франсуа Араго в его заметке о Монже (Собрание сочинений, т. II, стр. 467).

[2]) Постановление от 4 нивоза (24 декабря) 1793 г.

[3]) По революционному календарю месяц делился не на недели, а на 3 декады (десятидневка). Декадис—десятый день декады (Перев.).

[4]) Постановление от 4 нивоза (24 декабря) 1793 г.

состав для руководства мастерскими. К каждому из восьми инспекторов по пороховому и селитряному делу были прикомандированы по два молодых человека, которых они сами себе попутно подготовили. Но этого было недостаточно. 14 плювиоза Комитет Общественного Спасения принял смелое, революционное решение. Он решил создать к 1 вентоза оружейную школу (Ecole des armes), которая в течение месяца должна была подготовить 1.200 агентов, способных руководить изготовлением селитры, пороха и оружия. Каждый округ получил приказание выделить двух артиллеристов из национальной гвардии, в возрасте от 25 до 30 лет, «здоровых, понятливых и привычных к труду», и отправить их немедленно в столицу. Они получали жалованье в размере 3 ливров в день и бесплатное помещение. Школа открылась с большой торжественностью 1 вентоза, в присутствии делегаций от парижских областей и Конвента. Гюитон де Морво, Фуркруа, Дюфуркуа, Бертолле, Карни, Плювине поочередно излагали в амфитеатре Музея способы изготовления селитры и пороха. Гессенфратц, Монж и Перье читали в архиерейском подворьи лекции об изготовлении пушек. Каждый курс продолжался 10 дней, а всего их было три серии, начавшиеся 1, 10 и 20 вентоза. Каждый слушатель получил экземпляр технических инструкций, снабженных рисунками. Устное образование завершалось посещением заводов и практической демонстрацией приемов работы. Так, слушатели побывали в оружейно-литейной мастерской Перье и Брезена, на большом заводе по очистке селитры, который Конвент организовал в бывшем аббатстве Сен-Жермен-де-Пре и которым руководил химик Карни, и на огромном Гренельском пороховом заводе, который только что перешел под управление Шапталя. «Эти два заведения,—по словам Барера,—были каждое в своем роде лучшим, самым удивительным предприятием во Франции». Курсы закончились 30 вентоза большим праздником, в течение которого слушатели и их профессора явились в Конвент и поднесли ему селитру, очищенную ими, порох, ими изготовленный, и пушку, которую они во всех деталях сами соорудили. Они зарядили эту пушку и выстрелили из нее в самом Тюильрийском саду после ряда патриотических речей. Этот праздник селитры Барер назвал в своем докладе от 26 мессидора «одним из наиболее веселых и наиболее простых, одним из самых республиканских, какие когда-либо праздновались». В том же докладе он сообщает, что окончившие курс слушатели Оружейной школы были распределены по различным фабрикам Республики. Революционное управление пороховым и селитряным делом дало назначения большинству их; другая часть была направлена в литейные и на заводы.

Производство селитры начало быстро расти, начиная с месяца вентоза. В одном лишь Париже было свыше 60 мастерских, которые давали около 50.000 фунтов в декаду. Во всей же остальной Франции было свыше 6.000 функционирующих мастерских. Постановление Комитета Общественного Спасения, датированное 4 прериаля обязывало каждый округ доставлять не меньше 1.000 фунтов селитры в декаду. Большая центральная рафинировочная в Париже очищала в день до 30 тысяч фунтов селитры, тогда как самая крупная из прежних рафинировочных давала в 10 раз меньше.

Угрожала нехватка поташа, который входил в состав селитры, так как прежде его ввозили из-за границы, главным образом, из Испании. Комитет Общественного Спасения запросил ученых о способах преодолеть это новое затруднение. Химики решили, что можно заменить поташ содой в стекольном, щелочном и ряде других производств. Они изобрели способы добывать соду из морской соли и выпустили в мессидоре большой труд по этому вопросу. В то же время они пытались наладить производство поташа в больших размерах. Ясная и точная инструкция разъясняла населению процесс получения растительных щелочных

солей путем выщелачивания золы. Постановлением Комитета Общественного Спасения было предписано всем владельцам виноградных выжимок сушить и сжигать их по мере выхода из погребов или из прессов и добывать из них растительную щелочную соль, которая затем на селитряных заводах превращалась в поташ [1]). Химики Лицея Искусств соревновали друг с другом в этом деле. Они представляли Конвенту различные мемуары о способах получения поташа путем сжигания индийских каштанов или побегов сирени. «12½ унций золы индийских каштанов,—говорили они,—дают нам 9 унций твердой щелочи или поташа высшего качества. Таким образом, выход чистого продукта составляет почти ¾, и этот плод, который до сих пор считался самым бесполезным, является на самом деле одним из ценнейших даров нашей земли» [2]). При сжигании зрелых кистей сирени получается 75 фунтов поташа на 100 фунтов золы: «Не будем же терять ни одного мгновения,—с энтузиазмом восклицают они.—Украсим наши дороги каштановыми деревьями, а сады—сиренью; умножим количество этих благоуханных кустарников, и тогда случится, что в благодетельном царстве свободы наука, усыпая наш путь цветами, даст нам порох, чтобы поразить тиранов» [3]).

Чтобы собрать достаточное количество древесного угля, также необходимого для изготовления пороха, постановлением комиссии по делам об оружии и порохе, датированном 29-м вентоза II года, была объявлена реквизиция древесного угля, полученного из подходящих пород деревьев [4]). Национальные агенты в округах должны были следить за тем, чтобы рубка этих деревьев производилась должным образом. Можно было обрубать только ветви диаметром в 18 линий и больше. Дерево очищалось от коры, раскалывалось

[1]) Постановление от 1 вендемьера III года.
[2]) Заседание Конвента 21 фруктидора II года.
[3]) Заседание от 25 вендемьера III года.
[4]) Циркуляр, сохранившийся в архивах Дубса, L. 1044.

и связывалось в вязанки длиной в 5 футов и диаметром в 30 дюймов. Все эти вязанки собирались в главном центре Кантона, здесь сжигались, и пепел доставлялся на ближайший пороховой завод.

При прежних методах работы изготовление пороха шло очень медленно. Для смешения угля, селитры и серы их толкли в течение целого дня на особых мельницах с пестами. «Необходимы были сложные машины, изготовление которых было затруднительно и требовало длительного времени... Нужны были специальные здания, расположенные на берегах рек, чтобы можно было использовать силу их теснин; нужна была благоприятная погода и подходящее время года, чтобы можно было разложить порох для просушки в течение шести недель» (Барер). Здесь также наука сделала свое дело. Быстрые и новые—революционные—методы заменили прежнюю рутину. «Простые бочки,—говорит Франсуа Араго,—которые приводились во вращение людьми и в которых измельченные в порошок сера, уголь и селитра перемешивались медными шарами, заменили прежние мельницы». Вся операция требовала только трех часов времени. Она могла производиться повсюду и во всякую погоду. Гренельский пороховой завод, находившийся под руководством Шапталя, давал свыше 25 тысяч фунтов пороха в день; завод в Рино, вблизи Тура, давал 10 тысяч вместо тех трех, которые он производил прежде [1]).

Обильно снабженные порохом, армии могли весной начать наступление. Победы при Ватиньи и при Флерю были в такой же мере победами ученых, как и генералов. «Бельгия,—говорит Барер,—была завоевана революционным порохом, изготовленным неутомимыми санкюлотами». В день, когда пришло известие о битве при Флерю, рабочие Гренельского порохового завода пожелали работать несколько часов сверхурочно, чтобы

[1]) Речь Барера от 26 мессидора.

восстановить на складах то количество пороха, какое было израсходовано победителями.

Монж, по словам его биографа, был душой этого обширного, бессмертного трудового порыва. «Он господствовал над своими коллегами в силу того превосходства, какое дает живой энтузиазм, он увлекал их примером своей всепожирающей активности». Он проводил на заводах целые дни, уходя из дому с рассветом и беря с собой лишь кусок сухого хлеба. Однажды, когда его жена пожелала прибавить к этому кусок сыра, он сказал ей: «Право же, вы ввязываете меня в скверную историю; ведь я же рассказывал вам, что когда на прошлой неделе я проявил некоторое чревоугодие, мне пришлось выслушать, как депутат Ниу с загадочным видом говорил окружавшим его: «Монж перестает стесняться; глядите, он ест редиску!».

Ученые говорят, что нет ничего, что лучше бы формулировало идеи, чем точные цифры. Человек, который не любил революционеров, профессор Французского колледжа, физик Био, подвел итог тому вкладу, который внесла французская наука в дело национальной обороны в эпоху Террора [1]). Я привожу без изменений начало его заметки:

«12 миллионов фунтов селитры были извлечены из почвы Франции в течение девяти месяцев; раньше едва добывали 1 миллион фунтов в год.

15 функционирующих литейных заводов для изготовления бронзовых орудий, с годовой производительностью в 7.000 штук; до Революции во Франции было только два предприятия этого рода.

30 литейных заводов для железных орудий, дававших 13.000 пушек в год; к началу войны таких заводов было только 4, и они давали в год 900 орудий.

В такой же пропорции возросло производство снарядов и приборов для артиллерии.

[1]) Био—«Очерк общей истории науки в эпоху французской революции» (Париж, 1803 г.).

20 новых фабрик холодного оружия были основаны и велись на основании новых приемов работы; до войны была только одна такая фабрика.

В Париже была заново создана огромная фабрика огнестрельного оружия, дававшая 140.000 ружей в год, т.-е. больше, чем все прежние фабрики, вместе взятые. По тому же плану было организовано еще несколько предприятий того же рода в различных департаментах Республики.

118 мастерских для починки всякого рода оружия; до войны их было только 6.

Организация производства карабинов, оружия, производство которого не было раньше известно во Франции.

Способ восстанавливать каналы орудий, открытый и сейчас же усовершенствованный в такой степени, что его можно было применять на поле сражений...».

В этот баланс включено только то, что касается оружия в строгом смысле слова. Понятно, что, обозревая работу, проделанную Комитетом Общественного Спасения в течение года перед лицом гигантских трудностей, Барер мог произнести свою знаменитую фразу, которая стала почти пословицей: «Как будто не знали, что республиканец должен преодолевать все препятствия, что слово «невозможно» вычеркнуто из его словаря, что, начиная с 14 июля, Революция держится только сверхъестественными усилиями и чудесами и что те, кто не переставал твердить нам о препятствиях и трудностях, не рождены для завоевания свободы» [1]). Эта речь Барера была переведена на обычный язык таким упрощенным способом: «Слово невозможно—не французское слово». Барер же сказал: «Слово невозможно—не слово республиканца».

Ученые не только дали Республике то оружие, которое ей не хватало. Их изобретения охватили все нужды национальной обороны.

[1]) Речь от 26 мессидора.

Нужна была кожа, чтобы обуть 500.000 призванных. Существовавшие кожевенные заводы, с их дубильными ямами, не могли приготовлять кожу к нужным срокам. Фуркруа произвел исследования процесса дубления с целью найти способ ускорить его путем применения кислот, и эти исследования привели к открытию метода, позволявшего производить в течение нескольких дней те операции, которые раньше требовали нескольких лет.

Смола прежде получалась из северных стран. Химики научились добывать ее из морской сосны, которая растет на наших берегах.

Угрожала нехватка бумаги, которая потреблялась в огромном количестве. Лицей Искусств объявил конкурс на лучший способ использования старой бумаги, которая до тех пор выбрасывалась. Приз был присужден гражданке Массон в фримере II года. Комитет Общественного Спасения поручил Гассенфратцу и Пелльтье испытать и усовершенствовать это изобретение и составить инструкцию для популяризации его применения.

* * *

Но, несомненно, больше всего поразили воображение современников два изобретения—телеграф и военные аэростаты.

Уже накануне объявления войны, 22 марта 1792 г., на трибуну Законодательного Собрания явился аббат Клод Шапп, чтобы поднести ему изобретение, «которое позволит Собранию,—сказал он,—вести сношения с такой быстротой, что можно будет передать приказание на границу и получить оттуда ответ в течение одного и того же заседания». Испытание изобретения Шаппа, которое было в сущности усовершенствованием системы семафорных сигналов, применяющихся во флоте, было поручено Комитету общественного просвещения. В ожидании доклада Комитета, на что требовалось много времени, Шапп принялся за работу и установил

в Белльвиле сигнальный пост. Это было в критические дни первого нашествия. Местные жители решили, что изобретатель пытается установить связь с эмигрантами, и разрушили его аппараты. Шапп обратился 15 октября 1792 г. с протестом к Конвенту и просил у него защиты. Стоявшие у власти жирондисты ограничились тем, что вторично отослали его в Комитет общественного просвещения. Только 1 апреля 1793 г. математик Ромм [1]) прочитал свой доклад: «Гражданин Шапп,—сказал он,—предлагает чрезвычайно остроумный способ писать в воздухе, употребляя буквы, очень немногочисленные, простые, как прямая линия, из которой они состоят, резко отличающиеся друг от друга, быстро осуществляемые и различаемые на больших расстояниях. К этой первой части своего процесса он присоединяет стенографию (код) для применения в дипломатической корреспонденции... По этому способу депеша о взятии Брюсселя могла бы быть передана Конвенту и расшифрована в течение двадцати пяти минут».

Линия между Парижем и Лиллем была закончена в течение лета 1794 г. Первой новостью, которую телеграф принес Конвенту, было известие об отобрании нами Кенуа 28 термидора. По этому поводу Барер не преминул спеть карманьолу в честь телеграфа: «Благодаря этому изобретению расстояние между местами как бы исчезает: весь обмен корреспонденцией совершается с быстротой зрения, и легко понять, насколько это облегчает работу по управлению. Этот способ укрепляет единство Республики той быстрой и тесной связью, которой он охватывает все ее части. В случае осады мы будем знать, что делается в Лилле, и сумеет передавать декреты Национального Конвента, при чем враги не сумеют узнать их и помешать их передаче. Современные народы, благодаря типографскому искусству, благодаря компасу и благо-

[1]) Член Академии Наук и Конвента.

даря языку телеграфных знаков, разрушили важнейшие препятствия, мешавшие цивилизации и объединению людей в крупные республики. Таким-то образом науки и искусства спасают свободу» [1]).

Применение воздушных шаров в армии в качестве наблюдательных постов по времени точно совпадает с изобретением семафорного телеграфа. Идею эту пустил в обращение Гюитон де Морво, который давно уже интересовался воздухоплаванием [2]). Войдя в первый Комитет Общественного Спасения, он предложил своим коллегам снабдить армии привязными шарами.

13 жерминаля II года Кутелль был назначен капитаном инженерных войск. Он получил двенадцать солдат, которые образовали первую воздухоплавательную роту. Комитет заставил разыскать в бумагах генерала Менье, убитого при Майенсе, рукописный мемуар о преимуществах военных воздушных шаров [3]). Гюитон велел доставить в Париж две корзины, которыми он пользовался при своих опытах в Дижоне. В Лионе была изготовлена неизвестная раньше легкая и прочная шелковая ткань, из которой была сделана оболочка нового аэростата. Все было готово к 1 флореаля. Кутелль и его аэронавты, под общим руководством Гюитона, прибыли в Любеж, и здесь наполнили свой шар, названный Дерзающим (l'Entreprenant), с помощью отражательной печи, которую они соорудили на месте. «Дерзающий» произвел огромное впечатление. Он следовал за армией в походе и парил 8 мессидора (26 июня) 1794 г. над равниной Флерю. «Из его корзины Кутелль и генерал Морио сбрасывали записки, привязанные к небольшим мешочкам с балластом, давая сообщение о ходе операций». На следующий день Гюитон писал Комитету: «Я имел удо-

[1]) Речь от 30 термидора II года.
[2]) См. «Воздухоплавательные войска первой Республики» от 10 апреля 1916 г.
[3]) П у ш е.—«Наука в эпоху террора».

вольствие видеть, что генералы настолько оценили применение шара, что сами поднимаются на нем для наблюдения. Вчера утром генерал Морио провел там два часа с биноклем в руке: он сбросил два донесения, которые немедленно были доставлены главнокомандующему, и он убежден в том, что эти донесения способствовали принятию правильных решений». Один из аэронавтов, обслуживавших «Дерзающего» де Селль де Бошам, рассказывает в своих мемуарах, что «Все пленные с недоумением оглядывали эту чудовищную машину. Одни из них готовы были броситься на колени и обожествлять ее, другие же свирепо грозили ей кулаком, повторяя на своем языке: «Шпионы, вы будете повешены, когда вас поймают».

Опыт показался настолько убедительным, что три месяца спустя, 8 вендемьера, Конте было поручено организовать в Медоне вторую воздухоплавательную роту. Новый аэростат, «Ловкий», был закончен постройкой в октябре 1794 г.; одновременно была основана и воздухоплавательная школа, в которой было шестьдесят слушателей. В программу их обучения входили курсы математики, физики, химии, географии и т. п. В январе 1795 г. Комитет Общественного Спасения принял решение о постройке еще четырех военных воздушных шаров. Французская наука подарила нашей армии новое оружие.

* * *

Подводя эти общие итоги, вклада, внесенного нашими учеными в дело национальной обороны во II году Республики, мы могли бы прямо сказать, что без них победа была бы невозможна. Без ученых, которые сумели в течение нескольких месяцев сымпровизировать военную промышленность в стране, где была нехватка во всем—в сырье и в оборудовании, в руководителях и в рабочей силе,—без них массовая мобилизация осталась бы пустым и театральным жестом.

Мы говорили об импровизации. Но не следует забывать, что эта импровизация была подготовлена всем удивительным научным движением, которое непосредственно предшествовало Революции. Без открытий Лавуазье и его сотрудников эта импровизация была бы немыслима. Во II году ученые сумели только быстро дать практическое применение тем теоретическим изобретениям, которые были уже ясно изложены в «Химических анналах», семнадцатый том которых вышел как раз в 1793 г. В науке в большей мере, чем где бы то ни было, нет места чудесам в точном смысле этого слова, т.-е. нет места созданию ex nihilo (из ничего). Чудо заключалось в организации и воле. Пути же были раньше еще подготовлены разумом.

Теоретическая и практическая наука тесно связаны. Разделять их могут только упрощающие и ограниченные умы. Утилитаризм, который поощряет только приложения науки, в конечном счете работает во вред самому себе. Теоретики, люди системы, которых презирают или не ценят государственные люди, являются подлинными реалистами, потому что только они умеют подчинять факты законам. Другие же беспомощно барахтаются на волнах эмпиризма, который является противоположением науке и организации.

Если Франция II года, по словам Шапталя, «сумела еще раз показать изумленной Европе, на что способна великая, просвещенная нация, когда посягают на ее независимость», то причина этого коренится в том, что те, кто был у власти, в Комитете Общественного Спасения, любили науку не только за те непосредственные услуги, какие она могла им оказать, но и за ее собственное величие и красоту. Именно потому, что они любили науку ради нее самой, без задней мысли, они и сумели так хорошо использовать ее. Если знаешь науку и ученых только издали, если питаешь по отношению к ним только обычное почтение «из приличия», то в нужный момент никогда не сумеешь воспользоваться ими. К счастью для Франции, члены Ко-

митета Общественного Спасения были людьми глубоко культурными. Они были охвачены энтузиазмом по отношению к научным открытиям своей эпохи, они знали, по крайней мере, общие принципы различных дисциплин. В Конвенте и среди якобинцев не редкостью было встретить членов Академии Наук.

Правители того времени сразу поняли, где искать разрешения стоявших перед ними трудностей. Они знали, в какие ворота нужно стучать, чтобы разрешать страшные проблемы, от решения которых зависело спасение родины и надежды мира. «Комитет Общественного Спасения,—сказал Жорж Пуше,—имел ощущение, что победит он только при помощи науки».

Питая бескорыстную страсть к науке, как и бескорыстную страсть к свободе, члены Конвента совершили великие дела, которые мир видел только один раз. В разгар Террора они создали десятичную систему мер и весов, они послали Деламбра и Мешена измерить дугу меридиана между Дюнкирхеном и Барселоной, они основали Музей естественной истории, Луврский музей, Консерваторию, они поручили Комиссии искусств собрать и инвентаризировать во всей Франции картины, скульптуры, рукописи, всякого рода предметы искусства и науки, организовывали всеми способами научное образование в знаменитой Нормальной школе [1]), которая функционировала, наподобие Оружейной школы, революционным образом.

Как хорошо подметил Франсуа Араго, раньше ученые во Франции образовывали класс, совершенно отличный от профессоров. «Призвав лучших геометров, лучших физиков, лучших натуралистов в мире к профессорской работе, Конвент придал преподавательской деятельности неслыханный блеск, благодетельные последствия которого мы ощущаем до сих пор. В глазах публики титул, который носили такие люди, как Ла-

[1]) О Нормальной школе в III году см. солидный труд Поля Дюпюи в «Livre du centenaire» («Книга к столетию»).

гранж, Лаплас, Монж, Бертолле, по праву стал одним из почтеннейших. Если в эпоху империи Политехническая школа насчитывала среди своих преподавателей государственных советников, министров и председателя сената, объяснение этого следует искать в толчке, данном Нормальной школой» [1]).

Освободив территорию страны от врагов, наука стала также источником ее обгатства. Годы, которые последовали за славным Базельским договором, были золотым веком нашей крупной индустрии. Оборудование, созданное для нужд обороны, помогло нам впоследствии одержать победы на всех рынках мира. «Успехи, достигнутые химией в течение тридцати лет,— говорит Шапталь,—покажутся потомству тем более удивительными, что важнейшие открытия были сделаны среди политических бурь; когда-нибудь будут спрашивать, каким образом народ, воевавший со всей Европой, мог поднять свою промышленность на ту высоту, которой она достигла... Движение, начавшееся тогда, не заглохло; многие ученые, брошенные почти против своей воли на путь промышленности, остались во главе своих предприятий, и многочисленные ученики, которых создает химия, рождают все новых и новых последователей во всех областях [2]).

Вспомним еще, что никогда наука и ученые не были так близки к власти, как во II году. Комитет Общественного Спасения ощущал их выдающееся значение и был вознагражден за безграничное доверие, которое он им оказывал in hoc signo vicit! [3]). Это великий урок, который небесполезно напомнить, чтобы извлечь из него вместе с примером и практические указания для поступков и надежд.

[1]) Элогия Жозефа Фурье. Собрание сочинений, т. I, стр. 310.
[2]) De l'industrie française, т. II, стр. 36.
[3]) Под этим знаменем победил! (Перев.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ

Составившие коалицию европейские короли и их министры начали войну с революционной Францией в полной уверенности, что одержат легкую победу. Они знали, что французская армия дезорганизована, почти лишена офицерских кадров. Они уверяли себя, что свобода еще больше дезорганизует страну. Борьба партии и всевозможных кружков давала им повод думать, что революционеры, ведущие непримиримую борьбу между собой, в состоянии будут оказать им лишь очень слабое сопротивление. Самонадеянные и надменные эмигранты уверяли их, что стоит им лишь показаться, как французы массами протянут к ним умоляющие руки. Поход на Париж должен был быть лишь военной прогулкой. Молодые добровольцы не смогут выдержать натиска испытанных войск Пруссии и Австрии. Но вышло так, что вместо того, чтобы при первом столкновении сдаться на милость победителя, добровольцы оказали яростное сопротивление.

Реакционные писатели еще не поняли, как и почему революция, т.-е., по их мнению, анархия, торжествовала над монархиями, т.-е. над порядком. Некоторые демагоги нашего времени, советовавшие нам заключить мир или провозгласить короля, по всем видимостям, также не поняли глубокой причины торжества революционеров. Последние торжествовали именно потому, что они оставались самими собой, революционерами, т.-е. носителями свободы, смелости и прогресса.

Историки, враждебные революции, пытались доказывать, что внешние обстоятельства имели главное влияние на революционные победы. Они подчеркивали несогласие, существовавшее в среде коалиции, соперничество между прусскими и австрийскими генералами, эгоистические интересы Англии и т. д. Они пытались доказывать, что деятельность Костюшко и польское восстание сыграли чуть ли не решающую роль и что, в конечном итоге, Польша спасла Францию. Они не останавливались ни перед чем, лишь бы умалить значение революционных побед.

Эти рассуждения не выдерживают критики. Во время двух наступлений, в сентябре 1792 г. и августе 1793 г., прусские и австрийские генералы действовали в полном согласии. Отнюдь не вымышленные расхождения между Саксен-Тешеном и герцогом Брауншвейгским заставили первого отступить от Вальми, а второго снять осаду Лилля. Как один, так и другой были вынуждены к этому превосходством тактики революционных генералов и революционными войсками. Армия герцога Брауншвейгского таяла на глазах ее начальников; ее коммуникационным линиям к Вердену угрожала опасность. Ничто не говорит о том, что отступление герцога произошло под давлением сторонних, невоенных факторов. Что касается Саксен-Тешена, то он вынужден был снять осаду под давлением французских войск, получивших новые подкрепления.

В августе 1793 года Англия делала на континенте огромные усилия. Она высадила армию, которая окружила Дюнкерк; английские войска заняли Корсику и Тулон. Она послала оружие и амуницию восставшим вандейцам. В это самое время австрийские и прусские генералы вели согласованное наступление. В полном согласии они взяли Майнц, прорвали линию Летера и Сарра. И вовсе не воображаемое несогласие, якобы существовавшее между союзными генералами, объясняет победы, дорогой ценой доставшиеся Гошу и Пишегрю, отбросившим коалицию к Палатинату.

К концу 1793 года наши границы были очищены, война перенесена на неприятельскую территорию, а восстание в Польше еще не начиналось. Оно вспыхнуло лишь в мае 1794 года. Никто не восхищается в такой мере, как я, деятельностью Костюшко. Но представлять себе его в роли непосредственного спасителя Франции,—это значит закрывать глаза на действительность. Правда заключается в том, что если бы революция не побеждала, Костюшко не решился бы поднять восстание. Правда—в том, что численность армии Костюшко никогда не превышала 17.000 человек и что его отряды, которые он с большим трудом собрал, оттянули лишь очень незначительную часть подкреплений, которые могли быть посланы армиям, воевавшим с нами. Польское восстание было подавлено русскими. На события, происходившие на Западе, оно имело очень незначительное влияние. Приписывать этому восстанию революционные победы под Флерюсом и в Бельгии просто смешно.

Консервативные писатели, пытаясь объяснить кажущуюся им непонятной победу «анархии», выдвигают и ряд других соображений. Они отделяют армию от народа. Они воздвигают между ними барьер. По их мнению, армия была пропитана духом порядка и дисциплины, унаследованными от старого режима. Командные кадры армии, несмотря на поредение, вызванное эмиграцией, продолжали состоять из офицеров, воспитанных в старых традициях, единственно, по их мнению, хороших. Вот эти-то офицеры будто бы воспитали революционных офицеров, так же, как старые солдаты после слияния привили свою военную доблесть и военные добродетели недисциплинированным добровольцам. Короче говоря, выходит, будто старая благодетельная французская монархия продолжала торжествовать над Европой под трехцветным знаменем.

Наши читатели знают, что надо думать о мнимом расхождении идей и чувств, которое якобы существовало между политическим персоналом и армией. Армия

далеко не была чужда якобинству,—она была его крепостью. Слияние далеко не растворило добровольцев среди линейных; операция эта имела как-раз обратный результат: линейцы были поглощены добровольцами. Генералы далеки были от того, чтобы следовать старым традициям. Они отбросили их с презрением, находя эти традиции подходящими для противника. Тактика Карно была нова. Начальники, которых он нашел для применения ее, были все молодые люди, ничем или очень малым обязанные книгам и школам. Это были люди, случайно ставшие солдатами: Лазарь Гош, сержант в 1792 году, генерал, командующий Мозельской армией—в 1793 году, имел двадцать четыре года от роду; Марсо—писец у прокурора в 1789 году, сержант в 1792 году, генерал, командующий армией в 1793 году, имел от роду также двадцать четыре года; Журдан—галантерейщик в Лиможе в 1789 году, генерал, командующий армией,—в 1793 году, от роду тридцати двух лет; Пишегрю—унтер-офицер в 1789 году, генерал, командующий армией в 1793 году, от роду тридцати трех лет; Бонапарт—лейтенант в 1789 году, генерал в 1793 году, от роду двадцати четырех лет, и т. п. Это была молодость, действенность, порыв. Это было будущее.

Перед низшими офицерами открывалась широкая дорога. Генеральский чин отныне перестал быть для них недостижимым. Лучшие из них, это—не те, которые коснели в казармах, но те, на кого свободный выбор добровольцев возложил ответственность. Эти импровизированные офицеры, эти штатские, надевшие форму, сделали самую блестящую военную карьеру. К этому заключению приходят и все авторы многочисленных монографий. Уже добрый Анри Мартэн писал: «Врачи, адвокаты, торговцы, артисты или, в лучшем случае, низшие офицеры, как Карно, были поставлены Конвентом над генералами. В другие времена это было бы смешно, но тогда это было необходимо, грозная действительность требовала этого. Иностранные державы, которые насмехались раньше, вскоре перестали смеяться.»

Войска достойны были своих командиров. Напрасно многие пытались подчеркивать и преувеличивать отдельные исключительные инциденты, чтобы доказывать, что добровольцы не имели той крепкой спайки, которая была присуща армии старого режима. С трудом собранные тенденциозные факты отпадают: «Мы можем сказать,—писал историк добровольцев департамента Мерты,—что дисциплина этих батальонов никогда не оставляла желать лучшего. Были, конечно, случаи упадка духа, особенно при отступлении армии из Бельгии, и мы этих случаев не скрываем, но эти периоды упадка духа длились недолго. Несмотря на наличие разных элементов, общее настроение в рядах войск было прекрасно, и можно было удивляться при виде того, с какой быстротой наши добровольцы были сформированы и получили боевой закал». Анри Пулэ в своих воспоминаниях с должной справедливостью отзывается о добровольцах: «Линейные полки были обучены, но в рамках, нужных для парада и для мирного времени; они были чрезвычайно ослаблены благодаря дезертирству. Рекрутирование не могло пополнить их. Молодые люди предпочитали поступать в добровольческие батальоны... Линейные войска были физически слабы, как это всегда бывает с теми, которые долгое время живут в казармах. Солдат не получает достаточного количества пищи; безделие, болезни и пороки разрушают здоровье самых сильных и лишают их возможности переносить тяготы войны. Этого не было у добровольцев. В смысле выдержки, здоровья и патриотического духа они не оставляли желать ничего лучшего и могли служить примером».

Армия революции имела над коалиционной армией то преимущество, что она не была казарменной армией: «Лучшие войска, по словам одного военного писателя, это—те, которые набраны среди народа, когда они воодушевлены патриотическим порывом,

имеют хорошие командные кадры и хорошо обучены. Профессиональные же солдаты стоят на втором плане».

Если армия революции победила, то это потому, что она представляла собой вооруженный народ,—народ, который рвался к жизни, народ, обладавший огромными источниками жизненной силы. Эта тесная связь между народом и армией и есть глубокая причина, объясняющая феномен, который Жозеф де-Местр рассматривал как чудо, ниспосланное провидением.

Свобода не ослабила, а, наоборот, спасла революционную Францию. Разногласия, партийные споры, даже восстания были лишь поверхностными, незначительными инцидентами. Умеренные, жирондисты, монтаньяры, дантонисты, робеспьеристы сменяли друг друга у власти. Но их разногласия разрешал народ. Это он выбирал между людьми и партиями, это он предоставлял им или отнимал у них власть. Никогда до того он не имел такого влияния на общественные дела. Никогда он до такой степени не был народом-самодержцем, хозяином своей судьбы.

Заслуживает восхищения то, что инициатива широких мер, направленных к обороне страны, исходила не от правительства, а от широких народных масс. Национальная гвардия, колыбель добровольческих батальонов, организовалась внезапно сначала в Париже, а затем и в остальной Франции.

Учредительному Собранию оставалось только санкционировать новое формирование, которое в действительности было краеугольным камнем нового порядка.

Буржуазию, боявшуюся Конвента, ослепленную интересами своего класса, народ заставил отказаться от злоупотреблений, которые наносили огромный ущерб системе рекрутирования солдат и ставили под сомнение успех дела. Многочисленные петиции осуждали заместительство и требовали абсолютного равенства всех граждан в выполнении военного долга. Всеобщая мобилизация и реквизиция были декретированы по настоянию делегатов с мест, приехавших в Париж

10 августа 1793 г. Если армия революции превосходила численно армию коалиции, то это было потому, что французский народ заставил своих избранников провести при наборах принцип справедливости.

Если штабы были очищены, если последние офицеры-дворяне ушли с командных постов, то это произошло потому, что клубы и армия потребовали этого.

Раньше еще, чем Конвент декретировал обязательную помощь нуждавшимся семьям солдат, такая помощь была уже организована во многих департаментах. Никогда не будет в достаточной мере обрисовано то широкое участие в обороне страны, которое принимала местная администрация. Нет более близорукого и ложного представления, нежели то, будто в 1793 году покорная Франция управлялась Парижем. Часто бывало наоборот. Часто Париж принимал к исполнению меры, которые уже ранее с успехом были применены в провинции.

Постановление народного представителя, решение какого-нибудь муниципалитета впоследствии становились декретом Конвента.

Коалиция и эмигранты громко возвещали и пытались уверять, что движение, вызванное свободой, было лишь бесстыдной анархией. Революционеры же видели в свободе необходимое условие прогресса. 27 мая 1792 г. депутат Лакюэ в докладе о снабжении армии продовольствием обратился с призывом к общественному мнению не только помогать в борьбе с злоупотреблениями, но и помогать власти полезными советами и проектами различных реформ. «В свободной стране в момент революции все граждане следят за деятельностью министерств, все граждане считают своим долгом сообщать Законодательному Собранию не только об открытых ими непорядках, но также о своих догадках и опасениях». Французы откликнулись на этот призыв. Многочисленные заявления, которыми они наводнили канцелярии, свидетельствуют об искреннем сотрудничестве, которое они оказывали властям.

Заслуга правителей состояла в том, что они поняли, какую огромную пользу для успеха дела можно было извлечь из такого сотрудничества и контроля. Члены Комитета Общественного Спасения работали открыто, на виду у всего народа. Они не хотели навязывать стране свою волю и свои решения, надевая ей шоры, скрывая от нее неприятные подчас истины. Если бы у них и было такое намерение, они не могли бы осуществить его. Франция—и военная и гражданская—слишком дорожила только что завоеванной свободой, чтобы дать уничтожить ее. Террор в принципе был направлен только против врагов нового режима, против тех, которые сами поставили себя вне закона.

Комитет Общественного Спасения не довольствовался рассылкой своих представителей по стране для ознакомления с положением дел на местах. Он обращался непосредственно к народным массам. Даже в тот момент, когда он был всесилен, Комитет Общественного Спасения не уничтожил и не ослабил народного представительства.

В вопросе о слиянии добровольцев с линейной армией Комитет Общественного Спасения разошелся с автором проекта Дюбуа-Крансэ. Восторжествовала точка зрения не Комитета, а Дюбуа-Крансэ.

Депутат Конвента Лекуантр начал кампанию против канцелярий, обвиняя их в саботаже производства оружия и снабжения.

Такой важный закон, как введение таксы на предметы продовольствия, был принят помимо правительства.

Этих примеров достаточно, чтоб заставить понять, что, если Франция победила в 1794 году, это произошло не потому, что она отказалась от своей свободы, своего права контроля и инициативы и передала все это в руки нескольких гениальных людей. Правда, Комитет Общественного Спасения делал великое дело, но лишь потому, что он сконцентрировал и ускорил

исполнение, а не потому, что поглотил всю власть в государстве. Он оставил Конвенту право решения, стране—ее свободное мнение и сумел привлечь к своей работе все живые силы страны. Его диктатура была не диктатура смерти, а диктатура жизни.

Постоянное воздействие армии на страну и страны—на армию, граждан на депутатов и депутатов—на правительство; сотрудничество всех патриотов в огромной работе по подготовке победы—таково было чудо 1794 года.

Революционная демократия была настоящей демократией. Она не сомневалась в законности своих прав, в силе своих доктрин. Она вся отдалась войне, которой она не искала. Она восторжествовала над старым миром, потому что была отрицанием его.